

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

На правах рукописи

Кикило Наталья Игоревна

**НЕЗАВИСИМЫЕ ДА-КОНСТРУКЦИИ В МАКЕДОНСКОМ И СЕРБСКОМ
ЯЗЫКАХ (СТАТУС, ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ)**

Специальность: 10.02.03 – Славянские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Е. В. Верижникова

Москва – 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Статус ДАК в македонском и сербском языках: теоретическое осмысление проблемы	11
1.1. ДАК как балканская инновация.....	11
1.2. Морфосинтаксические свойства союзной частицы <i>да</i> . Инвариантное значение нефактивности.....	17
1.2.1. Македонский язык	19
1.2.2. Сербский язык.....	25
1.3. Статус элемента ДА и независимой ДАК: история вопроса	33
1.3.1. Языки с высоким индексом «балканизации»: македонский, болгарский... 34	
1.3.2. Сербский язык.....	50
Глава 2. Зависимый и независимый типы ДАК. Условность синтаксической классификации	54
Глава 3. Независимая ДАК. Императивное значение	60
3.1. Семантика императива.....	60
3.2. Система императивных форм и конструкций в македонском и сербском языках.....	65
3.2.1. ДАК и формы повелительного наклонения	66
3.2.1.1. 2-ое лицо	69
3.2.1.2. 1-ое лицо множественное число	77
3.2.1.3.1. Косвенное повеление, 3-е лицо. Безличные пассивные конструкции	84
3.2.1.3.2. Оптативное значение	91
3.2.1.3.3. Пермиссивное значение <i>нека</i>	92
3.2.1.3.4. Нонкуративное значение <i>нека</i>	93
3.2.1.3.5. Заключение.....	94
3.2.1.4. 1-е лицо единственное число	96
3.2.1.4.1. Значение намерения: изменение когнитивного статуса говорящего	97
3.2.1.4.2. Опосредованная каузация действия	102
3.2.1.4.3. Императивный вопрос	103
3.2.1.5. ДАК и прохибитивные конструкции <i>немој(те) да + praes</i>	104
3.2.1.6. Маркированные семантические подтипы императивной ДАК	109
3.2.1.6.1. Конструкция <i>да + perf.</i> Строгое повеление/эмфатическое запрещение.....	109
3.2.1.6.2. Вежливая просьба: <i>да+impf</i> в македонском языке.....	112
3.3. Дискурсивные ДАК.....	113
3.3.1. Опыт классификации македонских и сербских дискурсивных ДАК... 115	
Глава 4. Оптативное значение независимой ДАК	135

4.1. Семантика оптатива	135
4.2. Классификация оптативных значений. Гипотетические и контрфактивные типы ситуаций	138
4.3. Проблема соотношения оптативных ДАК и конструкций условного периода	145
4.4. «Магический» оптатив	148
4.5. Заключение	157
Глава 5. Независимая ДАК в вопросительных высказываниях	159
5.1. Вопросы типа (<i>дали</i>) <i>да + praes</i>	159
5.1.1. Императивный вопрос (вопрос о повелении)	159
5.1.2. Эхо-вопросы	162
5.1.3. Рефлексивные вопросы (<i>дали</i>) <i>да + praes</i>	163
5.2. Частные вопросы типа <i>што / што да + praes</i> . Риторические вопросы	166
Глава 6. ДАК и эвиденциальные показатели в македонском языке	172
6.1. Категория эвиденциальности в македонском языке: типологические характеристики	172
6.2. Подтипы эвиденциальных значений в македонском языке. Взаимодействие эвиденциальности и модальности	178
6.3. Косвенные эвиденциалы и да-конструкция	182
6.3.1. Пересказ повеления. Модализированные стратегии употребления косвенных эвиденциалов	182
6.3.2. Вопросительные ДАК и эвиденциальные формы	186
6.3.3. Адмиративные ДАК. Адресованный адмиратив	190
Заключение	196
Список литературы	203
Приложение	215

Введение

Семантическая зона ирреальности и языковые средства ее выражения являются актуальным предметом исследования как работ по лингвистической типологии, так и описания отдельных языков. Особый интерес в данной области представляет детальное описание значений и функционирования глагольных форм и конструкций с выраженной ирреальной семантикой.

Работа представляет собой результаты анализа *да*-конструкции независимого типа на материале македонского и сербского языков. *Да*-конструкцией (далее ДАК) называют сочетание союзной частицы *да* и финитного глагола, чаще всего в форме презенса, которое в позиции независимого предиката имеет широкий спектр модальных значений, прежде всего, императивно-оптативной направленности, напр.:

Мак.: а) *Да ја испееш оваа песна!* Спой эту песню! б) *Бог да го прости!* Упокой его Господь!

Серб.: а) *Да дођеш сутра обавезно!* Приходи завтра обязательно! б) *Бог да му душу прости!* Упокой его Господь!

ДАК в языках южнославянского ареала вызывает интерес исследователей благодаря своей многозначности и полифункциональности. Помимо императивных и оптативных высказываний, в македонском и сербском языках независимая ДАК также используется в разных типах вопросительных предложений (подтипы частных и общих вопросов *Што да правам? / Да платиме?* «Что делать? / Мы заплатим?» и эхо-вопросов – *Остави ме! – Да те оставам?! Никогаи!* «– Оставь меня! – Оставить тебя?! Никогда!»). Также македонская ДАК выражает специфическое для грамматических систем балканских языков адмиративное значение (*Имам пет пенкала и ниедно да не пишувал!* «У меня пять ручек и чтоб ни одна не писала!»). В независимом предложении сочетание *да* и глагола имеет модальную семантику, в то время как в зависимой клаузе *да* выполняет преимущественно союзные функции, присоединяя предикат, описывающий нефактивную ситуацию или ситуацию, не охарактеризованную темпорально или модально.

Полифункциональность элемента *да* становится причиной дискуссии о том, какое место занимает ДАК в глагольной системе каждого из южнославянских языков. Активный исследовательский интерес к многоаспектному вопросу демонстрируют такие монографии и работы как «Rečenice s konjunkcijom “da” u hrvatskom jeziku» А. Мусича [Musić 1900], «Funkcja syntaktyczna partykuły **da** w językach pd.-słowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbo-chorwackim)» З. Голумба [Gołąb 1954],

«Подчинительный союз *да* в современном болгарском языке» З. Геннадиевой-Мутафчиевой [Геннадиева-Мутафчиева 1970], «Подчиненные предложения с союзом *да* в современном словенском книжном языке (в сравнении с болгарским)» М. Деяновой [Деянова 1985], «Analytic Modality in Macedonian» К. Крамер [Kramer 1986], «Полифункциональное ДА в болгарском языке» В. Сашевой Ивановой [Сашева Иванова 2015], а также аналитические статьи недавних исследовательских проектов: сборник Македонской академии наук и искусств «Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции» под ред. З. Тополинской [Субјунктив 2014], статьи «*Да*-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков» Е. Ю. Ивановой [Иванова 2018], «ДА-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке» М. Ухлика и А. Желе [Ухлик, Желе 2018].

В работе выбор языковых систем для сопоставления не случаен. Македонский и сербский являются южнославянскими языками балканского региона, которые входят в ареальную группу с общими структурными чертами негенетического происхождения, известную в лингвистике под названием балканского языкового союза (далее БЯС). Два языка имеют различный индекс «балканизации»: македонский, согласно списку примарных балканизмов Г. В. Шаллера [Schaller 1975: 191], находится в центре балканского языкового союза наряду с болгарским, албанским, румынским (включая арумынский и мегленорумынский языки/диалекты); сербский язык, за исключением некоторых диалектов (прежде всего, призренско-тимокских говоров), занимает периферийное положение [Асенова 2002: 16]. Использование аналитической конструкции с союзной частицей на месте старых инфинитивных форм является одним из важнейших признаков, характеризующих изменения балканских языков на морфосинтаксическом уровне [Sandfeld 1930]. В. Фридман называет данные аналитические конструкции сокращением ДАТСНА, по начальным буквам соответствующих частиц в языках БЯС: македонский, болгарский (*да*) албанский (*të*), румынский (*să*), греческий (*να*) [Фридман 1987: 110]. В ареальной лингвистике активный процесс экспансии ДАК на территории балканославянского языкового континуума рассматривается как прогрессивная инновация, которая имеет потенциал распространения по направлению от центра инновации (центральные македонские говоры) на северо-запад и восток [Цыхун 1981: 9, 156]. Двигаясь от территории македонских говоров, инновация постепенно «затухала» на сербской диалектной территории. В результате ДАК входит в морфосинтаксическую структуру обоих языков, однако ее семантическая и функциональная «нагруженность» различна. Мы отталкиваемся от гипотезы, что македонский как язык аналитический, чья глагольная

система восприимчива к балканским инновациям и модально-темпоральным надстройкам в значении отдельных глагольных форм [Верижникова 2012], демонстрирует тенденцию к выраженной грамматикализации ДАК, в то время как сербский язык, не входящий в ядро БЯС [Schaller 1975], обнаруживает бóльшие ограничения на функционирование конструкций с *da*. Предполагается, что сравнение значений и употреблений независимой ДАК в двух языках покажет, как далеко продвинулся процесс грамматикализации конструкции в македонском языке на фоне ее функционирования в сербском.

В работе намеренно сужается зона исследования употреблений конструкций *da+Vfin* до ее независимого типа и оставляются в стороне союзные функции элемента *da* в структуре сложноподчиненного предложения и составных сказуемых, поскольку именно в независимой позиции употребление ДАК обусловлено семантикой ситуации, а не синтаксическим окружением конструкции.

Описательные грамматики македонского и сербского языков обходят сложности в определении статуса элемента *da* и детально не прописывают функциональные и семантические особенности независимой ДАК, что определяет **актуальность** данного исследования. Несмотря на пристальное внимание к частным функциям ДАК в македонском и сербском языках (см., напр. работы [Фелешко 1974], [Гудков 1971], [Бужаровска, Митковска 2014], [Тофоска 2014], [Wiemer 2014], [Стешевич 2014а, 2015а] и т.д.), на настоящий момент не существует работы, которая бы последовательно рассматривала значения и употребления независимой ДАК в их взаимосвязи и взаимовлиянии.

Объектом исследования является независимая ДАК как часть модально-темпоральных систем македонского и сербского литературных языков. Статус, функции и значения независимой ДАК составляют **предмет** исследования.

Цель настоящей диссертационной работы – дать анализ структурных и функциональных особенностей независимой ДАК в македонском и сербском языках, последовательно описать спектр ее значений и определить статус и место в глагольной системе.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) исследовать теоретические основы вопроса о статусе ДАК в македонском и сербском языках (дополнительно привлекая теоретические достижения болгарской лингвистики, в которой проблема статуса ДАК получила широкое освещение);

- 2) выработать для настоящей работы критерий различения независимого и зависимого типа ДАК в македонском и сербском языках;
- 3) выделить и сравнить круг значений независимой ДАК в двух языках, выявить ее коммуникативный потенциал и прагматические условия употребления;
- 4) проанализировать дистрибуцию глагольных форм в сочетании с модальной союзной частицей *да* и ее взаимосвязь со значениями ДАК;
- 5) для определения места в системе сопоставить ДАК с другими изофункциональными формами и конструкциями;
- 6) определить место независимой ДАК в грамматических системах двух языков.

В работе использован **метод** научного описания языковых единиц с опорой на методологические достижения функционального и коммуникативно-прагматического подходов, а также сопоставительный метод.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды в области типологии грамматической семантики напр. [Бенвенист 1974], [Храковский, Володин 2002], [Bybee et al. 1994], [Palmer 2001], [Плунгян 2011], семантических исследований [Падучева 1996, 2019], [Булыгина, Шмелев 1997], [Добрушина 2016], функциональной грамматики и прагматики [Бондарко 1990], а также классические работы по славянскому и балканскому языкознанию [Schaller 1975], [Грицкат 1975], [Цивьян 1979], [Асенова 2002], [Фридман 2011] и ареальной лингвистике, которая описывает контактные языковые процессы и результаты их распространения [Цыхун 1968, 1981], [Sobolev 2019].

Языковым материалом послужили литературные тексты разных функциональных стилей, написанные в период с начала XX века (сербский корпус примеров) и 30-ых гг. (македонский корпус примеров) до настоящего времени. Примеры употребления ДАК были получены способом сплошной выборки из произведений классического фонда македонской и сербской литературы (П. М. Андреевский, В. Малеский, Ж. Чинго, И. Андрич, Д. Ковачевич, М. Павич, Б. Нушич и др.) и современных авторов нового поколения (Р. Бужаровска, Ж. Куянджиский, С. Мацановский, Г. Петрович и т.д). Также привлекался материал Корпуса современного сербского языка (серб. *Korpus savremenog srpskog jezika, verzija SrpKor2013*, сокращенно *KSSJ*), который разрабатывается Белградским университетом под руководством Д. Виташа и М. Утвича, проект македонского национального корпуса к настоящему моменту не реализован. Помимо литературных произведений использовался материал публицистических статей печатных и интернет-изданий СМИ («Нова Македонија», «Окно.mk», «Off.net.mk», «Политика», «Nedeljnik» и др.), а также социальных сетей и

интернет-форумов, отражающих особенности разговорного стиля речи носителей македонского и сербского языков.

Научная новизна работы состоит в подробном описании ирреальной семантики независимой ДАК на стилистически разнообразном корпусе примеров македонского и сербского языков; значимо выделение сходства и различий контекстного употребления ДАК в двух языках, а также сопоставление ДАК и синонимичных ей глагольных форм и конструкций; впервые описана так называемая дискурсивная функция независимой ДАК и представлена классификация дискурсивных маркеров, включающих элемент *да*; установлены общие грамматико-семантические тенденции употребления независимой ДАК в двух языках.

Теоретическую значимость имеют выводы о статусе независимой ДАК в грамматических системах исследуемых южнославянских языков, а также анализ взаимодействия грамматических категорий глагола, благодаря которому аналитическая конструкция приобретает новые функции в языке; сопоставительный характер работы предполагает возможное применение теоретических результатов в сравнительной грамматике славянских языков.

Практическая ценность диссертации заключается в систематизации широкого спектра модальных значений ДАК, которая может быть использована в преподавании практического языкового курса. Стилистически разнородная база примеров может послужить иллюстративным материалом на занятиях по современному македонскому и сербскому языку, по теории и практике перевода; результаты наблюдений за употреблением ДАК в публицистических текстах могут быть интегрированы в курс по языку СМИ. Введение в научный оборот нового языкового материала также имеет практическую ценность для последующих исследований по проблемам, связанных с особенностями грамматической семантики южнославянских языков, или типологических исследований более широкой направленности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Независимая ДАК является коммуникативно значимым элементом македонского и сербского литературных языков и имеет широкий диапазон модальных значений, центральными из которых являются императивное и оптативное.
2. Независимые ДАК образуют особую группу дискурсивных маркеров, которые служат организации процесса коммуникации между участниками общения. Дискурсивные ДАК являются речевыми формулами, с помощью которых

реализуются фатические и экспрессивные языковые функции в терминах Р. О. Якобсона [1975].

3. Анализ ограничений, накладываемых на выбор глагольных форм после модальной союзной частицы *да* в македонском языке, свидетельствует о тенденции к грамматикализации независимой ДАК, которая функционирует в языке как аналитическая форма косвенного наклонения.
4. В сербском языке независимая ДАК не имеет отдельного места в глагольной системе наклонений, конструкции с союзной частицей *да* входят в ряд конкурирующих на синхронном уровне форм, выражающих сходные или тождественные модальные значения.

Структура работы состоит из введения, шести глав, заключения, библиографии и приложения, включающего иллюстративные примеры употребления ДАК в двух языках.

Апробация работы. По теме диссертации были опубликованы следующие статьи и тезисы в сборниках конференций по славистике и рецензируемых научных журналах:

- 1) Кикило Н. И. Особенности функционирования формы 1-ого лица ед.ч. независимой *да*-конструкции в македонском языке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.
- 2) Кикило Н. И. Дискурсивная функция независимой *да*-конструкции в македонском языке // Славяноведение. 2017. № 1. С. 95–102.
- 3) Кикило Н. И. Независимая *да*-конструкция и вопросительная модальность (на примере частных вопросов типа *што/како/каде да + praes*) // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски. 7. Зборник на трудови од VII македонско-руска научна конференција (одржана во рамките на Меѓународен славистички собир на 15-16 јуни 2017 г. во Скопје). Ред. А. Г. Шешкен. Скопје, 2018. С. 169–177.
- 4) Кикило Н. И. Независимая *да*-конструкция в заголовках статей СМИ и рекламных слоганах (на материале македонского и сербского языков) // ZDF 7: Zbornik radova s Međunarodnog znanstvenog skupa Zadarski filološki dani 7 organizovanog u Zadru i Biogradu 22. i 23. rujna 2017. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2019. S. 365–377.

- 5) Кикило Н. И. Особенности оптативной модальности в македонском языке (на примере функционирования независимой *да*-конструкции) // Славянский альманах. 2020. № 1-2. С. 301-323.
- 6) Кикило Н. И. История (не)существующего наклонения: *да*-конструкция в македонском и сербском языках (независимый тип) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. №2. С. 62-78.
- 7) Кикило Н. И. Взаимодействие категорий лица, числа и модальности в ирреальных конструкциях македонского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, № 2. С. 25-33.
- 8) Кикило Н. И. Показатели категории эвиденциальности и *да*-конструкция: межкатегориальные взаимодействия в македонском языке // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. Институт славяноведения РАН Москва, 2020. С. 178-184.
- 9) Кикило Н. И. Некоторые случаи разграничения зависимого и независимого типов *да*-конструкции (на материале сербского и македонского языков) // Доминанты сербской культуры. Материалы I научно-практической школы сербистики (сост. Е. И. Якушкина). М: Изд. Московского университета, 2020. [Электронное издание]. С. 51-59.

Поэтапные результаты исследования были представлены к обсуждению в докладах на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Московский государственный университет (2015, 2016); научной конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» Института славяноведения РАН (2015, 2020); VII международной славистической конференции в Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия в г. Скопье, Р. Македония (2017); научной конференции «Zadarski filološki dani» в Университете г. Задара, Р. Хорватия (2017); I научно-практической школе сербистики «Доминанты сербской культуры», г. Красновидово (2019).

Глава 1. Статус ДАК в македонском и сербском языках: теоретическое осмысление проблемы

1.1. ДАК как балканская инновация

Элемент *да* входит в унаследованную из праславянского языка группу частиц (или, в терминологии Т. М. Николаевой – примарных партикул [Николаева 2008: 452]) и на современном этапе развития присутствует в том или ином статусе в системах всех славянских языков [ЭССЯ 1977, 4: 180]. В старославянском языке *да* имело двойственную природу союзного элемента, присоединяющего придаточные цели, и частицы, которая в сочетании с личными формами глагола совершенного и несовершенного вида настоящего и будущего простого времен выражала значение повеления или желания [Мейе 2001: 392, Хабургаев 1986: 235]. Отмечается, что аналитические конструкции с *да* были очень близки или даже равнозначны по своей семантике синтетическим формам повелительного наклонения, поскольку в списках памятников находятся примеры разночтений, где обе формы используются в одинаковых ситуациях волеизъявления, см. примеры в [Сведенцова 2011, 2014].

Общеславянский союз/частица *да* имеет самобытную историю развития на южнославянской языковой территории. Сохраняя унаследованные синтаксические функции, союз/частица *да* расширил сферу своего употребления далеко за их пределы, став главным элементом для выражения отношений гипотаксиса [Асенова 2002: 196]. Среди причин гипертрофии функций *да* выделяют как внутренние конвергентные процессы, так и внешние факторы, связанные с контактными условиями развития части южнославянских языков в рамках БЯС, куда входит македонский в статусе центрального языка (наряду с болгарским), сербский язык является периферийным [Schaller 1975: 191].

Полная или частичная утрата инфинитива и распространение на его синтаксических позициях сочетания союзной частицы и финитного глагола классифицируется как важнейшая ареальная черта в морфосинтаксических структурах балканских языков, см. напр. [Sandfeld 1930, Lindstedt 2000, Mišeska Tomić 2001]. Она возникла в том числе под влиянием культурно доминирующего на Балканах греческого языка, в котором фонетические изменения обусловили омофонию инфинитива и личной формы глагола 3 л. ед.ч. презенса. Финитный глагол в сочетании с частицей *iva* > *vá* постепенно заменил инфинитив в позициях, которые типичны для конъюнктивных форм в других европейских языках [Sandfeld 1930: 177, Асенова 2002: 196-198].

Причины утраты инфинитива широко изучались на материале всех балканских языков и диалектов, данному процессу могло способствовать и романское влияние, а также влияние языка-субстрата, существовавшего на территории юго-востока Балкан; подробную библиографию по вопросу и дискуссию см. в [Габинский 1967: 40-52, 2008; Асенова 2002: 195-200].

В работе «Типологические проблемы балканославянского языкового ареала» Г. А. Цыхун [1981: 158] утрату инфинитива и распространение ДАК называет регрессивной и прогрессивной инновациями соответственно. Он исследовал синтаксические конструкции с *да*, которые отличаются наибольшей структурной дифференциацией (напр., элиминация *да*, дублирование *да*), а также конкуренцию ДАК с инфинитивной формой в диалектных рамках заданного ареала, а именно: описательные запретительные конструкции типа мак. *немој да плачеш*, болг. *недей да викаш*, серб. *немој да плачеш / немој плакати*, а также конструкции с модальными глаголами «мочь» и «хотеть», последний используется в формах будущего времени типа серб. *нећу радити / нећу да радим*. Эти конструкции представляются автору наиболее релевантными для исследования, поскольку те зафиксировали промежуточную стадию экспансии ДАК в македонских, сербскохорватских и болгарских диалектах [там же: 127]. В качестве основных характеристик двух инноваций он выделяет 1) поступательность, 2) несинхронность и 3) однонаправленность их распространения по диалектной территории южнославянских языков (северо-запад и восток). Автор приходит к выводу, что «рассмотрение ареалов таких сопутствующих распространению данных инноваций явлений как отсутствие (или элиминация) служебного элемента *да* в ряде структурных типов упомянутых конструкций (*немој гледаш*, *не можу се сетим*, *ништит та гледам*, *не ќе тресем* и под.), удвоение (*да да му речии*) и гипернормальное употребление *да*, позволяет локализовать гипотетический инновационный центр на территории центральных македонских говоров»¹ [там же: 158]. Мы исходим из предположения, что постепенное расширение синтаксических позиций союза/частицы *да* в сочетании с финитным глаголом (чаще в форме презенса) и закрепление за ДАК в независимом предикате императивно-оптативных значений является результатом одной инновации, который прослеживается в литературном македонском и сербском языках. В первом произошла полная утрата инфинитива (по словам И. Грицкат «Речь идет о свойственном

¹ В 1944-45 гг. при кодификации македонского языка в качестве диалектной базы литературного языка были выбраны центральные говоры западной диалектной группы как в наибольшей степени отражающие специфику языка и одинаково приемлемые для жителей остальных регионов страны [Конески 2004: 75].

балканским языкам вымирании одного полноправного члена глагольной системы²» [1975: 86]), во втором неиндикативная ДАК функционирует в языке как дублетная инфинитиву форма, а также сочетание *da+praes* начинает конкурировать с формами условного наклонения в придаточных цели (напр., серб. *У Берлин је дошао да би студирао физику / У Берлин је дошао да студира физику*, рус. *Он приехал в Берлин, чтобы изучать физику*), динамику этого процесса можно наблюдать в современном литературном языке. В результате распространения прогрессивной инновации ДАК занимает свою нишу среди специализированных форм для выражения ирреальной семантики наряду с 1) конструкциями условного наклонения (мак. / серб. *потенцијал*) с частицей *би* / вспомогательным глаголом *бих*, 2) формами с частицей *ке* (мак.) и 3) синтетическими формами императива в языковых системах двух языков.

В сербском элемент *да*, помимо ДАК, употребляется в качестве подчинительного союза широкого спектра (в [Стевановић 1989: 820-821] перечисляется 12 типов придаточных, вводимых *да*), в том числе в функции изъяснительного союза, который присоединяет предикаты с фактивным значением:

1) Рекла је да не зна. [Пипер, Клајн 2014: 497] *Она сказала, што не знает.*

И. Грицкат [1975: 145] отмечает, что изъяснительное *да* является характерной чертой сербскохорватского и словенского синтаксиса, которая, по всей видимости, имела направление развития отличное от конструкции *da+praes*: по данным исследования [Седлачек 1970] изъяснительное *да* встречается уже в Брижинских (Фрейзингенских) отрывках, и, судя по данным письменных источников, распространялось с северо-западных территорий южнославянского ареала к юго-востоку. Грицкат приходит к выводу, что в диахронии *да* в составе неиндикативных конструкций все-таки может быть связана с изъяснительным *да*: «Мы наблюдаем экспансию союза *да* в позициях инфинитива, волонтактивных и целевых высказываний как живой динамичный процесс. Экспансию в области изъяснительных высказываний мы наблюдаем лишь «на бумаге», потому что она давно завершилась, если не принимать во внимание отдельные детали явления. С другой стороны, вероятно, расширение функционирования изъяснительного *да* началось в семантическом домене *iva*-сферы [так автор называет позиции употребления неиндикативной ДАК, ссылаясь на греческое влияние в ее происхождении в балканославянских языках –

² «У питању је специфична балканска појава изумирања једног пуноправног члана глаголског система».

прим.– Н.К.]. Не исключено, что расширение функций *да*, как и многие другие черты, раньше и ярче проявилось в северо-западной письменности, поэтому информация из памятников не вполне отражает картину развития в прошлом»³ [Грицкат 1975: 74]. Она признает единство происхождения двух *да* (в отличие от З. Голомба [Gołab 1964], который предлагает считать их омонимами) [Грицкат 1975: 164]. На синхронном срезе стоит признать, что в современном литературном сербском языке изъяснительное *да* и нефактивное *да* (в составе ДАК, при глаголах с семантикой намерения, каузации, желанья и т.д., в целевых придаточных и др.) омонимичны, поскольку они различаются дистрибуцией глагольных форм, напр. невозможно употребление формы презенса глагола совершенного вида (СВ) после изъяснительного *да*. Если употребить совершенный вид после глагола речи, к которому присоединяется зависимая клауза с изъяснительным *да* (пример 2), то глагол СВ примет форму будущего времени; в примере 3 зависимую часть присоединяет неиндикативное *да*, после которого допустимо употребление совершенного вида презенса, при этом субъекты в главном и придаточном некорреспондентны, *да* передает повеление в косвенной речи:

2) Иван каже **да** ће доћи сутра. *Иван говорит, что он придет завтра.*

3) Иван каже **да дође** сутра. *Иван говорит, чтобы он пришел завтра.*

Описанные языковые процессы определили исключительную полифункциональность союза/частицы *да* в македонском и сербском языках. Примеры демонстрируют, что элемент *да* может встречаться в самых разных функциях в пределах одного абзаца:

4) На самиот почеток **да ви соопштам** дека ова ќе биде чудна колумна. Ќе има многумина што ќе ја доживеат „на нож“. Тогаш **најдобро е** сепак **да кажам** дека можеби атеисти и агностици **не треба да ја читаат**. Не дека ги сметам за недостојни, **скраја да е**, ниту сум убеден дека **нема да разберат**, ниту пак сметам дека писанието само верници ќе го разберат. **Сакам да напоменам** дека има луѓе, пред сè атеисти и агностици, кои сомничаво ќе гледаат на неа.

³ серб. «Експанзију везника *да* у области замењивања инфинитива, у вољним и намерним исказима пратимо, тако рећи, и данас, као живу, динамичну појаву. Експанзију у изричности пратимо само «на папиру», јер је она већ одавно завршена, осим у безначајним појединостама. Друга је ствар што је ширење изричног *да* почело, како изгледа, такође првобитно у семантичком окриљу *iva*-сфере. Није искључено да се ова чињеница, као и многе друге, просто раније и живље изразила у северозападној писмености, па нам зато стара писана грађа не сугерира сасвим тачну слику о стварним збивањима у прошлости».

(...) Не, ова е омраза, која е толку силно енергетски насочена што ќе создаде несреќа не само кај еден човек, туку и кај неговите потомци. Токму затоа ја пишувам колумнава, за да им се обратам на овие луѓе, да ја искоренат омразата од своите срца и да почнат да се молат за спас и покајание на еретикот. (А. Русјаков, колумна «Заевата ерес», НМ⁴, 02.06.18). *Сразу сообщу вам, что это будет странная колонка. Многие из вас воспримут ее в штыки. Тогда лучше все-таки мне сказать, что, скорее всего, агностикам и атеистам не нужно ее читать. Не потому что я их считаю недостойными, божье сохрани, и не потому, что я убежден, что они не поймут; также не утверждаю, что только верующие поймут мою писанину. Я хочу предупредить, что есть люди, прежде всего, атеисты и агностики, которые воспримут колонку с недоверием. (...) Нет, это ненависть, которая несет столь сильную энергетику, что делает несчастными не только жизнь одного человека, но всех его потомков. Именно поэтому я пишу колонку – я хочу обратиться к этим людям, чтобы они уничтожили ненависть в своих сердцах и начали молиться за спасение и покаяние еретика.*

- 5) „Мора се видети шта су примедбе Европске комисије, шта ми мислимо да треба да се промени и да то онда буде одлука која ће довести до тога да се Устав не мења сваке три-четири године“, закључио је он. (Б. Баковић, чланак «Странке би да реновирају Устав», П⁵, 28.07.14). *«Нужно посмотреть, что рекомендует Европейская комиссия, что мы думаем о необходимых переменах, и пусть тогда это будет решение, которое приведет к тому, чтобы Конституция не менялась каждые три-четыре года», сказал он.*

Значения и синтаксические функции элемента *да* из двух примеров представлены в сводной таблице 1:

Таблица 1. Значения и функции элемента *да* в примерах 4. и 5.

	конструкция <i>да + praes</i>				союз/частица <i>да</i> вне состава ДАК	
значение /функция	1	2	3	4	5	6

⁴ «НМ» - принятое нами сокращение для интернет-издания газеты «Нова Македонија», www.novamakedonija.com.mk.

⁵ «П» - принятое нами сокращение для интернет-издания сербской газеты «Политика», www.politika.rs.

мак.	да ви соопштам	скраја да е	а) најдобро е да кажам б) сакам да напомена в) (не) треба да ја читаат г) (да) почнат да се молат	а) пишувам за да им се обратам б) да ја искоренат омразата в) да почнат да се молат		нема да разберат
серб.	да то буде		треба да се промени	довести до тога да се Устав не мења	мислимо да треба	

Значения/функции:

- 1) императивное значение ДАК в позиции независимого предиката;
- 2) оптативное значение ДАК в позиции независимого предиката;
- 3) зависимый тип ДАК как часть составного глагольного сказуемого (при модальных глаголах, предикативах и т.д);
- 4) *да* в придаточных целевого типа (+ при предикате достижения в сербском примере);
- 5) *да* в придаточном изъяснительного типа;
- 6) *да* как часть аналитической глагольной формы (отрицательная форма будущего времени).

Таблица показывает, что в одном абзаце текста может встретиться до пяти⁶ разных функций *да*. Способность *да* выступать в качестве формообразующего элемента (функции 1, 2 и 6), при этом в другой синтаксической позиции иметь преимущественно функции присоединения (3, 4, 5) раскрывает специфику южнославянского *да* с одной стороны, а с другой – создает сложности при его теоретическом осмыслении и описании.

На синхронном срезе в двух языках имеется результат нескольких инноваций, который не позволяет распределить все функции и значения *да* в одной объяснительной схеме. Поэтому следует провести формальное, во многом искусственное различие омонимичных *да*, которое будет использоваться в последующей работе.

⁶ Приведенный список функций и значений *да* далеко не полный в двух языках, примеры 4 и 5 носят иллюстративный характер.

1.2. Морфосинтаксические свойства союзной частицы *да*. Инвариантное значение нефактивности

В многочисленных работах, посвященных элементу *да* на южнославянском материале, непоследовательно встречаются термины двух подгрупп 1) *партикула, морфема, служебная частица*; и 2) *подчинительный союз, конъюнктивный показатель, конъюнктивоподобная частица, коннектор*. Первые определяют *да* в независимых синтаксических конструкциях императивно-оптативной сферы, вторые, за некоторым исключением (подробнее в п. 2), описывают употребление *да* в составном глагольном сказуемом и его роль в присоединении придаточных предложений.

В толковых словарях македонского и сербского языков союзные функции *да* в сложноподчиненных предложениях (СПП) и функции *да* как частицы в независимых предложениях расписываются в разных словарных статьях [РМЈ 1961, РСХКЈ Т.1 1967, РМНП Т.2 1987, ТРМЈ 2003, Мургоски 2005, РСЈ 2011], два *да* различаются как омонимы. В македонских словарях толкование частицы *да* включает в себя перечисление коммуникативных ситуаций ее использования (желание, требование, повеление, вопрос и т.д.) без указания на тесную связь частицы с глаголом в образовании значения, ср. формулировку в [ТРМЈ 2003]: «*Да част*. Для выделения и усиления действия в главном предложении»⁷, похожее в [Мургоски 2005]; указание на участие частицы *да* в образовании сложных форм императива дано в словаре македонской народной поэзии [РМНП Т.2 1987] с последующей дифференциацией значений повеления и пожелания в составе словарной статьи. Примечательно, что в сербском словаре [РСХКЈ Т.1 1967] в одной статье авторы совмещают значения *да* как утвердительной частицы и *да* в высказываниях императивно-оптативной направленности, напр.: «*Да част*. 1. подтверждение, одобрение; 2. припоминание; 3. желание; 4. побуждение»⁸; в македонских словарях два функционально разных элемента разделены [РМЈ 1961, ТРМЈ 2003, Мургоски 2005].

На таксономическую неопределенность *да* указывает и широко принятый в славистической литературе термин «*да-конструкция*». Он используется для описания как независимых, так и зависимых употреблений *да* и финитного глагола. Слово «*конструкция*», с одной стороны, удобно, поскольку а) указывает на аналитический

⁷ Мак. «*Да чест*. За истакнување и за потсилување на дејството во главните реченици. 1. При искажување заповед. *Да не си станал!* 2. За искажување блага заповед или молба. *Да ми дадеш малку леб*. 3. За искажување покана. *Да ми дојдете в недела (...)*» [ТРМЈ 2003].

⁸ Серб. «*Да речца* 1. потврда, одобравање. — *Јеси ли све понио? Да*. 2. присећање. — *Шта сам хтео да кажем! . . . Да! Јесте ли били кадгод овде? (...)* 4. жеља. — *Да си ми здрав!* 5. потицање, подстицање. — *Да попијемо чашу вина у здравље Миланово!*» [РСХКЈ Т.1 1967].

характер языкового образования; б) позволяет объединить в одну группу различные употребления с общими структурными характеристиками. К минусам можно отнести отрицательный объяснительный потенциал термина, он не дает информации, какое место занимает ДАК в грамматической системе (свободное синтаксическое образование или аналитическая форма глагола⁹), не указывает на тенденцию маркировать нефактивные/ирреальные ситуации. Также встречаются названия «да-формы», см. напр. [Ницолова 2007а, 2008; Иванова 2018], и «да-предложения» (мак. *да-реченици*, напр., в [Георгиевски 2009]), которые относятся к независимому типу предикатов с *да*. Термин «да-формы», характерный в большей степени для болгарской грамматики, подразумевает, что *да + Vfin* является аналитической глагольной формой¹⁰ с собственной парадигмой, и выделяет в особую группу модальные императивно-оптативные употребления. По нашему мнению, термин «да-форма» лучше раскрывает сущность отношений между *да* и глаголом в предикате, однако в настоящей работе выбор сделан в пользу термина «да-конструкция», поскольку он вошел в македонскую и сербскую грамматические традиции.

Существует целый ряд терминов, который по-разному делит функциональное поле конструкции *да + Vfin*. И важной задачей представляется определить, что следует называть *да-конструкцией*, а какие функции элемента *да* выходят за рамки данного понятия. Анализ используемых темпоральных форм в составе конструкции может послужить таким критерием.

В настоящей работе *да-конструкцией* будет называться сочетание модальной союзной частицы *да* и финитного глагола, которое имеет закономерные ограничения на употребление временных глагольных форм в составе конструкции и семантику, которая не складывается из значения отдельных компонентов.

Определение проводит границу между пунктами (1, 2, 3, 4) и (5, 6) в Таблице 1. В частности, в домене ДАК не следует рассматривать сербский изъяснительный союз *да*, поскольку он не имеет ограничений на употребление темпоральных форм в зависимой части; также нельзя сказать, что ДАК участвует в составе македонской отрицательной формы будущего времени, поскольку *да* входит в грамматикализованный аналитический комплекс частиц *нема да* и не может вычлняться из парадигмы

⁹ Теоретические аспекты анализа аналитических глагольных форм подробно рассмотрены в известном сборнике [Жирмунский, Суник 1965]. В типологической перспективе проблемы трансформации синтаксических сочетаний в аналитические формы описываются в теории грамматикализации, предсказывающей развитие грамматических показателей в языках мира, см. напр. [Bybee et al. 1994], а также обзор литературы в [Майсак 2005: 23-94].

¹⁰ Под аналитической форма глагола понимается «один элемент синтаксического состава предложения, (...) когда сказуемое, представленное аналитической формой глагола, вступает в связи с другими членами предложения как целое, не “покомпонентно”» [Павлов 1998: 237].

будущего времени¹¹, несмотря на то что исторически ДАК является субститутутом инфинитива в сочетании со вспомогательным глаголом *нема* для обозначения отсутствия ситуации в будущем; история отрицательной формы будущего времени прослеживается в языке старославянских памятников [Конески 1986: 202].

В данной работе принимается широкое определение элемента *да* в составе ДАК как модальной союзной частицы. Не умаляя роли союзных функций *да* в составных глагольных сказуемых по типу мак. *можам да дојдам* или серб. *могу да дођем*, следует определить первое место понятию «частица»: нефактивный по своей природе элемент *да* модифицирует темпоральную форму глагола и создает предикат, который в независимом употреблении имеет ярко выраженную модальную окраску (указывает на отношение действия к действительности или отношение говорящего к действию), а в зависимом – образует нейтральную в модально-темпоральном отношении форму, близкой по функции и значению к инфинитивной.

1.2.1. Македонский язык

В македонском языке ДАК имеет структурные и семантические особенности, на которые неоднократно обращали внимание исследователи, описывая ее функционирование в сравнении с другими аналитическими конструкциями.

а) **Контактное расположение *да* и глагольной формы.** В македонском языке ДАК обладает жесткой структурой. Между глаголом и союзной частицей *да* могут стоять **только** цепочки клитик, образующих кластеры¹² при глагольной группе:

- местоименные клитики в дательном, винительном падежах;
- местоименные возвратные клитики в винительном и дательном падежах *се/си*;
- формы служебного глагола *сум* «быть»;
- отрицание *не*.

¹¹ В грамматиках балканославянских языков (македонский, болгарский) не принято отождествлять частицу *да* в составе грамматикализованных темпоральных форм с ее функционированием в составе ДАК (напр., отрицательные формы будущего времени и будущего в прошедшем: мак. *нема да дојдам/немаше да дојдам*, болг. *няма да дам/циях (нямаше) да дам*), в работе также принимается это положение. В сербском, в котором инфинитив сохранил позиции в глагольной системе, участие элемента *да* во временных формах классифицируется как часть ДАК (серб. *ја ћу доћи / ја ћу да дођем*).

¹² Кластеризируемые клитики образуют цепочки с фиксированным порядком, непроницаемые для вставки других элементов [Циммерлинг 2013а: 37]. Македонские клитики в своем большинстве (за исключением строгой энклитики *ли* и строгой проклитики *не*) относятся к подтипу универсальных клитик, поскольку для них естественна как позиция энклизы, так и проклизы, и употребление клитик в начальной позиции не связано с выражением специфических коммуникативных интенций [Циммерлинг 2013а: 301].

Грамматикализованные ограничения на расположение элементов между *да* и глаголом, их контактная позиция является обязательной структурной характеристикой и независимой (6), и зависимой (7) ДАК, напр.:

6) **Да не си ме допрел!** *Не смей трогать меня!*

7) **Можам да не му се јавувам** со месеци. *Я могу не звонить ему месяцами.*

Закрепление частицы *да* при глаголе показывает тенденцию к грамматикализации служебного элемента, которое дает основание видеть в ДАК аналитическую глагольную форму. Такое явление свойственно языкам БЯС, где классы неполнозначных слов, имея фиксированное место в пределах своей синтаксической группы, играют роль структурной основы предложения при достаточно свободных правилах словопорядка. В известной монографии «Синтаксическая структура балканского языкового союза» Т. В. Цивьян, описывая иерархические формальные связи между минимальными единицами синтаксического уровня, приходит к выводу, что «количество *Z* [*Z* – класс неполнозначных слов, прим. – Н. К.] и функционально тождественных им лексем с фиксированным местом прямо пропорционально степени жесткости порядка слов, вплоть до указания единственного варианта. Чем меньше в предложении элементов класса *Z* и больше элементов класса *C* [*C* – класс полнозначных слов, прим. – Н. К.], тем свободнее порядок слов и тем больше он определяется лексическими, семантическими и под., а не грамматическими требованиями. *Z* и другие элементы с фиксированным местом представляют собой остов предложения, на котором крепятся остальные, полнозначные элементы» [Цивьян 1979: 186]. Македонский язык задает базовый порядок служебным и изофункциональным им элементам слева от глагольной группы (в составе ДАК), что помогает декодировать сообщение в условиях сложившегося исторически балканского полилингвизма.

6) Важной структурной характеристикой ДАК является **повторение частицы *да* при однородных предикатах**, что также говорит о степени грамматикализации ДАК:

8) **Кога ќе ти е многу тешко да дојдеш и да ми кажеш.** (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Когда тебе будет совсем плохо, приходи и говори мне.*

9) **Сака некаде да оди, да патува.** Огнот никако да ѝ стивне, да понамали. Го гори девојчето, го смалува. (П. М. Андреевски «Пиреј»). *Она хочет куда-то идти, брести. А жар все никак не утихнет, не спадет. И она догорает, тает на глазах.*

Отсутствие дублирования *да* при однородных предикатах в составе ДАК выходит за рамки литературной нормы, однако иногда встречается:

- 10) Господ **да те чуче** и **почуче!** (В. Малески «Разбој»). *Да слышит и услышит тебе Господь!*

Повторение частицы при однородных предикатах обусловлено и системным запретом на свободное употребление презента глагола совершенного вида, который требует сочетания с частицами *ке*, *да*, союзами *ако*, *доколку*, *итом*, *дури не* (исключением является вопросительная конструкция *зошто/што не: зошто не дојдеш?* «Почему бы тебе не прийти?») [Усикова 2003: 196, Конески 2004: 412].

в) **Модально-темпоральные ограничения на глагольные формы в составе ДАК.** Союзная частица *да* накладывает ограничения на присоединяемую форму глагола, которая в составе ДАК теряет способность маркировать временную референцию действия.

ДАК может регулярно присоединять следующие глагольные формы¹³ (список выстроен по частоте употребления):

- *да + praes*;
- *да + impf*;
- *да + perf* (л-форма);
- *да + pperf* (очень редко).

Подробные условия дистрибуции глагольных форм будут представлены в последующих главах, на данном этапе укажем лишь на общие тенденции. Наименее маркированной и наиболее частотной формой является презенс от глаголов двух видов. Сочетание *да+praes* употребляется в зависимом типе ДАК в так называемых инфинитивных позициях и обозначает «имя действия» без его временной или какой-либо модальной характеристики, а в независимом показывает выраженную тенденцию обозначать гипотетические ситуации, которые имеют вероятность осуществиться (императивно-оптативная сфера, см. п. 3 и п. 4).

Сочетание *да+impf* в качестве базовой семантики имеет контрфактивное значение и описывает действие, которое не случилось в прошлом и не имеет шанса произойти в будущем. В интересующем нас независимом типе ДАК сочетание становится

¹³ Во многом похожую систему глагольных форм после *да* выделяет З. Голомб [Gołąb 1954: 86].

регулярным способом выражения семантики оптатива для обозначения нереализованного желаемого действия (см. п. 4.2).

ДАК включает перфектную форму глагола (*da+perf*) при выражении строгого приказания (императивное значение, см. п. 3.2.1.6.1) и при маркировании косвенной эвиденциальности, например, пересказа повеления, просьбы, желания и т. д.

11) Русковска: Несериозен е предлогот што ми го даде Милошоски **да сум побарала** снимки од цел мај. (заголовок статьи, портал *libertas.mk*, 26.02.20).
Русковска: Предложение Милошоского, чтобы я поискала майские записи, несерьезно.

В примере 11 очевидно, что репликой-стимулом Милошоского была фраза *Да побараш (Побарај) снимки*, которая в пересказе адресата повеления звучит как *Тој ми кажа да сум побарала снимки*. Независимая ДАК меняет свою синтаксическую позицию на зависимую, а перфектная л-форма после *да* маркирует неприятие адресатом повеления. Подробнее о эвиденциальных показателях после союзной частицы *да* см. в главе 6.

В редких случаях после союзной частицы *да* может стоять глагольная форма плюсквамперфекта. Система не запрещает ее использование, однако контексты употребления довольно специфические, в корпусе исследования есть всего один пример независимой ДАК с оптативным значением, которая содержит форму плюсквамперфекта (см. п. 4.2).

Союз/частица *да* блокирует присоединение форм будущего времени с показателем *ќе*, а также формы аориста, которые регулярно образуются от глаголов СВ и обозначают фактивное завершённое действие в конкретный момент прошлого.

Примечание: Если после элемента *да* употребляются формы аориста или будущего времени, следовательно, элемент *да* уже не классифицируется как приглагольный грамматический показатель с нефактивным значением, участвующий в составе ДАК, а становится частью другого языкового образования: составного союза, комплекса частиц со специфическим модальным значением и др. В качестве примера можно привести функционирование *да* в сравнительных составных союзах *како да/небаре да/божем да*, в (а) употреблен аорист, в (б) – футуральная форма с *ќе*:

а) Оттогаш сите места што сме ги поминале заедно со Никифор, **како да ми останаа** маркирани во душава. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *После этого все места, где мы были вместе с Никифором, как будто запечатлелись в душе.*

б) Како суштества од сонштата, куките, дрвјата и кактусите во мракот му изгледаа на Матеј **како** во секој миг **да ќе оживеат**. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). *Матею казало, што, словно суштества из снов, дома, дрвјења и кактусы как будто вот-вот оживут.*

Сојузы *како да/небаре да/божем да* сопоставими с рускими *будто бы, как будто бы, словно бы*, в којорый частица *бы* не является показателем сослагательного наклонения, поскольку в сфере действия союза возможна форма настоящего времени [Добрушина 2016: 180-181].

Также в македонском языке идет процесс формирования эпистемического комплекса частиц *ќе да* (маркирует умозаключение, предположение говорящего о вероятном осуществлении действия, детали см. в [Верижникова 2008]), который, при сохранении контактной позиции глагола, теряет ограничения на присоединение временных форм, напр.:

в) Стигаш на работа. Отвараш инбокс. Не дишеш...нема мејлови. **Ќе да ќе е убав ден**. (твиттер @anndrej, 16.06.16). *Приходишь на работу. Открываешь входящие, затаив дыхание...нет мейлов. Похоже, будет хороший день.*

После *да* также встречается форма условного наклонения с показателем *би* в клишированных сочетаниях для обозначения оптативных ситуаций (проклятия, благопожелания):

12) Пуста војна, **да би се запустила!** (В. Малески «Разбој»). *Окаянная война, будь ты проклята!*

Однако по нашим наблюдениям данное сочетание нехарактерно для современного македонского языка (в отличие от фольклорных текстов) и редко встречается в неклишированных продуктивных высказываниях.

г) **Да как маркер нефактивности**. Исследователи выделяют закономерность, что если элемент *да* в конструкции имеет ограничения на присоединения темпоральных форм, то в большинстве случаев он выступает как показатель *нефактивности*: сочетание *да+Vfin* описывает ситуации, которые не принадлежат к сфере реальности, не существовали в прошлом и не существуют в настоящем¹⁴ [Бужаровска 1999, Тополињска 2008, 2014, Иванова 2019а, 2019б]. Следовательно, *да* входит в устоявшийся базовый набор элементов наряду с показателями *би* и *ќе*, которые в сочетании с определенным набором темпоральных форм описывают ирреальные ситуации.

д) **Финитность ДАК**. Важным структурным свойством ДАК является ее финитность. В отличие от инфинитива аналитическая ДАК эксплицитно указывает на

¹⁴ О закономерностях функционирования грамматических показателей с доминирующим нефактивным/ирреальным значением в языках мира см. в сборнике [Исследования по теории грамматики Вып. 3 2004].

лично-числовые характеристики глагола. Она имеет формально стройную и легко декодируемую парадигму, например, с презентным глаголом двух видов:

Таблица 2. Финитная ДАК

	<i>da+praes</i>	
	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	да правам/направам	да правиме/направиме
2 л.	да правиш/направиш	да правите/направите
3 л.	да прави/направи	да прават/направат

Дублирование показателей категории лица в составном глагольном сказуемом при кореферентном субъекте следует тенденции развития аналитических балканославянских языков (по мнению исследователей редундантность в маркировании грамматических значений является общей константой балканской грамматики [Соболев, Русаков 2008: 31]): *можам да дојдам* «могу прийти». Некореферентность субъектов выражается в несовпадении лиц связанных сказуемых, напр.: *сакам да дојдеш* «я хочу, чтобы ты пришел», и классифицируется как сложноподчиненное предложение.

В позиции независимого предиката ДАК имеет императивное или оптативное значения. Полная лично-числовая императивная парадигма ДАК, в отличие от двучленной синтетической парадигмы повелительного наклонения, обеспечивает расширение функций конструкции и прагматических контекстов ее употребления (см. п.3).

Хотя в большинстве европейских языков отмечаются тенденции к использованию аналитических конструкций вместо их синтетических эквивалентов [Haspelmath, Michaelis 2017: 9], нельзя утверждать, что финитная ДАК обладает каким-либо семантико-синтаксически преимуществом перед инфинитивом, который сохраняет свои позиции в других славянских языках, в частности, в близкородственных македонскому сербском, хорватском и словенском: «Последовательная замена инфинитива не является языковой необходимостью, это доказывает большинство современных языковых систем, как и необязателен конкретно этот тип замены (iva-конструкция), который приняли балканские языки, известны и другие его типы¹⁵» [Грицкат 1975: 97]. Однако в условиях балканского полилингвизма и активного языкового контакта финитные аналитические конструкции лучше выполняют свои

¹⁵ «Доследно заменивање инфинитива није језичка нужност, што већина данашњих језика и доказује, а није нужност ни онај формални вид замене (iva-конструкција) који су прихватили балкански језици, пошто има и друкчијих видова».

функции, поскольку обладают понятной внутренней формой или транспарентностью (неоднократное маркирование одинаковых грамматических значений в словоформе или клаузе [Haspelmath, Michaelis 2017: 16]).

1.2.2. Сербский язык

Морфосинтаксические характеристики сербской ДАК отличаются от македонской.

а) **Отсутствие правила контактного расположения *да* и глагола.** ДАК не имеет жесткой структуры, позицию глагола в конструкции определяет коммуникативная структура высказывания. Фиксированное местоположение в составе ДАК имеют энклитики (краткие формы личных местоимений в дательном и винительном падежах; возвратная клитика *се*; краткие глагольные формы глагола *бити* «быть»), которые, подчиняясь закону Ваккернагеля, занимают позицию после союзной частицы *да*, выступающей начальной проклитикой [Циммерлинг 2013б: 62-68]. Например, неконтактное расположение *да* и глагола, которые разделены сравнительным оборотом и обстоятельством, в зависимом (13) и независимом типах (14) ДАК:

13) И шта сад? **Треба да** као луда **учим да** бих што пре стигла у један од оних дивних, озбиљних затвора — у канцеларију, у брак, у пензију, на летовање? Не пада ми на памет! (М. Капор «Белешке једне Ане»). *И что теперь? Я должна, как ненормальная, учиться, чтобы как можно раньше оказаться в одной из тех прекрасных, строгих тюремных камер – в офисе, браке, на пенсии, в отпуске? Да ни за что!*

14) Живка: Иди, Васо, на телефон па му реци: ако да оставку, **да ми** слободно **не долази** кући. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Живка: Иди, Васо, и скажи ему по телефону: если он уйдет в отставку, пусть домой даже не возвращается.*

Возможность дистантного расположения *да* и глагола свидетельствует о меньшей степени связи элементов по сравнению с жесткой структурой македонской ДАК на схожих позициях в предложении. Поэтому в сербских грамматических описаниях обе конструкции в примерах (13) и (14) получают определение синтаксического сочетания союза *да* и презентного глагола [Стевановић 1989: 704, Белић 1969: 162-163, СССЈ 2005: 324, 385], см. подробнее в гл. 2. Также свободное положение глагола в составе конструкции может быть отчасти обусловлено тем, что в сербском употреблении презенса совершенного вида не имеет, в отличие от македонского, строгих системных

ограничений и обозначает хабитуальные действия¹⁶ или способность лица или предмета осуществить действие¹⁷. Хотя в целом отмечается, что, как в сербском [Кречмер, Невекловский 2005: 163], так и в македонском [Конески 2004: 413], совершенный вид глагола имеет главную сферу употребления именно в зависимых синтаксических позициях.

б) **Нерегулярное повторение частицы *да* при однородных предикатах.** Сербская ДАК допускает пропуск частицы при однородных сказуемых, что также говорит о менее тесной связи *да* и глагола:

15) Хајде **да заборавимо** на све и **кренемо** из почетка? (твиттер @tairovic01 27.06.15). *Давай все забудем и начнем сначала?*

16) Drugi važan detalj je da svi imaju pravo da biraju u koji će savez da uđu (EU ili NATO ili oba), ali da **ne mogu da blokiraju** ili **ometaju** druge. (članak Ž. Panteljić, Nedeljnik, 08.06.17). Другой важной деталью является то, что все имеют право выбирать, в какой союз вступать (ЕС или НАТО, или оба), но не могут блокировать друг друга или препятствовать.

В примере (15) очевидно, что презенс совершенного вида не является независимым предикатом (поскольку не имеет хабитуального значения), а входит в сферу действия частицы *да*, которая модифицирует его семантику и маркирует нефактивное действие (императив). Наблюдается эллипсис формообразующего элемента, хотя регулярность данного явления требует более детального исследования, поскольку повторение *да* при предикатах также имеет место:

17) Професор: А да ме послушате и оно друго што сам вас саветовао? Јованче: Шта беше то? Професор: Дакле, **да купите** један нотес и **да бележите** све, сваку ситницу, што год видите. (Б. Нушић «Пут око света»). *Преподаватель: Может, вы слушаете и другого моего совета? Йованче: Какого? Преподаватель: А именно, купите блокнот и отмечайте в нем каждую деталь, все, что заметите.*

Неконтактное расположение *да* и глагола, нерегулярное дублирование *да* при однородных предикатах характеризуются как нестабильные признаки структуры

¹⁶ Ср. пример *Свако веће дође, седне и слуша*. Каждый вечер он придет, сядет и слушает [Гудков 1969: 52].

¹⁷ *Ти увек први сазнаш*. Ты всегда первый узнаешь [Там же].

сербской ДАК. Предположительно, вариативность употребления указывает на следы незавершенного процесса распространения балканской инновации.

в) **Модально-темпоральные ограничения в составе ДАК.** Модально-темпоральная система сербского языка отличается от македонской менее многочисленной парадигмой. В македонском сложная система глагольных времен насчитывает 11 ячеек, в сербском из 7 абсолютных (презенс, перфект, аорист, будущее I) и относительных времен (имперфект, плюсквамперфект, будущее II) активно употребляются лишь 4 (презенс, перфект, будущее I, будущее II). Помимо временных и таксисных значений между ними происходит распределение модальной семантики (транспонирование).

В составе ДАК встречаются следующие вариации:

- *da + praes;*
- *da + perf.*

Наблюдается тенденция к разделению нефактивных ситуаций, маркируемых ДАК (в основном, императивно-оптативной сферы) на гипотетические (18) и контрфактивные (19), что находит некоторый параллелизм с македонской ДАК. ДАК в составном глагольном сказуемом при модальных, фазовых глаголах, предикативах, глаголах неполного значения [СССЈ 2005: 325] является субститутутом инфинитива и так же, как и в македонском, имеет единственно возможную форму презенса, которая образуется от глаголов двух видов. Глаголы в составе подчиненных ДАК не маркированы по времени или модально.

18) Коста: Ко те је ударио? Ајде **да ми покажеш** ко те је тукао! Ајде, са чика Костом! (Д. Ковачевић «Урнебесна трагедија»). *Кто тебя ударил? Давай покажи мне, кто тебя побил! Давай, пошли с дядей Костой!*

19) Агнија: ...повешћу је да бирамо материју за венчану хаљину. **Само да си ми бар јавио** па да сам понела моју збирку мустри, али свеједно, знам ја и напамет шта у којој радњи има. (Б. Нушић «Покојник»). *Агнија: ...я поведу ее выбирать ткань для подвенечного платья. Только ты хоть бы пораньше мне сообщил, я тогда захватила бы свою коллекцию образцов. Ну, все равно, я и так на память знаю, что в каком магазине имеется.*

Если после *да* употребляется глагол в будущем времени с показателем *ће*, следовательно, *да* не является частью ДАК, а выступает как подчинительный союз, присоединяющий изъяснительное придаточное (см. пример 2). Формы условного наклонения со вспомогательным глаголом *бих* не употребляются в составе ДАК

независимого типа. Форма потенциала встречается после союзного *да* в целевых придаточных (по типу русского союза *чтобы*) и вступает в отношения свободного варьирования с конструкцией балканского типа *да+praes*, которая в грамматической традиции описывается не как зависимая ДАК, а сочетание подчинительного союза *да* и относительного презенса (серб. *релативни презент*): «Клауза в целевых придаточных может иметь 4 эквивалентных между собой типа: союз *да* с потенциалом, союз *да* с (относительным) презенсом или союз *како* с потенциалом, или *не...ли* с потенциалом: 1) Остао сам у хотелу **да бих довршио** писмо. 2) Остао сам у хотелу **да довршим** писмо. 3) Остао сам у хотелу **како бих довршио** писмо. 4) Остао сам у хотелу **не бих ли довршио** писмо» [Пипер, Клајн 2014: 514].

г) **Да как маркер нефактивности.** В сербской грамматической традиции принято почти все типы ДАК рассматривать как синтаксическое явление, а элемент *да* последовательно считать союзом, а не формообразующей частицей. Такая трактовка распространяется даже на императивные независимые ДАК, модальное значение которых приписывается презентному глаголу, а не сочетанию *да+praes* или *да+perf* (см. п. 3). В работах, посвященных сербской грамматике, не прослеживается описание различий между союзом *да* в целевых, условных, изъяснительных и т.д. придаточных и *да*, функционирующим в ДАК (как зависимой, так и независимой), которые можно увидеть, опираясь на дистрибуцию глагольных форм после *да*, а также семантику описываемой ситуации. Наша гипотеза заключается в том, что в сербском функционируют два элемента *да*, один из которых является подчинительным союзом самого широкого спектра, а второй – балканской союзной частицей *да* в составе ДАК, вступающей в конкурентные отношения с инфинитивом, а также развивающей свой спектр модальных значений в позициях, где инфинитив исконно не употреблялся. Иная природа данной частицы заключается в потенциале образовывать аналитические формы глагола (обычно в сочетании *да+praes*), буквально «встраиваясь» в конструкции, которые описывают ситуации, не имеющие место в реальности.

Сравним две вариативные формы будущего I, а именно краткую энклитическую форму глагола *хтети* (*ћу, ћеш, ће...*) в сочетании с инфинитивом или ДАК, например: *ја ћу доћи / ја ћу да дођем*. М. Стеванович, отмечая возможность употребления ДАК в формообразовании будущего времени, подчеркивает, что она используется «крайне редко» [Стевановић 1989: 601], но никак не комментирует правила дистрибуции инфинитива и ДАК. В грамматике Т. Маретича также лишь упоминается вариант образования будущего времени с *да* [Maretić 1963: 640], в [Пипер, Клајн 2014: 173] дается примечание, что ДАК в форме будущего времени характерна для разговорного

стиля. В. П. Гудков, анализируя прагматические рамки, в которых появляется конструкция *ће да+праес*, указывает на следующую тенденцию: изначально, будучи маркированным вариантом, ДАК проявляется себя как «эмфатическое средство в составе будущего I как в утвердительных, так и негированных формах» и функционирует в «аффектированных высказываниях – восклицательных предложениях, риторических вопросах»; но активный процесс распространения ДАК в говорах сербского языка приводит к тому, что ранее редкий дублетный вариант, требующий специализированного контекста, расширяет сферу действия: «Экспансия конструкции с *да* приводит к ослаблению, «выветриванию» свойственных ей функционально-семантических или стилистических характеристик и к недифференцированному употреблению форм будущего времени с инфинитивом и конструкцией с *да*» [Гудков 2013: 179]. Действительно, современные примеры показывают, что форма будущего времени с ДАК перестает быть маркированной и все чаще встречается в идентичных контекстах, чередуясь со стандартной формой инфинитива:

20) Дакле, даме и господо, долази нам једна нова генерација која не трпи фолиранте! — викнуо је изненада Суле. И они **ће остарети** као и ми? Ко је то рекао? Нико? Добро. Наравно да **ће да остаре**, али они **ће**, даме и господо, **живети** као што треба да се живи: **неговаће** бебе, **правити** штрудлу од јабука, **возати** скије по води и шта ти ја све знам —казао је Суле прорачунски — а **неће** непрестано **масирати** Сироти народ усрећитељним решењима као што су нас масирали целога живота! (М.Капор «Белешке једне Ане»). *Итак, дамы и господа, подрастает новое поколение, которое нетерпимо к тем, кто пудрит мозги! – неожиданно крикнул Суле. И они состарятся, как мы? Кто это сказал? Никто? Ладно. Само собой, они состарятся, но они, дамы и господа, будут жить, как подобает: растить детей, готовить яблочный штрудель, кататься на водных лыжах и тому подобное, – сказал Суле взвешенно, – и они не будут без конца ездить по ушам Бедному народу, раздавая решения на благо народа, как поступали с нами всю жизнь.*

21) Немам ништа против Лондона, ако случајно то мислите, на часну реч, чак ми је и симпатичан тај Лондон. Шта **ћу** тамо најпре да **урадим**? Најпре **ћу мазнути** телефонски именик Уједињеног Краљевства и **потражити** број енглеске краљице. (М.Капор «Белешке једне Ане»). *Я ничего не имею против Лондона, если вы вдруг подумали, честное слово, мне он даже симпатичен. Что я там сделаю в первую*

очередь? Прежде всего, я стащу телефонный справочник Объединенного Королевства и поищу номер английской королевы.

Наблюдается постепенный процесс грамматикализации аналитической формы будущего времени с формообразующей частицей *да*. Также увеличивается ее частотность и узуальность. Так, в романе М. Капора «Заметки одной Анны» (1972), из 269 форм будущего времени 35 содержат ДАК, что составляет 13%.

Способность сербской союзной частицы *да* строить аналитические конструкции, которые имеют тенденцию грамматикализироваться, наблюдается в сочетании аористной формы вспомогательного глагола *бити* и ДАК:

22) **Ја бих да се вратим**, док не буде касно. (Ђ. Лебовић «Светлости и сенке»). *Ја би вернуо, пока не стало поздно.*

23) Тетка је застала – не **би да смета**. (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Тетја остановила се – она не хотела мешати.*

24) Странке **би да реновирају** Устав (заглавје члана, П, 28.07.14). *Партија хоће да прегледа Конституцију.*

25) Каталонија **би да буде** република (заглавје члана, П, 11.01.16). *Каталонија хоће да се прогласи републиком.*

Конструкција образована са помоћу елипсиса глагола са значењем жељања напр. *желети, хтети, волети* у форми условног нагиба, ср. пример 22: **желео/хтео/волео бих да се вратим** → **Ја бих да се вратим**. Елипсис је могућ, јер помоћни глагол *бих* сам по себи је носилац семантике жељателности. Такође у новообразованој конструкцији експлицира се субјект дејства у подлежаћем *ја*, који је необавезан у конструкцији без елипсиса¹⁸. Још једним знаком грамматикализације на синтаксичком нивоу можемо сматрати ограничење на слободну замену ДАК обликом инфинитива при кореферентном субјекту, јер *бих* не приједињава инфинитив:

а) **Желео бих да се вратим**. → **Желео бих се вратити**.

б) **Ја бих да се вратим** → **Ја бих *се вратити**.

¹⁸ Експликација подлежаћег долази такође из-за постепеног губљења флексија глаголом *бити*, који у разговорном српском има тенденцију не мењати се по лично-бројним категоријама [Стевановић 1989: 713], напр.: *ја/ти/он/она би дошао, ми/ви/они би дошли*. Та же тенденција прослеђује се за конструкцију са *да*: *ја би да дођем*. Финитни глагол у саставу ДАК указује на субјект дејства, што олакшава разумевање изјављивања и референтних односа у њему.

На уровне семантики конструкция также трансформируется. Форма сослагательного наклонения в (22) имеет желательное диалогическое употребление (термин Н.Р. Добрушиной): встречаясь в диалоге или его имитации, она имеет прагматическую задачу смягчить утверждение о высказываемом желании: «Ирреальная грамматика маскирует истинную цель высказывания, обеспечивая стратегию косвенности» [Добрушина 2016: 52, 87]. Эллиптической конструкции *ja бих да + Vfin* свойственна описанная функция, когда субъект желания выражен первым лицом единственного числа (или множественного, ср. *ми бисмо да ручамо* «Мы хотим пообедать»). Однако те же конструкции с третьим лицом такой функции не имеют и единственно маркируют желание субъекта осуществить действие, обозначенное в ДАК. В примере 23 приведена ремарка из пьесы, где автор комментирует интенцию действий героя, что требует краткости и емкости формул, но не требует какого-либо смягчения утверждения; в примерах 24, 25 даны заголовки публицистических статей, в которых краткость и экспрессивность изложения тоже играют не последнюю роль. Стилистическим характеристикам таких заголовков следует посвятить более подробное исследование, здесь мы отметим тенденцию использования данной конструкции как стандартизированной формулы для обозначения темы информационных статей или авторских колонок, ср. другие примеры из электронного издания газеты «Политика»:

26) „Икеа” **би да купи** „Симпо” (заголовок статьи, П, 27.11.09). *«Икеа» хочет купить «Симпо».*

27) Приштина **би да „слуша”** Београд (заголовок статьи, П, 21.09.16). *Приштина хочет «слушать» Белград.*

28) Држава **би да жигоше** пчеле (заголовок статьи, П, 23.07.09). *Государство хочет помечать пчел.*

29) ЕУ **би да** питање КиМ **преломи** преко колена (заголовок статьи, П, 28.05.20). *ЕС хочет радикальным образом решить вопрос Косова и Метохии.*

Все примеры на русский язык будут переводиться с помощью глагола *хотеть* в индикативе, использование сослагательного наклонения искажало бы прагматику высказывания. В отличие от оптативных конструкций *би да + Vfin* маркирует желание не говорящего, а деятеля в позиции актанта при предикате, т. е. конструкция имеет дезидеративное значение (последовательное различие оптативного и дезидеративного значений см., напр., в [Плунгян 2000, Добрушина 2001а]).

ДАК в сербском языке, так же как и в македонском, обладает потенциалом строить новые аналитические конструкции с нефактивным (ирреальным) значением: сочетание *би да + Vfin* охватывает не только сферу диалогических употреблений, свойственную глаголам желания в форме первого лица потенциала, но и повествовательных, где оно маркирует желание участника ситуации (имеющего волевою доминанту, будь то человек, животное или, как в проанализированных примерах, организация, правительство и т.д.); в конструкциях будущего времени ДАК постепенно расширяет сферу функционирования и теряет обязательный эмфатический компонент, о чем писал В. П. Гудков, тем самым становится конкурентой в паре вариантных форм будущего времени, избавляясь от дополнительной семантической нагрузки или стилистической окрашенности (например, принадлежности исключительно разговорному стилю). Все отмеченные тенденции относятся к процессам, «балканизирующим» сербский литературный язык. По нашим наблюдениями, аналитические конструкции балканского типа определяются в грамматиках как часть сниженного регистра речи (неформального, разговорного), и поэтому должны быть отрегулированы системой правил, которая улучшит стилистическое качество текста. В качестве примера приведем рекомендации относительно употребления ДАК и инфинитива в разных синтаксических позициях из статьи [Стевановић 1953: 94]: «Кажется естественным полагать, что после безличного глагола (*требати*) идет безличная форма (инфинитив), тем более что конструкция с презентом неопределенного субъекта требует другую, громоздкую и менее естественную для нашего языка форму пассива, например: **И њима треба све да се постави готово** МК. [*И им подавай все готовенькое – перевод Н.К.*]»¹⁹, также см. стилистические рекомендации дистрибутивного употребления ДАК и инфинитива в [СССЈ 2005: 324-328]. Также интересным представляется анализ формы будущего времени *ће + да + Vfin*²⁰ в [Ковачевић 2014]. Автор определяет ее как избыточный и даже «паразитирующий» вариант, который не должен входить в систему аналитических временных форм сербского глагола: «Эти конструкции, выстроенные по аналогии, возникли из-за интерференции отрицательных форм футура I (напр.: *Он неће бити директор*) и составного глагольного сказуемого с модальным глаголом *хтјети* «хотеть» в значении *жељети* «желать» (напр.: *Он неће да буде директор* «Он не хочет

¹⁹ «А и сасвим је разумљиво што уз безлични глагол (требати) иде безлични облик (инфинитив), утолико разумљивије што конструкција с презентом за неодређени субјекат захтева друкчији, гломазнији и у нашем језику мање обичан пасивни реченички склоп, какав имамо у примерима: **И њима треба све да се постави готово** МК».

²⁰ В статье [Алексић 2018] о систематизации сложных глагольных форм в сербском конструкция *ће+да+праес* не упоминается.

быть директором»). Они не подчиняются правилам образования сложных глагольных форм сербского языка, имеют большие ограничения, чем формы футура I, не обладают никакими особенностями, которые бы могли оправдать их целесообразность; также они стирают разницу в значении между конструкциями отрицательных форм футура и составного глагольного сказуемого с модальным глаголом *хтјети* (напр.: *Струја неће поскупјети / Струја неће да поскупи*). Поскольку формы футуроида не входят в глагольную систему и не имеют дифференциальных различий, они не являются нормативными в сербском литературном языке»²¹ [Там же: 10]. Кажется естественным стремление описать и даже разграничить (и ограничить) функционирование двух членов системы, которые показывают тенденцию к свободному чередованию. Однако в наступательном характере употребления ДАК на позициях инфинитива не только в составном сказуемом и дополнительных придаточных, но и в сложных глагольных формах видятся признаки процесса «балканизации» части глагольной системы сербского языка, который представляет интерес для исследования.

д) **Финитность ДАК.** ДАК в сербском конкурирует во многих синтаксических позициях с формой инфинитива. Если сравнить два способа выражения, то финитная ДАК не имеет преимуществ перед инфинитивом, поскольку отсутствие морфологических или иных показателей предикативных категорий (время, модальность, лицо) в инфинитиве «преодолевается языком синтаксически» [Золотова и др. 2004: 138]. Но эксплицитное выражение категории лица в ДАК дает ей большую свободу на синтагматическую сочетаемость и потенциально расширяет круг ее функций.

1.3. Статус элемента ДА и независимой ДАК: история вопроса

Теоретическое осмысление статуса ДАК и союзной частицы *да* будет рассматриваться в балканославянских языках отдельно от истории данного вопроса в сербском литературном языке, находящемся на периферии БЯС. При обзоре работ целесообразно также включить труды на материале болгарского языка, поскольку он

²¹ «Ове аналошке конструкције настале интерференцијом негираних форми футура првог (нпр.: Он неће бити директор) и сложеног глаголског предиката модалног глагола *хтјети* у значењу *жељети* (нпр.: Он неће да буде директор). Оне не подлијежу правилима творбе сложених глаголских облика српског језика, творбено су рестриктивније од форми футура првог, немају ниједне особине која би оправдавала њихову сврсисходност, а уз то укидају семантичку разлику између негираног футура и сложеног глаголског предиката с модалним глаголом *хтјети* (нпр.: Струја неће поскупјети / Струја неће да поскупи). Будући несистемске и несврсисходне, форме футуроида нису нормативно допустиве форме српског стандартног (књижевног) језика».

структурно близок македонскому, также входит в ядро БЯС и имеет ДАК. Тема статуса и функционирования ДАК активно разрабатывается в болгаристике, собранные за последние десятилетия языковые факты и аргументация не только помогают пролить свет на самые сложные аспекты вопроса, но и выявить некоторые различия в модально-темпоральных системах македонского и болгарского языков.

Поскольку фокусом настоящей работы являются независимые употребления ДАК, подробное освещение дискуссии об элементе *да* в функции подчинительного союза в разных типах придаточных не будет входить в задачу данной главы, обращение к этой теме будет осуществляться лишь по мере необходимости.

1.3.1. Языки с высоким индексом «балканизации»: македонский, болгарский

Проблема статуса ДАК в балканославянских языках до сих пор не имеет однозначного решения. Дискуссия, главным образом, сводится к вопросу о том, есть ли основания считать ДАК аналитической формой косвенного (или ирреального) наклонения *конъюнктив/субъюнктив* или же круг ее функций и значений настолько широк, что не может составить гомогенную грамматическую категорию с единой парадигмой, поэтому ДАК следует рассматривать исключительно как предмет синтаксиса.

Примечание: Понятия *конъюнктив* или *субъюнктив* (англ. *subjunctive*) определяют как синтаксически связанное косвенное наклонение, которое ассоциируется с введением определенных типов зависимых клауз в классических (древнегреческий, латинский) и современных европейских языках (испанский, французский, итальянский и т.д.) и чьи показатели имеют флективную природу, см. [Palmer 2001: 185-186]. Базовое значение этого наклонения определить затруднительно, поскольку появление в предложении конъюнктивных форм часто мотивировано синтаксическими связями, напр., закрытым списком глаголов, требующих после себя конъюнктивные формы (особенно при гетерогенных субъектах в клаузах), напр. испанские глаголы *querer* «хотеть», *mandar* «приказать» [Bybee et al. 1994: 212-214]. В этом случае употребление конъюнктива не зависит от семантики ситуации или интенций говорящего. В других случаях семантическая обусловленность наблюдается, напр., чередование индикатива и конъюнктива в придаточных дополнительных при эпистемических глаголах в испанском [Ануфриев 2012]. В типологии выбор между индикативом и конъюнктивом на материале разных языков связывается с мнением говорящего и его оценкой истинности пропозиции высказывания (сомнение или слабое утверждение связывается с конъюнктивом), а также с прагматической рамкой высказывания, которая определяет общий для говорящего и слушающего контекст, подробнее в [Mauri, Sansò 2016]. Типологические данные показывают, что форма конъюнктива обычно имеет независимые употребления, в которых она приобретает значения из зоны деонтической модальности (императивно-оптативные) [Bybee 1985: 192-193, Palmer 2001: 108-111], имеющие соотношение с функционированием

конъюнктивных форм в синтаксически связанных контекстах. Анализ материала различных языков работает на обоснование следующей гипотезы: если в главных клаузах конъюнктивные формы будут иметь значение долженствования или повеления (англ. *obligation, imperative*), то в зависимом употреблении они будут вводить дополнительные придаточные после глаголов приказа (*order/command*), оптативная семантика соотносится с придаточными после глаголов желания (*wish/want*), значение оценки вероятности ситуации (*possibility /probability*), которое конъюнктивная форма имеет в независимой позиции, имеет корреляцию с придаточными после глаголов эпистемического статуса (*think/believe*) [Bybee et al. 1994: 219]. Диахронические исследования показывают, что конъюнктивные формы (особенно аналитической структуры, в которых конъюнктивным показателем является частица или аффикс), могут переосмысляться как общий маркер подчинения в неассертивном контексте.

В работе будет использоваться понятие *конъюнктив* в традиции грамматик Р. П. Усиковой [1985, 2000] и Ю. С. Маслова [1981], хотя в работах по македонистике все чаще встречается термин *субъюнктив* в описании статуса ДАК, см. сборник [Субъюнктив 2014].

Параллелизм между употреблениями ДАК в балканославянских языках (и их диалектах) и позициями, где встречаются конъюнктивные формы глаголов в европейских языках, был отмечен зарубежными славистами, которые описывали грамматические системы южнославянских языков, используя привычный европейской традиции терминологический аппарат. В грамматике болгарского языка Г. Вайганд [Weigand 1907/1917: 145-146] писал о конъюнктивном элементе *да* в подчинительных придаточных, имеющих потенциальное, оптативное или дубитативное значение. А. М. Селищев, изучая западные македонские говоры, под влиянием работ К. Санфельда, цитируемых в книгах «Очерки по македонской диалектологии» [1918: 236-237] и «Полог и его болгарское население» [1929: 374], также определял ДАК как конъюнктивную форму, которая стала субститутутом инфинитива. Название балканской конструкции действительно присваивалось по аналогии с европейским конъюнктивом, поскольку финитная ДАК занимала сходные синтаксические позиции и имела нефактивное значение во большинстве из них. Этот подход не раз будут критически анализировать болгарские лингвисты, подчеркивая его поверхностность: «Из всего изложения Г. Вайганда можно сделать вывод, что он рассматривает болгарские конструкции с *да* через призму немецких, греческих и латинских конъюнктивных форм и соответствий», пишет К. Попов в [1976], предостерегая от «увлечения» копировать элементы чужих грамматических систем.

Активизация дискуссии о существовании конъюнктивных форм в болгарском литературном языке была вызвана статьей русского слависта Ю. С. Маслова «К

семантике болгарского конъюнктива» [1962]. В ней автор перечисляет причины, которые оправдывают введение нового термина: а) компактность его наименования²², а также б) присутствие в зависимых и независимых употреблениях *da+Vfin* модальных оттенков значений (повеления, желания, возможности, неуверенности, эмоциональной констатации факта), которые нейтрализуются лишь в тех позициях, где формы конъюнктива являются единственно возможным выбором, например, в составном глагольном сказуемом или придаточных цели. Но в подобных позициях, как отмечает автор, конъюнктив «как нельзя лучше соответствует этимологическому значению термина *modus conjunctivus*» [Там же: 3]. Ю. С. Маслов принимает аналитический характер конъюнктива и не видит оснований не считать *da+Vfin* формой наклонения, поскольку ДАК парадигматична и образуется от любого болгарского глагола. Главный фокус статьи направлен на анализ значений конъюнктивных форм²³ в семантически мотивированных контекстах. Опираясь на факты истории развития болгарского языка, Ю. С. Маслов подразделяет употребления конъюнктива на две условные группы: «неинфинитивные», в которых формы с *da* занимают предикативную позицию и имеют широкий спектр модальных значений, и «инфинитивные», функционирующие в качестве любого члена предложения (что часто соотносится с бывшими позициями инфинитива). Минус этой терминологии состоит в описании современного состояния формы через диахронические языковые процессы, что нельзя признать удачным. Впоследствии автор в своей грамматике [1981] отказывается от этих названий (интуитивно понятных любому носителю славянского языка, чья глагольная система сохранила инфинитив) и заменяет их на «независимый» и «зависимый». Эти термины используются также в настоящей работе.

С ответной статьей «По въпроса за българския конюнктив» выступил К. Попов [1963/1976]. В качестве контраргумента он приводит отсутствие специализированных конъюнктивных глагольных форм наподобие синтетических форм в романских языках, а также критикует попытку Ю. С. Маслова выводить семантику болгарского конъюнктива из синтаксической связи между глаголом и союзом *da* вкупе с контекстными условиями, интонацией и иллокутивным типом предложения (является ли оно повествовательным, повелительным, вопросительным или восклицательным). Автор высказывает сомнение в том, что можно выделить грамматическую категорию

²² Статья Ю. С. Маслова открывается следующей фразой: «Термин *конюнктив* не является общепринятым в болгаристике. Но он безусловно удобнее используемого в том же значении громоздкого термина “конструкция с частицей (в других случаях – с союзом) *da*”» [1962: 3]. С этим утверждением сложно не согласиться.

²³ По мнению автора, парадигма болгарского конъюнктива состоит из двух времен *da+praes* и *da+perf*, другие темпоральные формы после *da* он оставляет за рамками работы.

на основании единственно семантического критерия: «Здесь перед нами снова встает вопрос, могут ли морфологические категории иметь только семантическую основу и не иметь соответствующих морфологических показателей и форм; может ли целое наклонение выражаться лексически с помощью союзов и частиц, тогда как известно, что подчинительные союзы выражают синтаксические отношения между предложениями, но не являются показателями морфологических категорий»²⁴ [Там же: 382]. Подробно рассмотренные Масловым неинфинитивные или независимые употребления конъюнктива с побудительным значением К. Попов трактует как описательные формы повелительного наклонения, близкие по семантике к специализированным синтетическим формам императива. Автор в своей трактовке опирается на грамматическую традицию старославянского языка, где императивные ДАК были широко представлены. Объединение неоднородных функций и значений ДАК вокруг повелительного наклонения кажется автору более естественным, чем введение новой ячейки в глагольную систему болгарского языка: «Если в немецком языке кондиционал (условное наклонение) употребляется и в качестве конъюнктива (починительного наклонения), а конъюнктив – как пересказывательное, несвидетельское наклонение, и как оптативное наклонение, почему бы тогда в болгарском языке повелительному наклонению не объединять все формы с конъюнктивным, оптативным и императивным значениями вокруг своей парадигмы?»²⁵ [Там же: 384]. Делая подобное утверждение, автор действительно сводит вопрос к терминологической стороне, отходя от проблемы статуса ДАК в системе.

Статьи задали направление аргументации, которую развивали последующие работы болгаристов и славистов по данной теме. Неоднократно представлялся обзор литературы о статусе *да* и конъюнктивных форм в болгарском языке, самые исчерпывающие из них [Деянова 1979, 1986], [Викторова 2003, 2005], [Куцаров 2007: 265-280], [Иванова 2014: 107-113], [Сашева Иванова 2015: 47-82], рассмотрим описанные в них стороны проблемы.

В большинстве грамматик болгарского языка *да* трактуется как подчинительный союз, присоединяющий разные типы придаточных, и как формообразующая частица в описательных (аналитических) формах повелительного наклонения, см. [Андрейчин

²⁴ «Тук ние отново сме изправени пред въпроса, могат ли морфологическите категории да се изразяват семантически, по смисъл, без съответните морфологически показатели и форми; може ли цяло наклонение да се изразява лексически с помощта на съюзи и частици, като се знае че подчинителните съюзи изразяват синтаксически отношения между изреченията, а не морфологически категории».

²⁵ «Ако се в немски език кондиционалът (уловното наклонение) се употребява и като конюнктив (подчинително наклонение), а конюнктивът и като преисказно, несвидетелско наклонение, и като оптативно наклонение, защо в български език повелителното наклонение да не обединява около своята парадигма всички форми с конюнктивни, оптативни и императивни значения?»

1949, Андрейчин и др. 1977, Норман 1980, ГСБКЕ Т.2, Т.3 1983, Бояджиев и др. 1999, Куцаров 2007] без описания соотношения между ними. Если в грамматиках затрагивается вопрос о существовании подчинительного наклонения, напр. в [Куцаров 2007, Ницолова 2008], то, как правило, делается вывод, что видеть в ДАК конъюнктив нет оснований.

Основным препятствием для объединения ДАК в рамки единого косвенного наклонения, по мнению исследователей, является **полифункциональность** частицы *да* и **многозначность** *да-форм* [Ницолова 2007: 7-9]. ДАК, имеющие общие структурные характеристики, в зависимости от типа синтаксической связи, трансформируются из экспрессивных модальных форм с нефактивным значением в подчиненную матричному предикату синтаксическую конструкцию, которая не имеет модальных или темпоральных характеристик (ср. примеры с составным сказуемым). Также элемент *да* участвует в образовании аналитических глагольных форм (напр. будущего в прошедшем, отрицательных форм будущего времени, будущее предварительное и т.д.), является показателем нефактивных значений самого широкого спектра (императивно-оптативно-дубитативного) и выступает в качестве подчинительного союза в сложном предложении [Сашева Иванова 2015: 69]. Элемент *да* как в болгарском, так и в македонском, активно участвует в образовании новых модальных комплексов частиц специфического значения, которые по морфосинтаксическим признакам присоединения глагола отличаются от ДАК и которые описываются как часть экспрессивного синтаксиса, ср. эпистемические частицы со значением «пристрастных вопросов» *да не* (мак.) и *да не би* (болг.), подробно описанные в работе Е. Ю. Ивановой и Э. Бужаровской [2016]. В отличие от Ю. С. Маслова [1981] и З. Голомба [Gołab 1954, 1964] Р. Ницолова и В. Сашева Иванова считают, что очертить границу между омонимичными²⁶ *да* очень сложно и невозможно выработать четкие критерии для отделения конъюнктивных форм от всех возможных случаев употребления.

Р. Ницолова в работе «Българска граматика. Морфология» прописывает инвариантное значение, свойственное ДАК (прежде всего, независимой) – **нефактивность**. Конструкция маркирует действия, не принадлежащие реальному миру. Спектр нефактивных значений независимой ДАК очень широк, автор разделяет их на четыре большие группы:

²⁶ В [Сашева Иванова 2015: 66-69] дается подробная информация о дефинициях *да* в болгарских толковых словарях. Автор отмечает, что в «Словаре болгарского языка» БАН [РБЕ 1981: 519-525] служебное слово *да* представлено в виде 4 омонимов: утвердительной частицы, побудительной частицы, подчинительного союза и сокращенного инфинитива *да* от глагола *дам*.

1) Повелительные *да*-формы: *Да дойдеши у нас довечера!* «Приходи к нам вечером!»

2) Оптативные *да*-формы: *Да бъдеш здрав и весел!* «Будь здоровым и довольным!»

3) *Да*-формы со значением возможного/необходимого действия: *Някой од вас случайно да знае китайски?*²⁷ «Кто-нибудь из вас случайно не знает китайский?»

*Трябва ми печка, която да отоплява и двете стаи, ср. Трябва ми печка, която може/трябва да отоплява и двете стаи*²⁸. «Мне нужен обогреватель, который бы отапливал все две комнаты».

4) *Да*-формы реального прошедшего действия (транспозиция формы: обозначает совершившееся действие): *Да уча в село цели три години втори клас и все с много добър успех. И сега не барем пак във втори, ами да ме върнат в първи!* (Т. Г. Влайков). «Учиться в деревне целых три года во втором классе и каждый раз с успехами. И ладно бы снова во второй, но меня вернули в первый!» [Ницолова 2008: 409 – перевод примеров Н.К.]. Сложность состоит в том, что значение ДАК не может быть определено «без учета иллокутивной силы высказывания, в котором эти формы употреблены, а в ряде случаев и лексического значения глагольной формы, контекста, ситуации, а в некоторых случаях и вида речи (прямая, непрякая, несобственно-прямая)» [Там же: 328]. **Сильная зависимость семантики ДАК от контекста** влияет на то, что значения в рамках одной парадигмы весьма различны, что подразумевает ее описание «от формы к форме» [Там же: 328].

Тезис о том, что ДАК (как и *да* в большинстве типах придаточных) обычно вводит нефактивные ситуации, является общепринятым для балканославянских языков [Фелешко 1974; Тополињска 1995: 255-257, 2008; Amman, Auwera 2004; Ницолова 2008], он касается как независимых ДАК, так и многих зависимых, в которых *да* выполняет союзную функцию (вводит придаточные цели, условия и др). Однако и здесь встречаются исключения: элемент *да* может **вводить фактивную ситуацию**, существующую в реальном мире. Р. Ницолова приводит в пример транспозитивные *да*-формы реального прошедшего действия²⁹ в позиции независимого предиката [Ницолова 2008: 428]; в [Иванова, Градинарова 2015: 264] также отмечаются

²⁷ В литературном македонском языке ДАК со значением предположения в вопросительном типе предложения не встречается, в таких предложениях будет использоваться вопросительная частица *дали* или модальный комплекс *да не*. Ср. болг. *Някой од вас случайно да знае китайски?* и мак. *Дали некој од вас случајно знае кинески? / Да не знае случајно некој од вас кинески?*

²⁸ Об употреблении союзной частицы *да* в определительных придаточных в македонском и их отличиях от болгарских см. работу [Vužarovska, Mišeska Tomić 2009].

²⁹ Напр. *Аз да те храня тебе – викаше Рахни като луд, - ядеш като ламя, а само спиш (Й. Йовков)* «Я, значит, тебя кормлю, - кричал Рахни как сумасшедший, - а ты жрешь как свинья и только спишь».

особенности болгарских глаголов восприятия присоединять придаточные с союзом *да* в функции предикативного определения, которые описывают ситуацию реального мира: *Аз видях да плаче котка* «Я видел, как кошка плачет»; *Видях го да идва насам* «Я видел, как/что он идет навстречу». Однако согласно [Иванова 2019а: 17] *да* в указанной позиции является «реликтовым состоянием» и может быть признан исключением, в узусе фактивные ситуации в изъяснительных придаточных присоединяет синонимичный ему, более молодой в исторической перспективе союз *че*. Позиция после перцептивных глаголов являет переходное состояния распределения функций между двумя союзными элементами.

Союз *да* вводит фактивную ситуацию в уступительных придаточных:

а) болг. *И колкото да беше свикнал с това, беше му противно* (П. Константинов) «Хоть он и привык к этому (букв. Как бы он ни привык к этому), ему было противно», пример взят из [Иванова 2019а: 14-15]³⁰.

б) мак. *Колку и да тонеше градот во сиромаштија, Адам немаше видено победна наслеба*. (В. Петрески «Од магла на југ»). И хотя город тонул в нищете, Адам бедней квартала не видал.

Определять статус ДАК как конъюнктивную форму в зависимых и независимых типах мешает наличие в языке синонимических союзов и частиц, которые образуют ряд вариантов, чередующихся в одной позиции без разницы в значении: «в рамках сложного предложения частица *да* имеет ряд синонимических союзов и частиц: *да – че, макар да – макар че, да – ако, да – нека*» [Ницолова 2008: 327]. Ср. македонские союзы *да – ако*, которые взаимозаменяемы, прежде всего, в ирреальном условном периоде: *Ако / да дојдеш, ќе разговараме* «Если бы ты пришел, мы бы поговорили» [Минова-Ѓуркова 2000: 284].

Болгарские императивно-оптативные ДАК конкурируют с синонимичными *нека*- и *нека да*-конструкциями, имеющих полную лично-числовую парадигму [Куцаров 2007: 290], ср. примеры первого лица множественного числа: *Да работим!* (Ив. Вазов) «Давайте работать!»; *Нека бъдем добросъвестни и изложим фактите пред съда* (П. Вежинов) «Давайте будем честны и изложим все факты перед судом»; *Нека да не се караме повече!* «Давайте больше не будем ругаться!» [Ницолова 2008: 413, 417].

Примечание: Синонимичные ДАК императивно-оптативные аналитические конструкции с *нека*, которые многие исследователи-болгаристы причисляют к формам повелительного наклонения [ГСБКЕ

³⁰ Статья Е.Ю. Ивановой «Подчинительный союз *да/da* в южнославянских языках» фокусируется на союзных функциях элемента *да*, подробно рассматривает его семантические и линейно-синтаксические свойства в разных типах придаточных в южнославянских языках.

Т.2 1983, Бояджиев и др. 1999, Куцаров 2007, Чакърова 2009 и др.], имеют более широкое поле функционирования, чем в македонском языке. Литературная норма македонского сильно ограничивает употребление побудительных конструкций с частицей *нека* (*нека+praes* имеет неполную парадигму и употребляется только в 3 лице); *нека да*-конструкции в македонском языке ненормативны. Столь часто встречающиеся в болгарском *нека-* и *нека да*-формы 1 л. мн. ч. совместного действия не являются узуальными для македонского. Межъязыковые различия в устройстве этой части модальной системы хорошо заметны, если сравнить болгарский оригинал текста и его перевод на македонский. В таблице приведен отрывок из интервью болгарского писателя Г. Господинова, где наглядно видно, как македонский переводчик старался избежать использования частицы *нека* в неестественной для нее функции и находить адекватный перифраз в ДАК:

Таблица 3. Повелительные конструкции в болг. и мак. параллельном тексте

Болгарский	Македонский
Това е (нека използваме тази иначе ужасна дума) експоненциално нарастване на човешкото зад числата, на свързаните човешки истории. Ето какво, общо взето, работи изкуството и в частност литературата – превръща числата в хора, дава им лица и истории. Прави ли това нещата по-лесни? Нека бъдем честни – едва ли. Но удържа човешката ни природа. (ст. «Думи от Георги Господинов: вирус и литература, за числата и хората», портал dw.com/bg , 18.04.20).	Тука мора да употребам еден ужасен збор: експоненцијален раст на човешкото зад бројките, лавина на меѓусебно испреплетени човешки приказни. И, тоа во основа е сржта на уметноста, односно литературата – да ги претвори бројките во луѓе, да им даде лик и приказна. Дали е тоа олеснување? Да бидеме искрени , повеќе не е. Но, помага за одржување на човешката природа. (ст. «Бројките да се претворат во луѓе: Литературата во време на корона», портал dw.com/mk , 18.04.20).

Перевод: «Здесь мне придется употребить ужасное слово: экспоненциальный рост внимания к людям, который стоят за цифрами, клубок переплетенных между собой личных историй. И в этом состоит суть искусства, в частности, литературы – превратить цифры в людей, подарить им человечность и историю. Облегчает ли это работу? Будем честны, едва ли. Но помогает нам сохранить человеческую природу».

Императивно-оптативная ДАК в македонском не имеет таких же функционально активных конкурентных форм, как в болгарском, поэтому рассмотренный аргумент против наделения ДАК статусом конъюнктива ослабевает.

Несмотря на большой репертуар аналитических конструкций³¹, выражающих самые разные нюансы императивной семантики, болгарские лингвисты все же

³¹ Функционируют следующие аналитические конструкции в болгарском, но не в македонском: а) конструкции с отрицательной частицей *недей(те)*, которые используются только для 2 л. и присоединяют ДАК или (редко) остаточную форму инфинитива: *недей да пишеш / недей писа*; б) застывшая глагольная форма *стига + Vperf*, которая обозначает призыв прекратить действие и во многом эквивалента русскому *хватит*. Также см. работы о семантических и прагматических различиях в

включают независимую ДАК в парадигму грамматических форм повелительного наклонения: «По степени функциональной активности повелительные *да*-конструкции в болгарском языке уступают единственно формам синтетического императива: они используются во всех функциональных стилях, включая и разговорную речь, а нередко (при употреблении во 2 л.) им отдается предпочтение благодаря их большей экспрессивной нагруженности, по сравнению с простыми императивными формами. (...) При этом в некоторых контекстах семантико-прагматическая нагруженность ДАК создает условия нулевой конкуренции, и ДАК не может быть заменена на другие члены той же парадигмы» [Чакърова 2008: 109]³². В статье «Повелительные *ДА*-конструкции в современном болгарском языке и проблема «болгарского конъюнктива» К. Чакърова [Там же: 109-111] приходит к выводу, что подходящим термином для этого морфологического образования следует считать **повелительные да-конструкции**, но не конъюнктив, и приводит похожий список аргументов, которые был описан нами выше. Внутреннее противоречие теоретического решения состоит в том, что в одном случае болгарские грамматисты признают элемент *да* показателем (или модификатором) повелительного наклонения, отдавая предпочтение императивному, нежели другим модальным значениям ДАК. С другой стороны, в их работах идея обобщить нефактивные значения ДАК, близкие по своей семантике, встречает сопротивление: «Модальность в языке – постоянное, но разностороннее явление, и каждый из ее нюансов нельзя выделять в качестве особого наклонения, если отсутствует соответствующая морфологическая форма»³³. [Там же: 110].

Не рассматривает болгарскую ДАК как конъюнктивную форму и З. Геннадиева-Мутафчиева. Помимо уже упомянутых аспектов в ее работе, посвященной ДАК и союзу *да* в придаточных предложениях, рассматривается структура ДАК, а именно позиция отрицания *не* между *да* и глагольной формой. З. Геннадиева-Мутафчиева считает, что, если бы ДАК была формой, частица *не* должна была бы занимать позицию перед *да*, поскольку именно так обстоит дело со сложными временными формами наклонений в болгарском языке (напр. *Не съм (бях) го видел*) [Геннадиева-Мутафчиева

употреблении синтетического императива и ДАК в болгарском [Ницолова 2008: 411, Чакърова 2009: 36] и македонском [Бужаровска, Митковска 2014] языках.

³² «По степен на функционална активност повелителните да-конструкции в българския език отстъпват единствено на синтетичния императив: използват се във всички функционални стилове, включително и в разговорната реч, а рядко (когато са употребени във 2. л.) те се предпочитат пред простите форми поради по-голямата си експресивна натовареност. (...). При това някои от най-усложнените (поради натоварването си с повече допълнителни значения) варианти се употребяват в условията на практически нулева конкуренция (т.е. те не могат да бъдат замествани от други членове на същата парадигма)».

³³ «Модалността в езика е постоянно, но доста разнообразно явление и не може всички нейни нюанси да се обособяват в отделно наклонение, без да съществуват съответните морфологични форми».

1970: 206]. Для македонского языка можно привести пример, где отрицание будет выноситься за пределы ДАК и будет иметь эмфатическое ударение: Но Мара и Силјан Бојчевски беа набожни луѓе. **Не да речеш** дека не беа. (П. М. Андреевски «Проклета куќа»). Но Мара и Силјан Бојчевски были набожными людьми. Не сказать, что не были. Но синтаксические особенности отрицания при ДАК требует особого рассмотрения на материале македонского языка.

Отсутствие специализированных синтетических форм конъюнктива в глагольной системе южнославянских языков приводится в качестве аргумента против теории о подчинительном наклонении. Однако аналитический характер балканославянских языков, который ярко выражен как в именной, так и в модально-темпоральной системе, оправдывает закрепление за сложнокомпонентной глагольной формой статуса косвенного наклонения. Жесткая структура ДАК и обязательность контактного положения *да* и глагола подтверждают этот статус. Отступление от строгого формализма в грамматических описаниях позволяет включить в систему больше узуальных и функционально продуктивных аналитических конструкций. Примером может служить расширенная парадигма³⁴ русского повелительного наклонения, которая при функциональном подходе включает в себя императивные аналитические конструкции в первом и третьем лице [Храковский, Володин 2001: 120-125]. Высокий индекс аналитизма балканославянских языков также оправдывает важную роль контекстного окружения в определении значения независимой ДАК.

Болгаристы занимают жесткую позицию в отношении статуса ДАК. Исследователи языков и диалектов БЯС, анализирующие болгарский язык сквозь призму общебалканских явлений, занимают более сдержанную позицию. В книге «Балканско езикознание», рассматривая как независимые ДАК, так и типы придаточных с *да*, П. Асенова пишет, что подчинительный союз *да* в болгарском языке³⁵ получает признаки служебной приглагольной морфемы, неотъемлемой части глагольной формы, на что указывают особенности ее морфосинтаксической структуры [Асенова 2002: 152]. Исследователь подчеркивает, что «статус болгарского союза *да* в сущности не отличается от статуса соответствующих союзов в албанском, греческом и румынском. На уровне синхронии союз *да* полностью идентичен, например, греческому союзу *να* – в обоих языках т. н. «конъюнктив» не маркирован на

³⁴ В. С. Храковский и А. П. Володин придерживаются минимальных формальных требований к словоформам императивной парадигмы: 1) они должны регулярно образовываться от глагольных лексем, семантика которых допускает их образование; 2) словоформы должны опознаваться в контексте как формы, имеющие данное грамматическое значение [2001: 121].

³⁵ П. Асенова рассматривает факты македонского языка в рамках болгарского диалектного континуума.

флективном уровне³⁶. Независимо от того, как будут описаны болгарские ДАК, они будут обладать теми же значениями, какие имеют соответствующие им (конъюнктивные) конструкции в остальных балканских языках, т. е. значения конъюнктива» [Там же: 152]. Отметим, что П. Асенова прямо не называет болгарские ДАК конъюнктивом, тем самым не идет вразрез с традицией болгарской лингвистики. Можно предположить, что задача описания структурных закономерностей балканских языков подталкивает исследователей к унификации терминологии, особенно если сравниваемые формы имеют общие черты как в структуре, так и в функциях и семантике, ср. монографию О. Мишески Томич «Balkan Sprachbund. Morpho-syntactic Features» [Mišeska Tomić 2006], где понятие *конъюнктив* вводится без оговорок. Целесообразным выделение ДАК в особое наклонение в свете фактов других балканских языков представлено в работе М. М. Макарецва, посвященной категории эвиденциальности в болгарском, македонском и албанском. Описывая три грамматические системы балканских языков, он наделяет ДАК статусом конъюнктива: «Для анализа только болгарского материала отнесение этих форм к специальному наклонению не представляется необходимым, но поскольку в албанском языке формы индикатива и конъюнктива различаются, в данной работе болгарские (и, соответственно, македонские) *да*-конструкции рассматриваются в качестве отдельного наклонения – *конъюнктива*, формы которого отличаются от соответствующих форм изъявительного наклонения только связкой *да*» [Макарецв 2014: 83]. Сравнительный аспект исследования Е. Ю. Ивановой в работах «*Да*-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков» и «Подчинительный союз ДА / ДА в южнославянских языках» также позволяет увидеть особенности балканославянского *да*, который получает в статьях статус *конъюнктивоподобного* элемента, на фоне союзного *да* небалканизированных южнославянских языков (сербского, хорватского, словенского) [Иванова 2018: 176, 2019а: 15]. М. Деянова также описывает болгарский подчинительный союз *да* как синтаксическое наклонение конъюнктив, а болгарский комплекс *да+Vfin* – как переход между синтаксической конструкцией и морфологической формой, на фоне словенского союза *da*, нейтрального в модальном отношении [Деянова 1985].

³⁶ Функции, выполняемые греческой конструкцией с *va*, по большей части совпадают с функциями ДАК в балканославянских языках: «она заменяет в современном языке инфинитив, употребляется в роли повелительного наклонения, конкурируя с сохранившейся специальной формой императива для 2-го лица, используется для выражения желания (вместо древнего оптатива), сомнения, предположения, для передачи будущего времени (всегда с оттенком намерения) и др.» [Мочос 1971].

Мы уделили большое внимание дискуссии о существовании «конъюнктива» в болгарском языке, поскольку эта тема активно обсуждается в болгаристике в течение многих десятилетий. Македонская традиция рассмотрения проблемы менее богатая, но и менее противоречивая. Македонской ДАК на современном языковом материале³⁷ посвящена единственная монография – работа Г. Георгиевского «*Да-реченицата во македонскиот јазик*», в которой дается список синтаксических функций сочетания *да + Vfin* и перечисление самых общих значений в зависимости от синтаксической позиции [Георгиевски 2009]. Автор обходит стороной и теоретическую составляющую вопроса о статусе ДАК и использует в работе термины *да-конструкција* и *да-реченица* «да-предложение», не проводя между ними четкой границы.

В первых грамматиках македонского литературного языка Б. Конеского [Конески 2004³⁸] и Х. Ланта [Лант 2012³⁹] *да-конструкция* определяется как синтаксическое единство глагола и союза *да*, а модальные нюансы значения конструкции определены контекстом. На основании такой общей формулировки можно сказать, что авторы рассматривают ДАК как полифункциональное синтаксическое единство, которое не имеет отдельного места в глагольной системе времен или наклонений. В этих грамматиках вопрос о статусе ДАК не обсуждается. Также в грамматиках Х. Ланта и Б. Конеского еще нет разделения *да-конструкций* на типы по параметру подчинения.

Вслед за работами Ю. С. Маслова, Р. П. Усикова относил ДАК к наклонению конъюнктив в грамматиках македонского языка 1985 и 2000 гг. [Усикова 1985, 2000]. В последнем издании 2003 г. автор отказывается от такой трактовки, не наделяет ДАК статусом формы и описывает ее лишь как синтаксическую конструкцию [Усикова 2003]. В своей статье «Македонските *да-конструкции* и нивните руски еквиваленти»⁴⁰ [1996: 89] она поясняет, почему ее мнение изменилось: полифункциональная и многозначная ДАК не вписывается в четкие противопоставления другим наклонениям: ДАК «могут выражать оптатив, императив, условное наклонение (кондиционал), предположение, а могут только именовать действия». Как Ю. С. Маслов смягчил категоричность точку зрения о статусе болгарской ДАК в грамматике, где он, по-прежнему используя термин *конъюнктив*, все же говорит о незавершенности процесса

³⁷ Автор также опубликовал работу [Георгиевски 1990], посвященную истории ДАК, в которой он прослеживает судьбу постепенной утраты инфинитива и распространение ДАК как его эквивалента на материале памятников 12-14 вв.

³⁸ Первое издание грамматики Б. Конеского: I часть – 1952 год, II часть – 1954. В работе грамматика цитируется по изданию: Скопје, 2004.

³⁹ Первое издание грамматики Х. Ланта: 1952 год. В работе грамматика цитируется по изданию: Скопје, 2012.

⁴⁰ Русские эквиваленты болгарской ДАК рассмотрены в статье [Иванова 2014].

«слияния в аналитическую форму наклонения» конструкций с *да* [Маслов 1981: 288], так и Р. П. Усикова утвердила другой статус за ДАК.

Отдельного внимания заслуживает работы К. Крамер, основные итоги которых опубликованы в монографии «Analytic modality in Macedonian» [1986]. Автор делит способы выражения категории модальности, обозначающей статус действия по отношению к действительности, на два типа: синтетическую (морфологическую) и аналитическую (синтаксическую). К последней она относит сочетание индикативного глагола с группами модальных частиц, которые маркируют действие как нефактивное: «The designation of an action as a non-real process is carried by a set of modal particles which occur with forms of the indicative» [Kramer 1984: 262]. Помимо семантического критерия автор использует синтаксический: она объединяет в группу частицы, которые способны соединяться с глаголами совершенного вида презенса⁴¹, исключение составляет частица *би*, которая сочетается единственно с *л*-формой глагола. 9 частиц условно подразделяются на независимые *да*, *ке*, *би*, *нека*, синтаксически способные образовать предикацию в неподчиненной позиции, и *ако*, *додека*, *дури*, *доколку*, которые функционируют только в зависимых клаузах [Там же: 265]. Автор последовательно использует название *частицы*, отказываясь от понятия союза: «The term *particle* is to be understood as a general for the conjunctions, adverbs, and particles which may combine with the perfective non-past, and *bi*» [Kramer 1986: 18]. Не используется и понятие наклонения в отношении сочетания частиц и временных форм финитного глагола, их рассматривают исключительно как синтаксические модальные конструкции. Крамер сравнивает взаимодействие модальных частиц и глагола с использованием предлогов в английском или македонском, которые сами по себе не являются маркерами категории падежа, но выполняют их функции в отсутствии именного склонения в грамматических системах. В рамках ее теории рассматриваемые частицы сами по себе не являются показателями наклонений, но выполняют функции передачи модальных значений: благодаря своим лексико-синтаксическим особенностям, они модифицируют глагольные категории индикатива [Kramer 1984: 264]. В монографии частица *да* определяется как немаркированный элемент системы, поскольку она может образовывать как зависимую, так и независимую предикацию, не обладает базовым инвариантным значением и во многих контекстах может стать функциональной заменой другим модальным частицам [Kramer 1986: 170].

К. Крамер на основании общих признаков ставит в один ряд частицы, которые по своей природе различны: одни имеют формообразующую функцию и участвуют в

⁴¹ «... particles to which a perfective non-past can be subordinated» [Kramer 1986: 9].

категорий времени (*ke*⁴²) и наклонения (*би*), другие определяются нормативными грамматиками как союзы с первичной функцией введения подчинительных условных и временных придаточных (*ако, додека, дури, доколку*). Тем самым К. Крамер имплицитно показывает, насколько привычный терминологический аппарат не позволяет без противоречий описать глагольную систему македонского языка, в которой аналитические элементы взаимодействуют с темпоральными формами, преобразуя их значение. Действительно, закономерности потенциального комбинирования аналитических формообразующих элементов с существующими временными формами еще недостаточно изучены, что может считаться актуальной проблемой македонистики. Подход К. Крамер может оказаться продуктивным в изучении проблемы взаимодействия категорий темпоральности и модальности в македонском языке.

Последовательно развивал идею о том, что ДАК представляет собой форму ирреального наклонения, польский лингвист З. Голомб. Он определял частицу *да* как «служебную приглагольную морфему, модифицирующую финитный глагол в модальном и синтаксическом плане» [Gołąb 1954: 78]. Это утверждение основывается на анализе архаичных македонских диалектов (говоров сёл Сухо и Висока), записанных и опубликованных М. Малецким [Małeckі 1934, 1936]: «*Да* выступает формальным показателем следующих модальных категорий: 1) оптатива (с его дальнейшей эволюцией в сторону категории императива); 2) вероятности-условия (*modus eventualis-condicionalis*); 3) неуверенности-проблематичности (*modus "questionalis"*); 4) модальная характеристика *да* выражает уверенность говорящего в том, что названное действие обязательно осуществится в будущем (т.н. *Futurum II*). Из всех перечисленных модальных категорий синтаксические функции развивают, прежде всего, оптативные и условные *да*. Например, совершенно очевидно, что *да* в функции союзов *да, за да*, присоединяющие предложение со значением желания или цели, произошло от оптативной частицы *да*, например: *да дојди (optativus) (вот бы он пришел)*, *иштам да дојди (я хочу, чтобы он пришел)*, где *да* функционирует как союз, который присоединяет придаточное с семантической коннотацией желания; но в предложении *и јаз за дојда да т'а чуја С27 (и я приду, чтобы тебя послушать)* *да* выступает только как целевой союз. *Да* в функции союза, присоединяющего придаточное без оптативного значения – есть не что иное, как следующая ступень развития

⁴² Функциональный анализ форм с *ke* в работе [Верижникова 1997, 2012: 31-34] показывает, что они, прежде всего, соотносят ситуацию с моментом речи по временной шкале и имеют способность обозначать референтные события, что отдаляет их от значения косвенного наклонения.

синтаксических функций частицы» [Голомб 1960: 139]. Автор считает, что оптативное значение частицы *да* является первичным и что функции гипотаксиса вторичны и развились позднее.

З. Голомб отмечает, что сложная конструкция *да+praes/impf* напоминает латинский *coniunctivus*, который также имел множество модальных значений [Там же: 175]. Он проводит параллель между латинским конъюнктивом *dubitationis* в независимой позиции (напр. *quid faciam?*) и специальными вопросами в македонском языке типа **Што да правам?** «Что мне делать?», которые выражают неуверенность говорящего, «проблематичность» ответа на вопрос. Эти примеры иллюстрируют второй пункт классификации Голомба: наклонение «questionalis». К данной группе он относит следующие общие вопросы: *тас мумата р'ечи: «да са укљвам?, да са убасам? да са закол'ам?»*, перевод: *эта девушка сказала: «мне зарезаться? повеситься? заколоть себя?»*⁴³ [Там же: 146]. Однако в утвердительном предложении та же ДАК в первом лице единственного числа у Голомба определяется как Futurum II, например, *да стора* (литературный вариант *да сторам*, «я сделаю»), со значением «решение говорящего совершить упомянутое им действие». Мы трактуем эти употребления иначе, см. п. 3.2.1.4. Конечно, диалекты македонского языка имеют языковую систему, отличную от системы языка литературного, хотя выделенные Голомбом четыре типа значений ДАК (З. Голомб обозначает их статус: 3 наклонения и 1 время соответственно) встречаются и в последнем. Остается нерешенным вопрос, имеют ли они тот же статус в литературном языке. Таким образом, Голомб очертил круг независимых ДАК, которые, по нашему мнению, требуют более подробного исследования уже на материале литературного языка, примером чего может служить работа [Фелешко 1974].

Развивая идеи З. Голомба, З. Тополинска трактует *да* как приглагольный маркер косвенного наклонения. Так же как и другие исследователи, она указывает на *нефактивность* как основную семантическую характеристику всех типов ДАК и обращает внимание, что в аналитических языках, каковым является македонский, не следует искать исключительно морфологические показатели наподобие конъюнктивных форм в романских языках, его маркерами могут выступать и аналитические элементы конструкции типа ДАК [Тополинска 2000, 2008]. Однако, в отличие от З. Голомба, автор ставит акцент на подчинительную функцию ДАК, называя

⁴³ Ср. пример из литературного языка с тем же значением: – **Да пеам?** – ме праша Симон. – Како сакаш, – му одговорив што значеше «не». (Р. Бужаровска «Не одам никаде») – *Мне спеть?* – *спросил меня Симон. – Как хочешь, - ответила я, что означало «нет».*

конъюнктив «связанным» наклонением, маркирующим синтаксическое неравноправие двух предикаций [Тополињска 2014: 227]. Существование независимого употребления форм «связанного» наклонения Тополињска объясняет с помощью понятия *виртуальный предикат*. Это прагматический контекст употребления независимых ДАК, характер речевого акта, который может трактоваться как приказание, запрет, указание и т.д. Эта интерпретация представляет независимые ДАК как зависимые от формально невыраженного предиката⁴⁴ [Тополињска 2000: 125]. Тополињска приводит пример независимой ДАК с оптативным значением: *Господ да ви врати за доброто што го правите, јас никогаш не ќе можам!* (Пусть Бог вам воздаст за все добро, что вы делаете, я же никогда не смогу расплатиться!) и его перифраз: «желба ми е да..., би сакал/сакала да...» [Там же]. Таким образом, автор избегает противоречий в вопросе о существовании самостоятельного употребления «связанного» наклонения. Этой концепции придерживаются и другие македонские исследователи в работах по ДАК как в литературном языке [Тофоска 2014: 233], так и на диалектном материале [Пеев 1999], [Гајдова 2014: 63].

Толкование значений разных подтипов независимых ДАК с помощью «невыраженного предиката» встречается и в сербской грамматике, см. [НГ 2014: 403]. Однако с такой трактовкой трудно согласиться. Мы не склонны рассматривать независимый тип ДАК с его модальными значениями как подтип зависимого. Рассмотрим пример императивной ДАК: *Стоте лева да ми ги вратиш*. (Б. Конески «Крчмите»). *Верни мне сто левов*. Если предполагать наличие «виртуального предиката», то следует поставить знак равенства между независимой ДАК в примере и следующими модальными предикатами: *Стоте лева мораш/треба/сакам да ми ги вратиш* (*Сто лева ты должен вернуть/тебе нужно вернуть/я хочу, чтобы ты вернул*). Мы полагаем, что перифраз уместен в случае уточнения семантики высказывания, однако формальный синтаксический статус конструкции от этого не зависит. Важно, что ДАК в примере *каузирует* называемое глаголом действие, в отличие от предикатов с модальными глаголами, которые лишь сообщают об отношении говорящего к действию.

Теоретическая база, на основании которой ДАК интерпретируется как конъюнктив, описана в опубликованном сборнике статей МАНУ «Субјунктив со

⁴⁴ «...граматически независни искази да-конструкциите ја чуваат својата основна карактеристика: нефактивност, мотивирана со отсуство на идентификувачка временска референција. Следствено, (а) нивната интерпретација зависи од контекстот и/или од конситуацијата и (б) ги „читаме“ како зависни од неостварениот на површината на текстот волиционален предикат, којшто конвенционално можеме да го запишеме како ‘сака’» [Тополињска 2000: 125].

посебен осврт на македонските *да*-конструкции» [Субјунктив 2014], где освещаются особенности зависимого и независимого типов ДАК как в македонском, так и в других балканских языках.

На наш взгляд, введение понятия «конъюнктив» может иметь практическую пользу для функционального и семантического описания ДАК. Оно наделяет ДАК равноправным статусом с формами условного и повелительного наклонений, с которыми ДАК делят пространство ирреальных значений. Анализ дистрибуции этих значений между наклонениями может быть использован в типологических исследованиях, которые изучают, как кластеризируются ирреальные значения, а также устройство функционального пространства ирреальных наклонений. По словам Н. Р. Добрушиной, типологической задачей является «выделение типичных групп контекстов, выражаемых одной формой, какие контексты можно считать связанными, и, шире, чем мотивируется употребление наклонения в том или ином контексте», а важной задачей описания отдельных языков является создание «более детального перечня контекстов ирреальных наклонений и объяснение механизмов выбора формы в каждом конкретном контексте» [Добрушина 2016: 11].

1.3.2. Сербский язык

Проблему статуса ДАК в сербском языке нельзя назвать актуальной и дискуссионной. Все известные нам работы рассматривают ДАК исключительно как синтаксическую конструкцию, которая функционирует в языке как факультативная альтернатива инфинитиву, и *да* присваивается статус союза. Как частицу *да* описывают в конструкциях с императивным значением [РСХКЈ Т.1 1967: 608; Толстой 1982:78; РСЈ 2011: 228], в некоторых грамматиках *да* в повелительных конструкциях может непоследовательно определяться как союз [СССЈ 2005: 285]. Не проводится разделение ДАК на зависимый и независимый типы, однако мы будем использовать его в нашей работе для унификации терминологии. Зависимыми ДАК в сербском мы будем называть те конструкции, которые используются в составных глагольных сказуемых, прежде всего, с фазовыми и модальными предикатами, а также с глаголами способности, желания, намерения осуществить действие, привычки, результативности (*хтети, желети, планирати, спремати се, успети, навићи, трудити се* и т.д.), независимыми – неподчиненные ДАК.

ДАК в сербском определяются как синтаксический аналог инфинитива, и часто дискуссии о чередовании ДАК / инфинитива сводятся к стилистическим

рекомендациям, какую из двух форм лучше использовать в том или ином случае, некоторые аспекты были освещены в п. 1.2.2.

Примечание: В [СССЈ 2005: 325-328] С. Танасић пишет, что выбор между двумя факультативными вариантами зависит от подчиняющей лексемы. Например, инфинитив следует предпочесть в составном глагольном сказуемом после модальных глаголов *моћи* «мочь», *мети* «сметь», *требати* «нужно», *морати* «должен» и др., напр. *Могли сте се јавити* «Вы могли позвонить»; *Тако је морало бити* «Так должно было быть»; после безличных глаголов и предикативов, напр. *Лако је бити напредно паметан* «Легко быть умным задним числом». Отдельное внимание посвящено употреблению ДАК и инфинитива после модального глагола *требати*, в котором употребление инфинитива обуславливает обобщенно-личное значение: *Треба живети у миру са суседима* «Нужно жить в мире с соседями», также см. [Танасић 1995/1996]. ДАК следует использовать в ситуации двух последовательных инфинитивных форм: *Може да ћу морати одустати / да одустанем* «Может быть, мне придется отступить». Автор отмечает, что все описания, как избегать «нагромождения» одинаковых конструкций, имеют лишь статус рекомендаций. В статье М. Стевановића [1953] последовательно доказывается, что между ДАК и инфинитивом нет никаких различий в плане модальности и современные авторы чередуют обе формы без особых предпочтений или стилистических различий. Между тем, не отрицается и наличие закономерностей употребления той или иной формы по регионам новоштокавского диалектного пространства: «Преимущественное употребление инфинитива растет по мере продвижения с востока на запад территории языкового континуума, при этом немало прекрасных примеров использования инфинитива можно встретить в произведениях лучших представителей межвоенного белградского стиля и более поздних авторов, или таких как Слободан Ђованович, Милош Джурич, Радован Самарджич»⁴⁵ [СССЈ 2005: 329].

Независимый тип ДАК не рассматривается как цельная единица с определенным набором нефактивных значений (в отличие от трактовки соответствующей конструкции в трудах болгаристов и македонистов). Модальные значения присваиваются временным формам глагола в сочетании с частицами⁴⁶ [Танасић 1996: 166]. Значение интерпретируется как транспозиция презенса или перфекта в сферу императива, а не как значение единого комплекса элемента *да* и финитного глагола. Поэтому в нормативной грамматике встречается такое нетривиальное понятие как «императивный перфект» для конструкций строгого повеления типа *Да се ниси макао! Сместа да си дошао!* «Чтоб не двигался! Живо иди сюда!» [НГ 2014: 402-403]. Иной подход к интерпретации значения *да+Vfin* объясняет, почему не используется термин «независимая ДАК».

⁴⁵ «Учесталост употребе инфинитива расте идући од источног ка западном делу српског говорног простора, али се доста лепих примера употребе инфинитива може наћи код најбољих представника међуратног београдског стила, па и касније, нпр. у делима Слободана Јовановића, Милоша Ђурића, Радована Самарџића».

⁴⁶ Ср. цитату «презент је склон ка модалном транспонувању» [СССЈ 2005: 385]

Конъюнктивная природа балканского *да* из $\dot{\nu}\alpha$ -сферы (в отличие от изъяснительного союза *да*, проанализированном в п. 1.1) и его использование как маркера грамматических значений из семантической зоны нефактивности отмечается И. Грицкат, однако термин *конъюнктив* она считает неподходящим, поскольку он связан со структурами иностранных языковых систем. У автора не вызывает сомнений союзная природа балканского *да* во всех позициях: «Слово *да* целиком принадлежит кругу союзов (как и *ако*), если учитывать критерии, которые выявляют его союзный характер: **свободное положение по отношению к глаголу и необязательность повторения** [выделение мое, Н.К.] в случае сочиненных предикаций. (...) Все упомянутые перифразы и конструкции можно назвать неиндикативными, если это соответствует их значению – так мы их называем и в нашей работе. А термин ‘конъюнктив’ вызывает ассоциации с формами глагола, имеющими морфологические показатели»⁴⁷ [Грицкат 1975: 206]. В работе автора намечается необходимость в описании союзных функций балканского *да* и семантического своеобразия вводимых им ситуаций, которое отличается от изъяснительного *да* по своей природе и структуре.

На особую семантику ситуаций, вводимых балканским союзом *да*, обратил внимание В. П. Гудков [1971]. Его внимание привлекли примеры, в которых *да* в сочетании с презенсом маркирует «близкое к реализации, но нереализованное действие»: *Јанко да искочи из коже, али начелна учтивост не да му да брутално одбије професора.* (Л. Лазаревић). «Янко чуть не позеленел от злости, но природная вежливость не позволила ему отказать преподавателю». *Најгоре је пазарним даном. Коњи, говеда и ситна стока да ноге полове од страха.* (И. Андрић). «Хуже всего в базарный день. Кони, крупная и мелкая скотина чуть ноги не ломают от страха» [Там же: 148]. Если в данной конструкции встречается перфект или редко – аорист, то семантика ситуации мало чем отличается от презентных. В. П. Гудков отмечает нейтрализацию противопоставления настоящего и прошедшего времен с доминированием презенса, темпоральная характеристика предикации определяется из контекста. Также следует обратить внимание на возможность употребления презенса совершенного вида после *да* (на это указывала и И. Грицкат в придаточных следствия [1975: 200]). Конструкции с *да* передают близость к осуществлению действия, которое может объективно случиться или же служить воображаемым следствием, не имеющим

⁴⁷ «Реч *да* у потпуности припада кругу везника (као и *ако*), уколико се задрже критериуми, по којима се везничка природа огледа у могућностима слободног положаја према глаголу и непонављања испред сваког глагола у случају вишеструке предикације. (...) Целе те перифразе или конструкције могу се називати неиндикативним, ако су по свом значењу заиста такве – како их и ми називамо у овим студијама. Конјунктив, међутим, као назив изазива претставу о морфолошкој јединици».

под собой референтной ситуации. Автор говорит о лакуне в функциональном описании такого типа нефактивных конструкций с *да* и приходит к выводу, что их особенности «приводят к мысли о возможных коррективах в описании системы наклонений сербохорватского языка» [Там же: 149].

Похожее значение выделяется в конструкциях с союзными элементами *таман да* и *умало да*:

а) Марко врати пиштољ у џеп, загри жену и **таман да пођу** кад зачу Мустафин претећи глас... (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Марко вернул пистолет в карман, обнял жену и только они собрались пойти, как вдруг услышали угрожающий голос Мустафы...*

б) Па где сте, оче?! **Умало** млада **да** ми побегне! (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Где же вы, отче?! У меня чуть невеста не сбежала!*

Можно предположить, что в сербском балканское *да* также «занимает» позиции, которые характерны для введения нефактивных ситуаций. Эти случаи мало описаны и требуют дальнейшего исследования.

Глава 2. Зависимый и независимый типы ДАК. Условность синтаксической классификации

Разделение ДАК на зависимый и независимый типы восходит к уже упомянутым работам Ю. С. Маслова по болгарскому глаголу. Независимая ДАК занимает позицию самостоятельного глагольного сказуемого, в зависимый тип автор⁴⁸ включал:

а) ДАК в составном глагольном сказуемом при кореферентном субъекте матричного глагола и глагола в составе конструкции; в качестве матричного могут выступать большинство модальных и фазовых глаголов. Напр. болг. *мога да дойда* «я могу прийти» и *искам да чета* «я хочу читать»;

б) ДАК в функции разных членов предложений:

- подлежащего (болг. *да говоря тук е мое право* «говорить здесь – мое право»);

- прямого дополнения (болг. *искам да дойдеш* «я хочу, чтобы ты пришел», субъекты не кореферентны);

- определения (болг. *твоята способност да работиш учудва всички* «твоя способность работать (работоспособность) всех удивляет»);

- предикативного определения, соотнесенного с дополнением (болг. *често дядо Кола я виждаше да плаче* «часто дедушка К. видел ее плачущей / что она плачет»);

- обстоятельства (болг. *заболяха краката да ходя* «у меня заболели ноги ходить / от ходьбы»).

Классификация отличается от традиционного описания в болгарских грамматиках, где случаи из пункта (б) рассматриваются как придаточные предложения с союзом *да*, но не как ДАК или форма конъюнктива. Маслов уточняет, что формально и составное глагольное сказуемое представляет собой сложноподчиненное предложение: пример с кореферентным субъектом *искам да чета* «я хочу читать» следует дословно переводить как «я хочу, чтобы я читал» по модели примеров, где субъект будет некорреферентным и второе подлежащее можно восстановить ср. *искам да дойде = искам Стоян да дойде* «я хочу, чтобы он пришел = я хочу, чтобы Стоян пришел» [Маслов 1981: 289]. Финитность как важнейшее свойство ДАК, то есть выражение категорий лица и числа, делает ее **адаптивной** к самым разным синтаксическим позициям в балканославянских языках, что усложняет определение границ составного глагольного сказуемого или выявление отличий между ДАК и

⁴⁸ Болгарские примеры цитируются по [Маслов 1981: 288-290].

подчинительным союзом *да*, см. подробнее в [Иванова, Градинарова 2015: 104-115, 262-267].

Финитность ДАК также обеспечивает ей достаточную **автономность**. Без широкого контекста порой затруднительно определить, является ли ДАК зависимой или независимой, поскольку оба типа имеют одинаковые морфосинтаксические признаки в предложении. Ср. несколько македонских примеров:

30) Флорина (сама): (...) Навечер, кога е убаво времето и ѕвездите се огледуваат во езерото, така ме **привлекува** водата... **Да влезам** во неа... **Да одам, да одам**... До ѕвездите. Во најдлабоките длабочини. (И. Точко «Плуту»). *Флорина (одна): (...) Вечером, когда погода хорошая и звезды отражаются в озере, вода так и манит меня... Войти (или: чтобы я вошла / Я войду в нее) в нее... Идти, идти (или: Пойду, пойду)... До звезд. В глубины глубин.*

31) Михајло Горачинов се мачи да објасни дека **треба да го знаеме** и грчкиот јазик, зашто судбината нè одредила да живееме заједно со Грците. (...) Ова е наша заедничка борба, вели Горачинов, и омразата **да ја исфрлиме** од нашето сеќавањето. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Михаило Горачинов старался всеми силами объяснить, что мы должны знать и греческий язык, потому что судьба определила нам жить вместе с греками. (...) Это наша общая борьба, говорит Горачинов, и ненависть мы должны стереть (или: давайте сотрём) из нашей памяти.*

32) – Аман, бре жено! Што ме извика? – Глушец во спалната! Што **мислиш да превземеш?** – **Да го оставиме** да се насбие! Греота е да го будиме. (Пусто турско⁴⁹, НМ, 07.11.15 – см. в Приложении). – *Что за крик, прекрати! Зачем ты меня позвала? – В спальнемышь! Что думаешь делать? – Дать (или: Давай дадим) ей выспаться! Грех ее будить.*

33) Не, Бојан се сиросува само пред неа, пред другите стружанки е ѓавол над ѓаволите, а Мане, кутриот, секогаш си е премален, зајаден, престашен мравка да н' згази. Барем **да беше збеснатик, пијаница, женкар, да тепаше, да пцуеше, да беше забест** и лимонтабиетлија и турилеќа, **да ја врзуваше** со девичин-појас дури е на пат, **да ѝ се закануваше** со пиштоли, ножови, отрови, бесилки, давења! **Да беше**, полесно **ќе ѝ минеа** дните. (В. Малески «Разбој»). *Нет, Боян только с ней такой кроткий, с другими стружанками он еще тот черт, а Мане, бедный,*

⁴⁹ Все примеры из рубрики «Пусто турско» газеты «Нова Македонија» см. в Приложении в виде иллюстраций.

всегда жалкий, забитый, боится и муравья раздавить. Был бы он хотя бы злющим зверем, пьяницей, волокитой, если бы бил, ругал почем зря, был бы он жестоким, мрачным и скорым на расправу, если бы он принуждал носить пояс верности, пока он в дороге, если бы угрожал ей пушкой, ножом, отравой, петлей удушить! Если бы это было так, легче бы жилось.

В первых трех примерах ДАК определяется как независимая, ее значение можно трактовать как повелительное (1 л. ед.ч. в императивной ДАК в пр. 30 – маркированное значение намерения, см. п. 3.2.1.4.1). Следовательно, она будет иметь иллюкутивную силу, законченный интонационный рисунок, особенно характерный для экскламативной просодии в пр. 32, что делает ДАК самостоятельным высказыванием⁵⁰. Однако, если расширенный контекст не указывает на наличие побудительности, то ДАК можно отнести к зависимой от матричного глагола, который может быть восстановлен из предыдущего предложения, пр. 31: **треба да го знаеме јазикот → треба да ја исфрлиме** омразата. При этом ДАК не будет иметь модальной или временной характеристики, этими признаками обладает матричный глагол. Эллипсис главной части, к которой присоединяется ДАК, часто может быть восстановлен на основании реплики-стимула в диалоговом типе коммуникации, как показано в пр. 32: – Што **мислиш** да превземеш? – [**Мислам**] да **оставиме** да се насипие!

В примере 33 ДАК из ряда **барем да беше збеснатик...** имеют все признаки независимой предикации, что подчеркнуто выраженной восклицательной интонацией. Автор пересказывает мысли героини. ДАК при первом прочтении трактуется как оптативная (форма имперфекта указывает на невозможность реализации желаемой ситуации с точки зрения говорящего, имеет место контрфактивный оптатив, см. п. 4.2), также присутствует оптативный маркер **барем** «хотя бы», обозначающий единственное желание говорящего, осуществление которого важнее всех остальных желаний. Однако в следующем предложении протазис **да беше** недвусмысленно показывает свою связь с оптативными ДАК, которые трансформируются в его парцелированную часть и становятся условными конструкциями.

Примечание: М.Л. Котин, разрабатывая проблему статуса автономного предложения желательного условия, пишет, что восклицательная интонация не совместима с подчинительной

⁵⁰ Согласно [Тестелец 2001: 238] независимым называется такое предложение, которое не является составляющим никакого другого предложения. Оно обязательно выражает законченную интонацию, что является одним из средств выражения модальности, может быть употреблено в нулевом окружении (или абсолютной позиции), а также обладает коммуникативной автономностью [Арутюнова 1969:39], цит. по [Тестелец 2001: 238].

позицией предикации, поскольку «восклицательная просодика представляет собой внешний маркер иллокутивной силы, а последняя всегда самостоятельна и независима по своей сути» [Котин 2017:122]. Мы согласимся с данным утверждением, которое применимо и к пр. 33. Подобные примеры показывают, как зыбка граница между независимыми оптативными ДАК и употреблением *да + V_{fin}* (формально не причисляющихся к ДАК) в реальном и ирреальном условном периоде в македонском языке, см. п. 4.3).

В сербском примере 34 видно, как несколько функционально однородных ДАК, будучи формально зависимыми от одного матричного глагола **хтети**, легко отделяются и благодаря своей автономности, как бусины, «нанизываются» друг за другом в последующих предложениях, образуя их предикативный центр.

34) А она **је хтела да буде** богата. **Да** и она, као све, прве, најбогатије девојке у њеном селу, **пође** на сабор. У волујским колима, покривеним лепим ћилимом, а она у колима, око ње, умешене пите, банице, она обучена у новој, везеној фути, с парама на прсима... Па тако шарено, лепо, **да оде** на сабор, па **да** тамо **игра, игра...** Па чак, као што се сад ради, **да купи** кишобран и **да** га у колу **отвори**. И, **да** држећи га отворена више главе, **игра** а „паре“ **да** јој **звечкају** на прсима, везена фута око ње **да се шири** и **крши**, а високе, на „копче“ ципеле **да** јој **шкрипе**. То **је** она **хтела**. (Б. Станковић «Божји људи»). *А она хотела быть богатой. Чтобы и она, как все первые самые богатые девушки в ее селе, поехала на праздник. На воловьей упряжке, а она в повозке, покрытой прекрасным ковром, рядом питы и баницы, а на ней новый вышитый фартук, монисто на груди... И вот такой красивой, сияющей пойти на праздник и там танцевать, танцевать... И даже купить зонтик, как сейчас модно, и открыть, пока пляшешь коло. И, держа его над головой, танцевать, а «монетки» бы позвякивали на груди, вышитый фартук кружился бы вокруг нее, а высокие на крючочках башмачки поскрипывали бы. Этого она хотела.*

Матричный предикат задает желательный модус для описания целой ситуации, но семантика ДАК имеет в себе оптативный компонент, который позволяет ей поддерживать этот модус на протяжении целого абзаца без дублирования глагола **хтети**. Использование инфинитива в предикатах кореферентного субъекта с матричным глаголом **хтети** нарушило бы стилистическую целостность абзаца, поскольку инфинитив не обладает такой степенью автономности, как ДАК.

Синтаксический параметр подчиненности оказывается весьма условным в целом ряде переходных случаев, когда тип ДАК определяет единственно интонационный

рисунок высказывания и прагматический контекст, которого тоже не всегда достаточно. Описанная проблема не имеет разработанного теоретического и функционального решения в македонистике, поскольку преобладает точка зрения объяснять существование независимых типов ДАК (конъюнктива) через эллипсис главной части/матричного глагола, от которых они зависят (см. п. 1.3.1).

В работе будут рассматриваться независимые ДАК в функции сказуемого, вне фокуса исследования останется ДАК в позиции подлежащего. Она выполняет номинативную функцию⁵¹ и прототипически наиболее близка к типу, который Маслов называл «инфинитивным» [Маслов 1962: 4]. ДАК в функции подлежащего широко используется в македонском языке и значительно реже – в сербском, поскольку в его системе сохранился инфинитив:

35) Но **да се довериш** не е лесно. (Б. Конески «Лозје»). *Довериться нелегко.*

36) **Да не го дадам** својот глас, тоа ми изгледа како пристојна тивка одмазда на бучавата која ми ја приредија. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Не отдать свой голос, это скорее похоже на тихую месть в ответ на то безобразие, что они мне устроили.*

37) **Да си голем** значи да си скромен. (Т. Османли «Каприча»). *Быть великим значит быть скромным.*

38) **Да имаш** да јадеш и да пиеш уште не значи дека живееш. (Б. Смаќоски «Корениште»). *Иметь что поест и что попить – это еще не значит, что ты живешь.*

39) **Да се сака** својата земја не е политика. (И. Точко «Плуту»). *Любить свою страну – это не политика.*

ДАК в функции подлежащего⁵² встречается в моделях предложения, которые подразумевают квалификацию ситуации (пр. 36, 39), описание ее свойства (пр. 35). Если одно действие или состояние определяются через другое, то в качестве сказуемого тоже может выступать ДАК (пр. 37). Глагол в ее составе обычно имеет форму 2 лица (обобщенно-личное *ты*) или безличную форму 3 л. ед. ч. с частицей *се*, которая

⁵¹ В русском языке подобная функция инфинитива обозначена как «пропозициональное подлежащее в полипредикативном предложении, содержащем оценку названного инфинитивом действия: *Смеяться – не ум являть, а белы зубы казать. В. Даль*» [Золотова и др. 2004: 139].

⁵² В болгаристике ДАК определяется как подлежащее в связочном предложении, когда именной компонент не имеет артикля, следовательно, он может выступать в предикативной позиции, ср. *Лошо е да имаш в къштата си чужд човек* «Плохо иметь в доме чужого человека»; если он определен, то он занимает позицию подлежащего, ср. *Важното е да закусвате сутрин*. «Важно завтракать каждое утро» [ГСБКЕ Т.3 1983: 328], подробнее см. [Иванова, Градинарова 2015: 259].

представляет действие без связи с определенным исполнителем. Примечательно, что, перенимая инфинитивные функции в предложении, македонская финитная ДАК должна следовать «стратегии безличности» в позиции подлежащего, называя «имя действия» для его последующей квалификации. Для дальнейшего исследования оставлен и вопрос соотношения подлежащих ДАК и глагольных существительных на *-ње*, которые также обозначают «имя действия» и имеют чрезвычайно широкий функциональный спектр в македонском языке.

В сербском языке согласно [СССЈ 2005: 324] позиция подлежащего свойственна именно инфинитиву, и ДАК не может его занимать: *Доћи на посао на време, значило је да имаш осећај одговорности* «Приходить на работу вовремя значило иметь чувство ответственности». *Писати лепу поезију, то не може свако* «Писать прекрасную поэзию – это не каждый может». *Писати писма пријатељима, данас није у моди* «Писать письма друзьям сейчас не в моде», примеры из [Там же: 473].

Также не будут рассматриваться формально независимые ДАК в составе обценных выражений, выполняющих междометную функцию в двух исследуемых языках.

Разделение ДАК на независимый и зависимый тип, хоть и имеет очевидные несовершенства, является необходимым рабочим инструментом при описании многочисленных функций и значений ДАК и в македонском, и в сербском языке. Принимая во внимание опыт описания семантики условного наклонения в русском языке в работе Н. Р. Добрушиной [2016], мы следуем решению не искать инвариантное значение и единые закономерности выбора формы для всего спектра функционирования *да + V_{fin}*, но отделить ДАК в независимой позиции от зависимой ДАК и союзных употреблений *да*. Фокус нашего исследования направлен на изучение независимых ДАК, поскольку их употребление чаще всего мотивировано семантикой ситуации; зависимые ДАК и круг союзных функций элемента *да* имеет характер синтаксических употреблений, которые мотивированы внешними факторами, такими как характер связи между главным и зависимым частями предложения или семантикой матричного предиката.

Глава 3. Независимая ДАК. Императивное значение

3.1. Семантика императива

Типологические исследования [Храковский 1992; Храковский, Володин 2001; Aikhenvald 2010; Гусев 2013] показывают, что семантическая категория императивности представлена во всех описанных языках мира (в отдельных случаях может отсутствовать специализированная форма для выражения императивного значения как основного).

Формальными характеристиками императивного предложения исследователи называют отсутствие подлежащего (опускается субъектное местоимение), особый порядок слов и интонацию, которая часто служит единственным показателем императива [Храковский, Володин 2001: 7]. Коммуникативная специфика побудительных высказываний состоит в том, что они выполняют языковую функцию апелляции и, по сути, не требуют ответного речевого действия.

В качестве рабочего определения семантики императива мы принимаем следующую формулировку: «говорящий сам фактом своего высказывания пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [Гусев 2013: 21]. То есть высказывание считается императивным, если оно содержит попытку каузации говорящим какого-либо действия. Под **каузацией** обычно понимают импульс со стороны говорящего к совершению или прекращению действия или изменению состояния. Императивная ситуация⁵³ включает в себе деятельность говорящего, направленную на изменение действительности [Бондарко 1990: 80].

Необходимым семантическим компонентом императива является **контроль** говорящего над действием, названным в повелении: «X (который не обязательно является субъектом действия) контролирует действие P, если в конкретной ситуации для того, чтобы действие совершилось, достаточно желания X-а» [Гусев 2013: 25]. Контролируемость ситуации отражает представление говорящего о том, насколько реализация искомого действия зависит от его воли [Добрушина 2001б], что приводит к ограничениям на образование как синтетических, так аналитических императивных форм от глаголов, в семантике которых заложено описание неконтролируемой

⁵³ Императивной ситуацией А. В. Бондарко называет структуру высказывания, которая содержит следующие элементы: 1) субъект волеизъявления (С1); 2) субъект-исполнитель (С2); 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от С1 и обращенного к С2 [Бондарко 1990: 80].

ситуации; ср. серб. *разболети се* «заболеть», *побледети* «побледнеть», *свиђати се* «нравиться», *моћи* «мочь», *гадити се* «чувствовать отвращение» и т.д., примеры из [Tanasić 1984: 20, НГ 2014: 405]. Похожий круг глаголов выделяется и в македонском языке.

Также в семантику императива входит и **желание/стремление говорящего**, чтобы каузируемое действие было совершено. Это значение не является обязательным (существует множество примеров, когда в повеление не вовлечена личная мотивация говорящего), но естественным и частотным в повелительном высказывании. Компонент желания/стремления во многом объясняет полисемию императивных форм и их возможность выражать оптативные значения [Гусев 2013: 31].

Семантика императива непосредственно связана с вопросом о составе императивной парадигмы, который является дискуссионным и решается исследователями в зависимости от исходной предпосылки, кто может быть исполнителем каузируемого действия: только слушающий (2 Sg и 2 Pl) или также говорящий (1 Sg и 1 Pl) и лица, не участвующие в речевом акте (3 Sg и 3 Pl). Подробное описание проблемы дано в [Бирюлин, Храковский 1992: 7-9; Храковский, Володин 2001: 13-16; Aikhenvald 2010: 75-77; Гусев 2013: 26-30]. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения, что в императивную парадигму могут входить все лично-числовые комбинации: исполнителем искомого действия может являться не только слушающий, но и говорящий, а также третье лицо, к которому направлено опосредованное повеление. Ниже приводится императивная иерархия из работы В. Ю. Гусева, в основании которой лежит семантика императивных значений лично-числовых форм, расположенных согласно их способности выражать прямую или опосредованную каузацию:

2Sg → 2Pl → 1Pl.incl → 3 → 1Sg/1Pl.excl

где 2Sg – прямая каузация; 2Pl – сочетание прямой каузации слушающего с опосредованной каузацией третьих лиц либо прямая каузация нескольких слушающих; 1Pl – обязательное сочетание прямой каузации слушающего/слушающих с опосредованной каузацией самого себя; 3-е лицо – опосредованная каузация третьих лиц; 1 Sg/1Pl.excl – опосредованная каузация самого себя/самого себя и других лиц, но не адресата [Гусев 2013: 54-55]. Развернутая семантическая карта лично-числовой парадигмы императива представлена в статье [Ван дер Аувера и др. 2004].

В работах, которые рассматривают функционально-семантическое описание категории побудительности, уделяется большое внимание частным интерпретациям значения повеления, напр. на материале славянских языков [Fortuin 2000, Изотов 2005, Маслова 2008, Чакърова 2009, Стешевич 2015]. Наиболее цитируемой является классификация, предложенная в типологическом исследовании В. С. Храковским и А. П. Володиным [2001: 137]. В ней выделяются следующие семантические интерпретации: приказ, просьба, инструкция, предложение, разрешение, совет. Классификация основана на отношениях между участниками речевого акта и их отношении к каузируемому действию, что показано в трех бинарных признаках:

А — импульс каузации:

- А1 — импульс каузации исходит от говорящего,
- А2 — импульс каузации исходит от слушающего.

Б — заинтересованность:

- Б1 — исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего,
- Б2 — исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего.

В — субординация:

- В1 — говорящий ставит себя выше слушающего,
- В2 — говорящий ставит себя не выше слушающего.

Таблица 4. Классификация частных интерпретаций императивных значений

Классификационные признаки и их значения						Частные семантические интерпретации императивного значения
импульс каузации		заинтересованность		субординация		
А1		Б1		В1		Приказ
А1		Б1			В2	Просьба
А1			Б2	В1		Инструкция
А1			Б2		В2	Предложение
	А2		Б2	В1		Разрешение
	А2		Б2		В2	Совет
	А2	Б1		В1		-
	А2	Б1			В2	-

Два последних сочетания признаков, по мнению авторов, семантически нерелевантны. В соответствии с классификацией приведем следующие примеры императивной независимой ДАК в спектре частных интерпретаций ее семантики:

Приказ: а) «Не ме интересира», рече таткото. «Нема станување пред да го изедеш лепчето. А Борче ти да си го дојадеш колбасот», му заповеда на другиот син. (Р. Бужаровска «Осмица»). «Ничего не хочу знать», сказал отец. «Ты не выйдешь из-за стола, пока не съешь хлеб. А ты, Борче, доешь колбасу» - приказал он второму сыну.

б) Ђока: Боље, немојте читати даље. Капетан: Ти да **ћутиш**, јеси ли чуо! (Б. Нушић «Сумњиво лице»). *Ђока: Лучше не читайте дальше. Капитан: А ты молчи, слышишь!*

Просьба: а) «Само те молам – ѝ велама, – овој пат сакам навистина да бидеме сами. Без друштво. **Ајде еднаш да се одмориме** како што треба. И **да тргнеме порано**, да не нè фати жегата» (В. Петрушевски-Фили «Викенд во Охрид»). *«Только пожалуйста, – говорю ей, – в этот раз я правда хочу побыть вдвоем. Без компании. Давай хоть раз отдохнем, как полагается. И поедем пораньше, чтобы избежать жары».*

б) Криви Лука: Је ли, браћо, има ли места у том вашем Захтеву и за нас? **Да нас бар поменете**, реда ради. (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Кривой Лука: Есть ли, братья, место и для нас в том вашем Документе? Вы уж нас хоть упомяните, для порядку.*

Инструкција: а) **Да се протресе!** (инструкција на бутылке јогурта, македонски). *Взболтать!*

б) **Promućkati!** (инструкција на бутылке јогурта, сербски⁵⁴). *Взболтать!*

Предложение: а) – **Ајде**, Злато, малку **да се бањаме** – предлагам, со единственна цел: да ги поправиме нашите сериозно нарушени меѓучовечки односи. (В. Петрушевски-Фили «Викенд во Охрид»). – *Давай, Золотко, немного искупаемся, – предлагаю я с единственной целью: улучшить наши серьезно пострадавшие межчеловеческие отношения.*

б) Лука: (...) Неко вече, јави ми се један мој пријател, исто пензионисани полицајац, и каже ми: «**Ајде**, Лука, **да прошегамо**. **Да**

⁵⁴ Помимо форм синтетического императива в инструктивных и рекомендательных типах текста в сербском языке преимущественно используется инфинитив [СССЈ 2005: 1027, Фекете 2008: 523]. Безличная ДАК, характерная для этих контекстов в македонском, не встретилась нам в сербских примерах.

изведемо пиштоље у шетњу». (Д. Ковачевић «Професионалац»). Лука: (...) Одним вечером звонит мне мой друг, тоже полицейский на пенсии, и говорит мне: «Давай, Лука, пройдемся. Выгуляем пистолеты».

Разрешение: а) Фала YuGa, а мене ме тераа да пијам кафе. Да не се давам? YuGa:

Да не се даваш. (Форум milenko, запись 12.12.10). *Спасибо YuGa, а меня заставляли пить кофе. Не поддаваться? YuGa: Не поддавайся.*

б) — Стриче, да однесем крави напој, а? — **Однеси**, имењаче, **однеси**. (Б. Ћопић «Раде с Брдара»). – *Дядюшка, мне отнести корове пошло? – Отнеси, тезка, отнеси.*

Совет: а) Доктор: Слушај резултативе ич не ти се добри! Ќе мора да намалиш број

на пијачки... Пациент: А бе, докторе, јас само во друштво пијам, не е тоа многу... Доктор: Е па тогаш **да намалиш** број на пријатели. (Пусто турско, НМ, 21.11.15). *Доктор: Послушай, анализы твои совсем плохи! Ты должен будешь сократить количество алкоголя... Пациент: Но как же, доктор, я пью только в компании, это же немного... Доктор: Ну, тогда сократи количество друзей.*

б) Живка (понавља у себи): Пера Каленић? Право да ти кажем, никад нисам чула да нам је неки Пера Каленић род. Васа: Ни ја, Живка, али он вели: „Ујка-Васо, ми смо род”. Живка: Ама, је л' то род откако сам министарка, или је и раније био? Васа: Никад га раније нисам ни чуо ни видео. Живка: Па добро, ујка-Васо, шта ти хоћеш сад са тим списком? Васа: Па **да их примиш**, Живка. Живка: Кога? Васа: Па фамилију. **Да их примиш** да ти сваки каже своју жељу и **да видимо** шта може да се учини. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Живка (повторяя про себя). Пера Каленич? По правде говоря, я никогда не слыхала, что у нас есть такой родственник – Пера Каленич. Васа. И я не слыхал, Живка, он говорит: «Дядя Васа, мы родственники». Живка. А что, он стал родственником после того, как я стала министершей, или раньше тоже им был? Васа. Я его никогда не слыхал и не видал. Живка. Ладно, дядя Васа, что ты теперь хочешь с этим списком делать? Васа. Хочу, чтобы ты их приняла, Живка. Живка. Кого? Васа. Родню. Ты их применишь, каждый пусть скажет, что ему надо, а мы посмотрим, что можно будет сделать⁵⁵.*

⁵⁵ Перевод дан по Б. Нушич Избранные сочинения: В 4 томах. Т.2. Госпожа министерша; Мистер доллар; Опечаленная родня; Д-р Покойник. Белград: Нолит, 1968. Пер. Е. Берковой.

И в македонском, и в сербском языках существует целый ряд форм и конструкций, специализирующихся на императивном значении (см. пункт 3.2). Как показывают примеры, не все частные интерпретации могут быть выражены независимой ДАК. Например, в подтипе «Инструкция» в сербском частотно использование синтетического императива или инфинитива, ДАК не функционирует в данном типе контекстов, в отличие от македонского, в котором отсутствие инфинитива в глагольной системе делает функционально активной безличную ДАК с глаголом 3 лица с частицей *се*. В подтипе «Разрешение» в двух языках нехарактерно использование независимой ДАК, поскольку прагматика ситуации предполагает реакцию на запрос говорящего и отличается слабой директивностью [Маслова 2008: 71], пермиссивное значение является спецификой форм синтетического императива для 2 лица и конструкций с *нека* для 3 лица в двух языках. Эмпирический материал показывает, что сосуществование разнообразных средств выражения побудительного значения в глагольной системе (синтетических и аналитических) оправдано их функциональной неоднородностью. Некоторые аспекты данной проблемы для сербского языка были рассмотрены в работах [Маслова 1998, 2008; Стешевич 2015], однако авторы анализировали прагматику частных императивных значений, обходя вопрос частотности функционирования той или иной глагольной конструкции в разных типах повелительных контекстов. В задачи настоящей работы не входит исследование дистрибутивных механизмов, которые закрепляют за глагольной конструкцией определенные подтипы императивного значения и блокируют ее использование в других подтипах. На основании нашей выборки примеров можно говорить лишь о некоторых закономерностях функционирования независимой ДАК, при которых она способна иметь те или иные частные семантические интерпретации.

3.2. Система императивных форм и конструкций в македонском и сербском языках

В следующих параграфах будут рассмотрены те свойства сербской и македонской императивных парадигм, которые типологически свойственны большинству языков мира [Бирюлин, Храковский 1992: 29, Гусев 2013: 43] – это формальная неоднородность и дефектность. Парадигмы синтетических форм и аналитических конструкций (в том числе и ДАК) покрывают все типы императивных ситуаций, в

которых исполнителем каузируемого действия может быть не только слушающий, но также лица, не участвующие в речевом акте.

Системы императивных форм и конструкций в сербском и македонском языках разделяют много структурных и функциональных черт. Различия будут обусловлены устройством глагольных систем двух языков, внутри которых формальные показатели разных грамматических форм конкурируют между собой, объединенные общей семантикой (ср. синтетическую форму императива 1 Pl и ДАК 1 Pl в сербском) или общими синтаксическими функциями в предложении (ср. инфинитив / ДАК).

3.2.1. ДАК и формы повелительного наклонения

Специализированные синтетические формы повелительного наклонения образуют дефектную парадигму, которая в македонском языке включает лично-числовые формы 2 Sg и 2 Pl [Конески 2004: 415; Усикова 2003: 210], в сербском языке – 2 Sg, 2 Pl и 1 Pl [Стевановић 1989: 703, НГ 2014: 181] от глаголов несовершенного и совершенного вида. В таблицах 5 и 6 даны парадигмы специализированных императивных форм в македонском и сербском языках на примере глаголов «читать/прочитать»:

Таблица 5. Формообразование синтетического императива в мак. яз., глагол *чита/прочита*

	Sg	Pl
2 л.	чита-ј/прочита-ј	чита-ј-те/прочита-ј-те
Отрицательная форма (НСВ)	не чита-ј / Ø ⁵⁶	не чита-ј-те / Ø

Таблица 6. Формообразование синтетического императива в серб. яз., глагол *читати/прочитати*

	Sg	Pl
1 л.		чита-ј-мо/прочита-ј-мо
2 л.	чита-ј/прочита-ј	чита-ј-те/прочита-ј-те
Отрицательная форма (НСВ)	не чита-ј / Ø	не чита-ј-мо / Ø не читај-те / Ø

Специализированные императивные формы характерны для лично-числовых комбинаций, которые в рамках повелительного речевого акта выражают прямую

⁵⁶ В грамматике для гимназий «Општа граматика на македонскиот јазик» указано, что формы отрицательного повеления типа *не појди* имеют значение угрозы [Бојковска и др. 2008: 195], но такие употребления чрезвычайно редки и скорее в этих случаях можно усмотреть значение обусловленности: *не дојди на ке видиш* «не приди, и увидишь, что будет».

каузацию от говорящего к слушающему (плюс формы «совместного действия»¹ РI), что полностью совпадает с приведенной в п. 3.1. императивной иерархией.

Считается, что аналитические конструкции с частицами *да* и *нека* функционально восполняют лакуны синтетической императивной парадигмы для 1 и 3 лица: «Отсутствие в нашем языке специальных императивных форм для других лиц компенсируется синтаксической конструкцией, которая состоит из сочетания глагола в настоящем времени и элементов *да, нека*: *да дојде, нека влезе, да одиме*»⁵⁷ [Конески 2004: 416-417]. Похожая точка зрения представлена и в грамматике Р.П. Усиковой: «Повелительная, побудительная модальность, относящаяся к 1, 2, 3-му лицу, может быть выражена транспозитивно с помощью форм будущего времени и конструкций с *да*, напр.: *Кажи!* - *Ќе кажеш!* - *Да кажеш!* '*Скажи!* - *Скажешь!* - *Сказать!*'. В 3-ем л. ед.ч. и мн.ч. побуждение выражается аналитическими формами с помощью презенса и частицы *нека*, например: *нека каже, нека кажат*. В этих же случаях возможны и конструкции *да* + презенс в 3 л.» [Усикова 2003: 211]. Инвентарь сербских аналитических конструкций и их структура во многом схожи с македонскими, различия прослеживаются в трактовке статуса *да* и *нека* в императивных высказываниях. В [Стевановић 1989: 704, СССЈ 2005: 386] они определяются как союзы, в [НГ 2014: 181] – как частицы.

Примечание: В грамматике сербского языка для иностранцев П. Мразович в разделе о частицах дается примечательный комментарий о статусе императивно-оптативных ДАК: «В большинстве случаев речь идет о независимом употреблении придаточного изъяснительного с субъюнктором *да*. Однако, поскольку в речевых актах он уже не интерпретируется как субъюнктор, а как частица, которая маркирует значения определенных речевых актов, мы приведем список ее употреблений. Так, например, в речевом акте «желание» выпущен матричный предикат: (*Я желаю*) *тебе хорошо провести время!* или в приказании: (*Я приказываю тебе*) *не двигаться с места!*»⁵⁸. В том же ключе рассматривает это явление Нормативная грамматика [2014: 215]: «Более торжественное пожелание выражается конструкциями с частицей *да* (напр. *Да вам Нова година буде срећнија!* Пусть Новый год будет у вас счастливее!), которая имеет связь с подчинительным союзом *да* и присоединяется к предикату главной части со значением

⁵⁷ «Недостатокот на специјални заповедни форми за другите лица во нашиот јазик се заместува по синтактичен пат со сврзување на соодветните форми за сегашно време со *да, нека*: *да дојде, нека влезе, да одиме*».

⁵⁸ «U stvari u većini slučajeva radi se o samostalno upotrebljenoj dopunskoj rečenici sa subjunktorom *da*. Međutim, pošto se ovaj subjunktor u govornim činovima više se ne oseća kao subjunktor već više kao partikula kojom se izražavaju određeni govorni čini, nabrojane su ovde mogućnosti njene upotrebe. Tako je npr. u govornom činu „želje“ izostavljen upravni glagol: (*Želim*) *da se lepo provedeš!* ili kod zapovesti: (*Zapovedavam ti*) *da se ne mičeš odavde!*». Под субъюнктором автор понимает неизменяемые слова, которые вводят придаточные предложения [Mrazović 2009: 428-429].

желания»⁵⁹. В независимом употреблении ДАК авторы видят функциональное и семантическое перекодирование зависимого предиката в дискурсе (что можно сравнить с понятием «расподчинения» Н. Эванса [Evans 2007: 367]). Сложно согласиться с этой точкой зрения, однако примечательно, как в ней находит выражение тенденция интерпретировать сербскую ДАК как глагольную аналитическую форму, а не как сочетание союза *да* и формы презенса.

Таблица 7. Аналитическая императивно-оптативная конструкция *да + praes* в мак. яз., глагол *чита/прочита*

	Sg	Pl
1 л.	да читам / прочитам	да читаме / прочитаме
2 л.	да читаш / прочиташ	да читате / прочитате
3 л.	да чита / прочита	да читаат / прочитаат
Отрицательная форма	да + не + praes ⁶⁰	

Таблица 8. Аналитическая императивно-оптативная конструкция *да + praes* в серб. яз., глагол *читати/прочитати*

	Sg	Pl
1 л.	да читам / прочитам	да читамо / прочитамо
2 л.	да читаш / прочиташ	да читате / прочитате
3 л.	да чита / прочита	да читају / прочитају
Отрицательная форма	да + не + praes	

Нельзя сказать, что главной функцией аналитических ДАК является «восполнение лакун» дефектной парадигмы специализированных форм, что обычно подчеркивается в грамматиках. Как уже было рассмотрено в п. 1.2., парадигма ДАК характеризуется как полная и гомогенная, что структурно отличает ее от конкурирующих с ней императивных форм и конструкций. Синтетические формы и аналитические конструкции не представляют собой единую неоднородную парадигму повелительного наклонения, скорее две, параллельно сосуществующие и разделяющие между собой функционально-семантическое поле императивности в тех лично-числовых вариантах, где две парадигмы пересекаются.

Зоной пересечения будут формы 2 лица для македонского и формы 2 лица и 1 лица множественного числа для сербского. Сказать, что они обладают высокой степенью синонимии, следовательно, взаимозаменяемы, будет слишком крупным

⁵⁹ «Нешто свечанија оптативност изражава се конструкцијама с речцом *да* (напр. *Да вам Нова година буде срећнија!*) која је постала од везника *да* у сложеним реченицама у којима предикат главног дела значи жељу».

⁶⁰ Подробный структурный и функционально-семантический анализ составных отрицательных императивных конструкций в македонском см. [Бужаровска, Митковска 2014, Иванова 2017], в сербском [Ivić 1958].

обобщением. ДАК и специализированные императивные формы при общем базовом значении узуально употребляются в прагматически разных контекстах, при этом один из конкурирующих показателей может преобладать по частоте употребления над другим. Этот процесс наблюдается в соотношении синтетического императива и ДАК в лично-числовой форме 1 Pl в сербском языке, когда сфера функционирования первого значительно сокращается за счет распространения второго элемента.

3.2.1.1. 2-ое лицо

Формы второго лица отражают наиболее прототипическую императивную ситуацию: исполнителем каузируемого действия является непосредственно слушающий (2 Sg), несколько слушающих (2 Pl) или слушающий и «третьи» лица (2 Pl), не участвующие в речевом акте.

В македонском и сербском в данном лично-числовом домене функционируют два способа выражения императивности: ДАК и синтетические формы повелительного наклонения. Различия в их семантико-прагматических и стилистических свойствах сложно определимы и не имеют устойчивого характера. Тем не менее, поставить знак равенства между двумя формами затруднительно.

С. Танасич, рассматривая два сербских примера *Пази се* и *Да се пазиш* «Будь осторожен», замечает, что повеления не идентичны: «Скажем, если кому-то угрожает непосредственная опасность, его не предупредят фразой *Да се пазиш*. Также не приглашают в кабинет фразой *Да уђете* «Войдите» [перевод – Н.К.]. Любая инструкция будет написана с использованием императивных форм, напр. *Бочицу чувајте на хладном месту* «Бутылочку храните в прохладном месте»⁶¹ [СССЈ 2005: 386]. Две формы во многих контекстах неэквивалентны, и их дистрибуция определяется прагматическими свойствами ситуации повеления (чем более конвенционализирована ситуация, тем вероятнее определить узуальность одной из двух форм в ней).

В работах по македонскому языку отмечается более экспрессивный характер конструкций с *да* по сравнению с формами синтетического императива [Тополинска 2008: 49, Георгиевски 2009: 11] (т.е. ДАК второго лица выступает как маркированный член), ср. точку зрения З. Тополинской: «С появлением новых конструкций перифраза по типу *да + praes* старый «морфологический» императив потерял свою экспрессию,

⁶¹ «Неће се, рецимо, неко коме прети непосредна опасност упозорити реченицом *Да се пазиш*. Исто тако, неће се лице позвати у канцеларију реченицом *Да уђете*. Упутство се у свакој прилици исказује искључиво обликом императива, нпр. *Бочицу чувајте на хладном месту*».

новые конструкции выражают более строгое приказание, запрет и сл»⁶². [Тополињска 2008: 46]; наоборот, в [Бужаровска 1999: 220] повелительной ДАК в македонском приписывается более вежливый регистр приказания. Подобные выводы основаны на языковой интуиции исследователей.

Анализ собранного нами материала показал, что сама по себе ДАК 2 лица в сравнении с синтетическим императивом не имеет более экспрессивную силу и не обозначает строгое повеление. Более того, во многих контекстах они взаимозаменяемы, как будет показано в примерах ниже. Императивная ситуация обычно принадлежит к одному из семантических подтипов, рамки которого задают предпочтительный способ выражения каузации (или равно допускают обе формы). Например, повеление семантического подтипа «Приказ», выраженное аналитической ДАК, действительно, интерпретируется как категоричное и экспрессивное по сравнению с синтетической формой в македонском (40, 41) и в сербском языках (42, 43):

- 40) – Имаме нови резултати од анкетариве, бегу! – Според најновите анкети, народов наш не верува во анкети. – Е, баш фино! Од утре **да си бараш** нова работа! (Пусто турско, НМ, 06.08.15). – *У нас есть новые результаты опросов, бег!* – *Согласно последним данным, наш народ опросам не верит.* – *О, просто замечательно! С завтрашнего дня ищи себе новую работу.*
- 41) Ме пречекаа две криминалки и ми велат: – Ти си таа и таа? – Јас сум, велама. – **Да дојдеш** таму и таму. – Ќе дојдам, – велама, а со умот си мислам друго. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Подошли ко мене две уголовници и говорат: – Така-то така? – Я, – говорю. – Приходи туда-то и туда-то. – Приду, – говорю, а на уме совсем другое.*
- 42) Младен: Па... ето..., луд сам, Васка! (Хоће да побегне). Васка: (примети му намеру, скочи, ухвати га за руку): Гле дивљака! Нећеш! Ту **да седнеш!** (Б. Станковић «Јовча»). *Младен: Ну...вот...я сошел с ума, Васка! (Хочет убежать). Васка (замечает это, вскакивает и хватает его за руку): Вот дикарь! Никуда ты не пойдешь! Сядь тут!*
- 43) Вића (грађанима): Слушајте ви, бре! **Да не причате** по чаршији што овде чујете и видите, јер је ово државна тајна. (Б. Нушић «Сумњиво лице»). *Вича*

⁶² «...со појавувањето на новите перифрастични конструкции од типот *да + praes* стариот «морфолошки» императив загубил нешто од својата експресија - имено, новите конструкции изразуваат покатегорична наредба, забрана, и сл».

(горожанам): Эй, вы, послушайте! Не трепитесь по чаршии о том, что здесь слышите и видите, потому что это государственная тайна.

Каузация **необходимого** по мнению говорящего действия скорее будет маркирована ДАК, чем синтетической формой. На необходимые действия часто указывает тот, кто в иерархических отношениях с собеседником занимает более высокую позицию (будь то отношения командира и его отряда в пр. 44, следователя и подследственного в пр. 45, врача и пациента в пр. 46 или даже жены и мужа в пр. 47). Поэтому во многих контекстах ДАК будут иметь оттенок большей директивности, вне зависимости от того, когда действие будет осуществлено: сразу (45, 46) или через какое-то время (44, 47).

- 44) Командирот имаше обичај да ни рече: – Никогаш **да не** им **оставате** време да се помислат, да се сетат. Сè одненадеж, и сè на препад! Јас сум ви рекол еднаш, а вие **да мислите** – илјадапати. Разбравте? – Разбравме. (П. М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *Командир обычно нам говорил: - Никогда им не оставляйте время на раздумья, чтоб они очухались. Все – мгновенно, и все – врасплох! Я вам сказал один раз, а вы думайте – тысячу раз. Понятно? – Понятно.*
- 45) – Напишете тоа што било, вели и ни подава хартија. Зедовме, напишавме, ама нашата вистина не им се допаѓа. – **Да напишете** дека сте врбувани од ОЗНА, вели Пиракли, нè тера да се сетиме на нешто што не било. (П. М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). – *Напишите о том, что случилось, – говорит он и подает нам бумагу. Мы взяли, написали, но наша правда им не нравится. – Вы напишите, что вас завербовала ОЗНА, – говорит Пиракли, заставляя нас вспоминать то, чего не было.*
- 46) Старикавиот доктор Софрон го обгледа детето а потоа заповеда: «Весници **да донесете!**» «Какви весници?» прашаа и Благуна, и Весела на еден глас, зашто беа изненадени и зашто си мислеа кој видел весник во Струга наша. (В. Малески «Разбој»). *Пожилый доктор Софрон осмотрел ребенка, а потом распорядился: «Принесите газеты!» «Какие газеты?» – с изумлением спросили Благуна и Весела в один голос: кто вообще в нашей Струге газеты видал.*
- 47) Жената на Пецо Хебла го фаќа за рака. Хебла се трга, ама жена му не трза, ко лисици да му ставила. – Пушти ме, морам да идам. (...) Пред да испадне, жената стигнува да го испрати со пораката: – **И да ми ја оставиш** после кошулата на

столот! (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). *Жена Пецо Монтировка хватает его за руку. Монтировка вырывается, но жена вцепилась, как наручники надела. – Пусты меня, я должен идти. (...) Перед уходом его жена успевает сказать ему вслед: – И чтоб мне после оставил рубашку на столе!*

Разница между двумя вариантами особенно примечательна в примере 45, в котором следователь сначала требует от подсудимых написать показания, а потом, неудовлетворенный первым вариантом, с раздражением настаивает на новых показаниях в необходимой ему форме. В первом случае использована синтетическая форма, а во втором повелении употреблена ДАК.

Повеление, обусловленное не столько желанием говорящего, сколько объективной необходимостью совершить каузируемое действие, чаще выражается ДАК, в частности, в контекстах, близких к наставлению, в которых также отражается иерархичность ролей говорящего (обладающего авторитетом) и слушающего. В напутствиях или наставлениях чаще используется ДАК, чем синтетическая форма, как в македонском, так и в сербском языках. В примерах 48, 49, 50 герои провожают в путь своих близких:

48) Два дена пред нашето заминување за Скопје, баба ни рече: – И вујко ви ќе оди со вас. До летото ќе седи во Скопје, јазик ќе учи. **Да** го **чувате**, **да** го **пазите**, еден вујко имате. Што јадете вие и тој нека јаде. Ако ви бара нешто или види да јадете нешто, **да му дадете**... (Л. Димковска «Резервен живот»). *За два дня перед нашим отъездом в Скопье бабушка сказала: – Ваш дядя тоже поедет с вами. До лета он будет в Скопье учить язык. Заботьтесь о нем, берегите его, у вас только один дядя. Что едите вы, пусть и он ест. Если он чего попросит или увидит, что вы что-то едите, дайте ему...*

49) Гаврило: Овај упалач је са коте 550. Кад пропушиш, **да** њиме **палиш**. Ајде! (...) Рајко: Из ове *Мале простонародне песмарице да учиш* солунске другове, а и ти **да се подсећаш** одакле си. Учитель: Очи моје лепе... **Да** нам **пишеш**, **да се јављаш**... **да се вратиш** као велики доктор... **Да помогнеш** овом несрећном народу... (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Гаврило: Это огниво с места 550. Когда начнешь курить, от него прикуривай. Давай! (...) Райко: Из этого Малого сборника народных песен учи солунских товарищей, да и тебе он будет служить напоминанием, откуда ты. Учитель: Очаровательные глазки...*

Пиши нам, давай о себе знать... и возвращайся известным доктором... Помоги этому несчастному народу...

- 50) И онда би се чуло како Магда, пратећи сина, као сваке године, наређује му и поручује: – Па сутра **да не заборавиш** и **да пораниш**, и ти први **да дођеш** на честитање овде. И оно прасенце гледај **да добро уредиш** и **донесеш**, **да не заборавиш!** – Хоћу, нано! – љуби је син у руку. (Б. Станковић «Нечиста крв»). *И как всегда, можно будет слышать, как Магда, провожая сына, наставляет его: - Завтра не забудь, встань пораньше, первым приди сюда с поздравлениями, да смотри как следует приготовь поросенка и аккуратно донеси, смотри, ничего не позабудь! – хорошо, маменька! – ответит тот, целуя матери руку*⁶³.

Исследователи отмечают, что в болгарском языке употребление ДАК во втором лице маркирует более строгое побуждение, результат которого должен быть немедленно воплощен **в ближайшем будущем** (в отличие от действий со свободным временным интервалом исполнения) [Асенова 2002: 183, Ницолова 2008: 411]. В морфологии болгарского языка Р. Ницолова приходит к следующему заключению: «Когда речь идет о побуждении к «близкому» действию, *да*-формы обозначают *строгость*, как следствие нетерпеливого желания говорящего, чтобы действие было совершено немедленно, а также *интимность* – конструкции встречаются только при неофициальном общении, например, родственников или близких людей; иначе они обозначают пренебрежительное или грубое отношение к незнакомому или мало знакомому собеседнику, с которым говорящий должен был бы говорить официально по социалингвистическим нормам»⁶⁴ [Ницолова 2008: 412].

Что касается македонского и сербского, это дистрибутивное правило, опять же, описывает функционирование форм в семантическом подтипе «Приказ». К тому же большой круг контекстов побуждения, требующих немедленной реакции говорящего (в самом ближайшем будущем), выражаются формами синтетического императива:

- 51) (Гога ја засекува Нина со бричот) Нина: **Пази!!!** (Пауза. Двете гледаат во засечената нога). (Ж. Мирчевска «Dies irae»). *(Гога задева Нину бритвой)*
Нина: Осторожней!!! (Пауза. Обе смотрят на порез на ноге).

⁶³ Пер. по изд. Б. Станкович «Дурная кровь». М.: Госиздат, 1961, с. 65-66.

⁶⁴ «Когато става дума за подкана за близко действие, *да*-формите означаваат *строгост*, породена от нетърпеливостта да се извърши по-бързо действието, и *интимност* – те могат да се срещнат само при неофициално фамилиарно общуване в рамките на роднинските и близките отношения или за да се обозначи пренебрежително или грубо отношение към непознат или слабо познат слушател, с когото говорещият би трябвало според социалингвистичните норми да говори официално».

- 52) Нина (почнуваат првите породилни болки): Леле, ми се отцепи стомакот! Оф, ми се откинаа нозете... **помагајте!**... (Ристо, Менка и Верче се растрчуваат) (С. Насев «Чија си»). *Нина (начинаются схватки): Боже, сейчас живот разорвется! Ох, ног не чувствую... помогите!... (Ристо, Менка и Верче суеются).*
- 53) **Пази** ауто! **Пази** змија! (Предупреждающе знаки). *Берегись автомобиля! Берегись, змеи!*
- 54) Ја kukam, а он ќе: **Saberi se**, Andrija, brate. Nisi ti kriv. (В. Pekić «Odbrana i poslednji dani»). *Я причитаю, а он тут: Приди в себя, Андрия, приятель. Ты не виноват.*
- 55) – **Стој!** – службено каже Пантелија и диже руку с дланом окренутим путницима као да им покажује нешто напишено. (Б. Ћопић «На рампи»). – *Стои!* – *официјално говорит Пантелија и поднимает руку, ладонью повернутую к путникам, как будто он им показывает что-то написанное.*

Нет оснований утверждать, что в двух языках независимые ДАК всегда маркируют более экспрессивное (строгое) повеление, чем синтетические формы, поскольку аналитические конструкции второго лица функционируют не только в семантическом подтипе «Приказ» (в рамках которого ДАК, действительно, звучат более категорично) и легко заменяются на повелительные формы, в зависимости от языковых предпочтений говорящего, ср. глагол *јаде* в аналогичных контекстах, где реализуется семантический подтип «Предложение»:

- 56) – Ајде **да јадеш** малку, злато. Еве ти тањирче, имаш и спрајт, – му рече Бети и покрај базенот стави хартиено чиниче и црвена пластична чашка. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). – *Давай, золотко, поешь немного. Вот тебе и тарелочка, и спрайт у тебя есть, – говорит ему Бети и рядом с бассейном ставит бумажную тарелочку и красный пластиковый стакан.*
- 57) – Ајде другарке, **да јадеш**, – баба Мирјана полека ја оставаше хартијата со храна во тревникот, додека Лајка побудалена од радост се вртеше околу неа и ја удираше со опашката по нозете. (С. Младеновска-Ангелков «Единаесет жени»). – *Давай, подружка, поешь, - бабушка Мирьяна неспешно клала лист бумаги с едой на газон, пока Лайка, вне себя от радости, вертелась вокруг нее, задевая ее ноги хвостом.*

- 58) Жената постојано ме нудеше: – **Јади**, чедо, **јади!** Не стеснувај се, ќе навикнеш. (В. Подгорец «Белото циганче»). *Женџина постојано мне предлагала: – Ешь, дите, ешь! Ни в чем себе не отказывай, ты привыкнешь.*
- 59) Касна малку и не му се јадеше. – **Јади**, – му рече баба му. – **Јади** и излези прошетај се ако сакаш. (М. Фотев «Големите Скитачи»). *Он съел немного, и больше не хотелось. – Поешь, - сказала бабушка. – Поешь и пойдй, прогуляйся, если хочешь.*
- 60) Pile mamino, ajde **da jedeš**, mami za ljubav, ako ne budeš jeo mama te neće voleti, biće tužna! («Strah od bliskosti», Danas.rs, 03.04.13). *Цыпленочек мой, давай-ка поешь, за мамину любовь, если не будешь есть, мама тебя не будет любить, ей будет грустно!*
- 61) Стана: (...) А ти, снашке, ово са дедом **да једеш!** Не знаш како је лепо, како је испечено. (*Одлазећи*) **Једи**, снашке. (Б. Станковић «Ташана»). Стана: (...) *А ты, сношенька, поешь это вместе с дедом! Не представляешь, какое вкусно, как испеклось! (Уходя) Ешь, сношенька.*

Представлены лишь некоторые тенденции распределения контекстов между аналитическим и синтетическим способами выражения императивного значения, имеющих между собой много общих черт. Уточнение семантико-прагматических различий между двумя формами требует более детального исследования на объемном и стилистически разнообразном корпусе текстов, и решение этих задач выходит за рамки настоящей работы.

ДАК и синтетический императив не будут взаимозаменяемы в пословицах и поговорках (62, 63), идиоматических выражениях (64, 65) или синтаксических фразеологизмах (66, 67):

- 62) Кај и да си, за Бадник дома **да си**. (Македонска поговорка). *Где бы ты ни был, в Сочельник – будь дома.*
- 63) Два пута **мери**, а трећи **крој**. Жену много не **мази**, него је **припази**. (Сербские пословицы). *Два раза отмерь, третий отрежь. Жену сильно не балуй, лучше присмотри за ней.*
- 64) Иии, како не им е срам, срам да ги јаде, мори Проке; види како се прегрнале како вчерашни младоженци. Лелее, **зини** земјо – **голтни** ме... (С. Попов «Празникот на трудбениците»). – *Ууу, как им не стыдно, пусть сгорят со стыда,*

ох, Прока; посмотри, как обнялись, как будто вчерашние молодожены! Боже, отворись, земля, проглоти меня...

- 65) Mirno doba javne se na tren, kao osećanje sreće koje svetlucne u pojedinačnom životu ljudskom. Pa opet **drž – ne daj, povuci – potegni**. Nema kraja, niti će ga biti. (Politika, 22.10.2000, KSSJ). *Мирное время засияет на миг, как чувство счастья, вспыхнувшее в какой-то одной человеческой жизни. А потом опять телега едет со скрипом, тянем – потянем. Нет конца этому, и никогда не будет.*
- 66) Со години го реформираа здравството па **оди** ти сега **пробай** да се прегледаш без да потрошиш три дена во браќање пријатели и свои луѓе кои ќе те бутнат на преглед пред да доживееш длабока и среќна старост. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Много лет они реформировали систему здравоохранения, поиди теперь попробуй сходить на осмотр, не потратив три дня на обзвон приятелей и «своих» людей, которые тебя вставят в очередь до того, как тебя настигнет глубокая и счастливая старость.*
- 67) Слоган – цел пасос, **оди** па **запамти** го! (С. Мацановски «Трендоленд»). *Слоган – целый абзац, поиди запомни его!*

ДАК в обоих языках не заменяет формы синтетического императива в случаях не прямых употреблений (в независимой позиции). И в македонском [Конески 2004: 418], и в сербском [Стевановић 1989: 708-709, Нормативна граматика 2014: 405] языках синтетические формы используются в повествовательной функции, передавая как последовательную цепь событий в прошлом (68, 69), так и указывая на длительность, повторяемость действия (70). При этом синтетический императив в данной функции может употребляться с местоимением первого или третьего лица:

- 68) Чекал мачорот некој глушец, или стаор да излези денеска, немало; **чекај** утре, немало; **чекај** други ден немало. (пример М. Цепенкова из [Конески 2004: 418]). *Поджидал кот мышь или крысу, когда выйдут сегодня, а нет их.; жди он завтра, нет их; жди еще день, нет их.*
- 69) **Побуни** ти се Србин под Црним Ђорѓием, **скочи** са сваке стране, **потуци** Турке по Шумадији, **попали** им куле и узми градови... (пример из [Стевановић 1989: 708]). *Тут серб подними восстание с Черным Георгием, выскочи со всех сторон, разбей турков по Шумадии, подпали им башни и захвати города...*
- 70) – Некојпат – почна Евто да раскажува, – во турско време, бил некој сиромашен рисјанин. Денеска **јади** грав, утре **јади** грав и му се смачило и

омрзнало на сиромашецот... Еден ден рекол: Ми се здодеа јадејќи грав. Ќе ја менам верата и ќе се потурчам. (В. Николески «Волшебото самарче»). – *Однажды, - начал Это рассказывать, - во времена турков жил один бедный крестьянин. Сегодня ешь фасоль, завтра ешь фасоль, и надоело это бедняку, мочи не было. И вот как-то он сказал: Устал я от этой фасоли. Поменяю веру и стану турком.*

71) **Седи ја, седи и чекај!** (пример из [Стевановић 1989: 709]). *Я сиди, сиди и жди!*

Хотя в грамматических описаниях македонского и сербского языков аналитическая ДАК второго лица представляется как изофункциональная синтетическому императиву форма, она ему не эквивалентна (ср. каузация немедленной реакции адресата), не заменяет его в любых позициях (в идиоматических выражениях, гномическом императиве в пословицах и поговорках, синтаксических фразеологизмах), а также имеет свой круг контекстов, в которых ее употребление будет предпочтительней (строгое приказание, каузация необходимого действия).

3.2.1.2. 1-ое лицо множественное число

Синтетический императив 1 РІ «совместного действия» в сербском не образуется регулярно от всех глагольных лексем, семантика которых допускает повеление, и достаточно редко используется как в устном, так и письменном дискурсе. Эта тенденция была отмечена еще в грамматике [Стевановић 1989: 704]. Тем не менее, существуют контексты, где данные формы все еще активны: «Однако можно сказать, что примеры по типу: *Чекајмо ми овде док се они врате; Седимо још мало* и сл., взятые из разговорного языка, нельзя назвать необычными»⁶⁵ [Там же], но сокращение сферы их употребления налицо. Например, естественное для данной лично-числовой императивной формы значение «предложения» не характерно для разговорной речи: дружеское предложение поехать вряд ли будет звучать как *једимо!*, скорее (*ајде/хајде/ајмо*) *да једемо*, с факультативным добавлением побудительных частиц. По нашим наблюдениям, синтетический императив 1 РІ сохраняет свое употребление **в слабо императивных контекстах декларативного характера**, например, в лозунгах и призывах, в том числе рекламного характера (ср. глагол *будимо*):

⁶⁵ «Па ипак се и поред тога може рећи да примери типа: *Чекајмо ми овде док се они врате; Седимо још мало* и сл. – узети из свакодневног говорног језика, ни по чему нису необични».

- 72) **Kупујмо** домаће! Произведено у Србији. (Баннерная реклама, Белград, 02.2018). *Покупаем отечественные продукты! Сделано в Сербии.*
- 73) **Sačuvajmo** zelenu Zvezdaru! (Баннерная реклама, Белград, 09.2019). *Сохраним зеленую Звездару!*
- 74) Ne otkazujte svoje putovanje, pomerite polazak i **sačuvajmo** turizam zajedno! (Баннерная реклама, 03.2020). Не отменяйте свое путешествие, перенесите отъезд и спасем туризм вместе!
- 75) Jednog dana svi ćemo misliti isto. Tome je najbliže – ne misliti ništa. A to možemo ostvariti već danas. // **Ne kupajmo** se često, **sačuvajmo** individualne mirise i boje. I sapuni su nas uniformisali. (D. Radović «Beograde, dobro jutro 1»). *Однажды мы все будем думать одинаково. Самый легкий путь – не думать вообще! А это можно сделать уже сегодня. // Не будем мыться слишком часто, давайте сохраним индивидуальные запахи и цвета. И мыло тоже лишило нас индивидуальности.*
- 76) Evo nam još jednog jutra i dana. **Počnimo** život ispočetka! (D. Radović «Beograde, dobro jutro 1»). *Вот и еще одно утро и новый день. Начнем жизнь заново!*

Адресат в декларативных императивах не имеет определенного референта, призыв обращен к каждому человеку и одновременно ни к кому конкретно. Поэтому синтетический императив 1 РІ часто встречается в социальной рекламе (для которой как раз характерна импликатура «и вы, и я должны поступать подобным образом»), в политических лозунгах и редко используется в повседневном общении, в отличие от аналитических ДАК 1 РІ. Примеры 75, 76 – отрывки из легендарной радиопередачи (1975-1977 гг.), в которой автор программы Д. Радович по утрам в прямом эфире приветствовал жителей столицы. В его кратких дружеских обращениях многочисленны формулы декларативного императива, которые не содержат явного компонента каузации. Автор избегает использование ДАК, обладающих более очевидной побудительной силой и функционирующих в разговорном регистре, поскольку они нарушили бы лирическую тональность повествования. В переводе на русский в представленных контекстах также неестественно будет звучать добавление побудительного слова «давайте», который обычно употребляется при переводе ДАК 1 РІ «совместного действия».

Слабо императивное и клишированное употребление специализированных форм императива 1 РІ функционирует как сигнал авторской репрезентации в текстах научного стиля и академическом дискурсе [Булыгина, Шмелев 1997: 329]:

- 77) **Узмимо** неке примере. (И. Грцкат «Студије из историје српскохрватског језика»). *Возьмем следующие примеры.*
- 78) **Додајмо** да употребу вокатива често прати и употреба апелативних узвика. (Д. Војводић «О императивним и вокативним типовима каузације у руском и српском језику»). *Добавим, что употребление вокатива часто сопровождается апеллятивными междометиями.*

Однако в текстах публицистического стиля, в которых автор с помощью повелительных форм 1 РІ включает читателей в свою ментальную сферу, предлагая им следовать логике собственных рассуждений (авторское или ораторское «мы» по [Бенвенист 1974: 269]), конкурируют оба типа императива: как синтетический, так и аналитический:

- 79) Na primer, jedan te isti tekst latinicom različito će pročitati: Nemaц, Englez, Francuz, Italijan itd. **Da uzmemo** u obzir slovo "J", koje će Nemaц pročitati kao "J", Englez kao "Dž ", Francuz kao "Ž", Italijan kao "Ѓ" itd. (NIN: Nedeljne informativne novine, 28.02.02, KSSJ). *Например, один и тот же текст латиницей немец, англичанин, француз, итальянец и т.д прочтут по-разному. Возьмем, например, нашу букву "J", немец ее прочитает как «Й», англичанин как «ДЖ», француз как «Ж», итальянец как мягкое «ДЖ» и т.д.*
- 80) S druge strane, **uzmimo** za primer samo domaće dnevne i nedeljne novine i pogledajmo koliko prostora, u procentima, u njima zauzimaju kultura i umetnost... (Ekonomist magazin, br. 135-140, KSSJ). *С другой стороны, возьмем в качестве примера только сербские ежедневные и еженедельные газеты и посмотрим, какой процент в них занимают темы культуры и искусства....*

Призыв к определенному типу поведения выражается синтетическим императивом *будимо*, которые становятся речевыми шаблонами, особенно в языке СМИ:

- 81) Ali **budimo realisti** i **svesni** postojanja dve albanske države, Kosova i Albanije (Politika, 22.03.2008, KSSJ). *Но будем реалистами и будем понимать, что существует два албанских государства, Косово и Албания.*
- 82) Iste te argumente koristi i opozicija koja je, **budimo precizni**, i sama provodila ili glasala za slične poduhvate ranijih vlada. (Ekonomist magazin, brojevi 135-140, KSSJ).

Те же самые аргументы использует и оппозиция, которая, уточним, и сама выступала или голосовала за подобные меры при прежних правительствах.

- 83) Ali, upozorava ona, **budimo pažljivi** sa terminima kao što su «civilizovan» i «human», ne izjednačujmo ih olako sa «dušom» i «srcem». (Kulturni dodatak Politike, 2001, KSSJ). *Но, предупреждает она, будем осторожны с терминами «цивилизованный» и «гуманный», не будем их так легко отождествлять с «душой» и «сердцем».*

Периферийные для императивной семантики контексты остаются в функциональном домене сербской синтетической формы 1 РІ, однако и в них она конкурирует с ДАК, которая встречается в аналогичных позициях (84), и выбор между двумя вариантами определяется языковым предпочтением говорящего:

- 84) (Название статьи) **Да будемо људи**.
„Будимо људи“ речи су које патријарх често изговарао. (Фондација «Пријатељ Божији», prijateljboziji.com, 20.06.20). Будем људьми. «Будем людьми» - слова, которые часто повторял патриарх.

Прагматические и стилистические ограничения, которые встречаются в употреблении синтетической формы 1 РІ, позволяют функционально более свободной ДАК 1 РІ постепенно становиться **главным** способом выражения побуждения к совместному действию, заданного референтно-ролевой структурой лично-числовой формы:

- 85) – Секо, **ајде да певамо** ону нашу песму... Ону...ону...ону... – Коју, Бато? (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). – *Сестренка, давай петь ту нашу песню... Ту...ту...ту... - Какую, Братик?*
- 86) Васа: Ми ту удају не рачунамо. Чеда: Како не рачунате? Васа: Па тако, брате. Играмо, рецимо, ја и ти табланета, је ли? Одиграмо једну партију, а ја ти кажем: знаш шта, Чедо, **ајд’** ову партију **да не рачунамо**, него **да почнемо** испочетка. (Б Нушић «Госпођа министарка»). *Васа: Мы эту свадьбу не считаем. Чеда: Как не считаете? Васа: А вот так, друг мой. Играем, например, я и ты табланет, так? Сыграем одну партию, а я тебе говорю: знаешь что, Чеда, давай-ка эту партию не будем считать, а начнем сначала.*

- 87) Vadim duhan. – **Ajde da zapalimo** po jednu i da tresnemo rđom o zemlju, majka mu stara! Hoćemo li? – Hoćemo – kaže on. (I. Andrić «Prokleta avlija»). — *А ну, давай-ка закурим лучше, да и стряхнем кручину с плеч, туды ее растуды! Закурим? — Давай, — говорит он.*

В македонском языке ДАК 1 РІ не имеет конкурентной синтетической императивной формы, поэтому является единственным формальным способом выразить побуждение к совместному действию и слабо императивные периферийные значения, свойственные данной лично-числовой форме:

• Побуждение к совместному действию, семантический подтип «предложение»:

- 88) И тогаш некој кажа дека е Нова година. Ама и возот свирна, го кажа часот. **Ајде да си честитаме!** Ајде... Среќна Нова година. (П. М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *И тогда кто-то сказал, что наступил Новый год. И поезд дал сигнал, который час. Давайте поздравим друг друга! Давайте... С Новым годом.*

- 89) Ајде малку **да се прошетаме** надвор. Денот е прекрасен. (В. Петрески. «Од магла на југ»). *Давай немного прогуляемся. День чудесный.*

• Слабо императивные употребления декларативного характера:

- 90) Zorka color. **Да му дадеме** на светот малку боја. (Баннерная реклама, Скопье, 07.06.19). *Zorka color. Давайте добавим в мир немного красок.*

- 91) Омразата не игра на наш терен! **Да ја исклучиме** и од трибините! (Социјална реклама ОБСЕ, 04.04.19). *Ненависть не играет на нашем поле! Удалим ее и с трибун!*

- 92) **Да купуваме** македонски производи, **да останеме** доследни на нашата земја! (Баннерная реклама, 19.06.20). *Давайте покупать македонские товары, остаемся верными нашей стране!*

В македонском языке каузация совместного действия, направленная на одного или нескольких слушающих и включающая участие самого говорящего, имеет единственное формальное выражение в аналитической ДАК 1 РІ. В сербском языке синтетический императив и независимая ДАК конкурируют в различных ситуациях повеления, заданных лично-числовой формой 1 РІ, при очевидном доминировании аналитической формы, поскольку именно она продуктивно употребляется в

семантическом подтипе «Предложение» [СССЈ 2005: 387], типичном для императивов «совместного действия».

Выделенные нами контексты узуального использования синтетического императива 1 РІ не составляют закрытый список, вопрос функциональной и стилистической дистрибуции аналитической конструкции и синтетической повелительной формы остается открытым. Ответ на него может дать корпусное исследование⁶⁶, которое на большом числе стилистически дифференцированных текстов поможет выделить точные критерии дистрибуции. Предполагается, что оно также поможет выделить список глаголов, которые регулярно образуют синтетическую форму повелительного наклонения, и рассмотреть, какие семантико-прагматические факторы сохраняют ее стабильность в сербской глагольной системе.

3.2.1.3. 3-е лицо ДАК и *нека*-конструкции

Опосредованное повеление к третьему лицу (3 Sg, Pl) выражают две аналитические конструкции: ДАК и сочетание презентного глагола с частицей *нека* «пусть, пускай». В грамматиках они маркируются как повелительные конструкции (или составные формы императива), которые заполняют отсутствие в системе специальных синтетических императивных форм третьего лица, мак. [Усикова 2003: 211, Конески 2004: 417], серб. [Гудков 1969: 62, Стевановић 1989: 703, СССРЈ 2005: 386, Нормативна граматика 2014: 402, Војводић 2003]. Независимые⁶⁷ повелительные конструкции с *нека*, в отличие от ДАК, имеют дефектную парадигму и присоединяют только глагольные формы 3 лица презенса, это ограничение характерно как для македонского, так и для сербского.

Таблица 9. Аналитическая императивно-оптативная конструкция *нека* + *praes* в мак. яз., глагол *чита/прочита*

	<i>нека+praes</i>	
	Sg	Pl
3 л.	<i>нека чита / прочита</i>	<i>нека читаат / прочитаат</i>
Отрицательная форма ⁶⁸	<i>нека не чита / прочита</i>	<i>нека не читаат / прочитаат</i>

Таблица 10. Аналитическая императивно-оптативная конструкция *нека* + *praes* в серб. яз., глагол *читати/прочитати*

⁶⁶ Корпус современного сербского языка (серб. Korpus savremenog srpskog jezika, verzija SrpKor2013), который разрабатывается Белградским университетом под руководством Д. Виташа и М. Утвича, на данном этапе не обладает техническими возможностями для решения указанной задачи.

⁶⁷ Зависимые *нека*-конструкции в сербском рассматриваются в статье [Тополињска 1999].

⁶⁸ Употребление отрицательной формы совершенного вида глагола с *нека* чаще всего имеет оптативное значение.

	<i>нека+praes</i>	
	Sg	Pl
3 л.	<i>нека чита / прочита</i>	<i>нека читају / прочитају</i>
Отрицательная форма	<i>нека не чита / прочита</i>	<i>нека не читају / прочитају</i>

В толковом словаре македонского языка [Мургоски 2005: 461], *нека* определяется как частица, которая используется для выражения повеления, разрешения, согласия, одобрения, в [ТРМЈ Т.3 2006: 346] группируются значения а) повеления, желания, просьбы; б) выражения одобрения, согласия; в) благопожелания и проклятия. В толковых словарях сербского языка [РСХКЈ Т.3 1969: 701, РСЈ 2011: 800] в первом значении *нека* определяется как подчинительный союз, присоединяющий целевые, уступительные придаточные, второй в словарной статье идет его функция как частицы для выражения а) приказания, желания; б) благопожелания, проклятий; в) угрозы, пренебрежения; г) допущения. Мы группируем названные значения независимой *нека*-конструкции в македонском и сербском языках следующим образом: 1) косвенное повеление 3 Sg, Pl; 2) оптативное; 3) пермиссивное или значение допущения; 4) нонкуративное или значение «безразличия» к результату осуществления действия. Наше распределение значений опирается на классификацию значений русской частицы *пусть*, данную в [Добрушина 2008: 137]. Последние два значения – допущения (103, 104) и выражения безразличия (105, 106) – частица *нека* сохраняет также в изолированном употреблении, в отличие от частицы *да*, которая такого употребления не имеет:

- 103) – Удри го по уста и затвори му ја! – викаше тетка Донка. – **Нека го**, нека кажува. (Б. Смаќоски «Големи и мали»). – *Ударь его по губам, закрой ему рот!* – *кричала тетя Донка. – Пусти его, пусть говорит.*
- 104) ...ustade, a on reče mirno, s vrata: – Jekaterina, došao sam do тебе. – **Neka, neka**, dobro došo! (I. Andrić «Put Alije Đerzeleza», KSSJ). ...*она встала, а он с порога говорит спокойно: – Екатерина, я пришел к тебе. – Пускай, пускай, добро пожаловать!*
- 105) Се менува лицето, **нека!** (Название стихотворения, П. Бакевски). *Лицо меняется, и пусть!*
- 106) «Brzo, tuča je u L-1!» «Pa, **neka je**, što ću im ja?» (Ž. Laušević «Godina prođe, dan nikada»). «Быстро, в L-1 драка!» «Ну, и пускай, я им зачем?»

Мы сравним функционально-семантические характеристики ДАК 3 лица и *нека*-конструкций и обозначим дистрибутивные свойства, которые делают одну из двух аналитических конструкций продуктивной в том или ином контексте.

3.2.1.3.1. Косвенное повеление, 3-е лицо. Безличные пассивные конструкции

Некатегоричная, слабая каузация действия (приглашение, совет и т. д.), обращенная к лицу / лицам, не участвующим в речевом акте, выражается обеими конструкциями при минимальных различиях. В отличие от повеления ко второму лицу, в императивных конструкциях третьего лица часто эксплицируется подлежащее, которое указывает на предполагаемого исполнителя действия:

- 107) И кој сака месо за празников да купи **нека дојдее**! (Б. Смаќоски «Корениште»).
- И кто хочет купить мясо для праздника, пусть приходит!*
- 108) Ката: Потпојди речи му. Или, ако сакаш **нека појде** Ана, **нека** го **подвикне** овде да дојде да му речиме. (Р. Крле «Парите се отепувачка»). *Ката: Подойди к нему и скажи. Или, если хочешь, пусть Ана пойдет, пусть она его подзовет, чтобы подошел сюда, чтобы мы ему сказали.*
- 109) Еве, слушајте сите, секој **да чуе**: кметот ви е формален идиот! (Б. Конески «Лозје»). *Вот, слушайте все, пусть каждый услышит: староста у вас настоящий идиот!*
- 110) Партиите **да се осветат** и **да ги обединат** Албанците, а не да ги поделат. (Интервју А. Ахмети, ТВ 21, 21.10.19). *Пусть партии придут в себя и пусть они объединят албанцев, а не разделят их.*
- 111) – Ево, ово ќе је прездравити... **Нека попије**... – Неће... Ништа неће... – говорио је Јован посматрајући бледу, непомичну вереницу. (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). – *Вот, это ее поставит на ноги...Пусть выпьет... - Не хочет... «Ничего не хочет...» — говорил Йован, поглядывая на свою бледную, неподвижную невесту.*
- 112) Ко не зна šta će са собом, **нека** ту буду **natovari** неком другом на vrat. (D. Radović «Beogradе, dobro jutro! 1»). *Кто не знает, куда себя деть, пусть эту беду переложит с больной головы на здоровую.*
- 113) Ђока: Ја вас преклињем, господине капетане, да не дозволите читање тога писма. Ако већ мора бити, прочитајте га ви сами! Капетан: А, не! Овако, јавно! Немам ја с тобом ништа па да насамо читам твоја писма. Овако јавно, сви **да чују**. (Б.

Нушић «Сумњиво лице»). *Джока: Я вас заклинаю, господин капитан, не разрешайте читать это письмо. Но если это необходимо, то прочитайте его только вы! Капитан: Ну, нет! Вот так, перед всеми! Я не имею с тобой никаких дел, чтобы читать наедине твои письма. Вот так, перед всеми, пусть все слышат.*

- 114) Поручник Тасић: Поднаредниче, настави са обуком... И **да се** војници редовно **брију**. Ако сви чизме немамо, сапун и бритве имамо. (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Поручик Тасич: Младший сержант, продолжи с обучением... И пусть солдаты регулярно бреются. Если не у всех нас есть сапоги, то бритвы и мыло имеем.*

В приведенных примерах обе конструкции взаимозаменяемы, их выбор основывается на языковых предпочтениях автора, и разница между ними неочевидна. Различия проявляются в строгом повелении, которое меньше свойственно македонской *нека*-конструкции, поскольку она чаще функционирует как пермиссивная (говорящий, каузируя ситуацию, позволяет ей иметь место), что блокирует ее активное использование в контекстах строгого приказа. Предпочтение отдается ДАК, употребление конструкций с *нека* требует поддержки контекста (напр., слово *веднаш* «сразу, немедленно» в примере 115).

- 115) – ...повикај ми го Спасе. – Тој е слободен, другар началник. Ноќеска беше на смена. – Веднаш **нека** го **повикаат**. Гол, облечен, само тука **да се нацрта**. (Х. Крстевски «Ветришта над Равен»). - *...позови мне Спасе. – Он ушел, товарищ начальник. Он ночью был на смене. – Пусть его сейчас же позовут. Голый, одетый, чтоб тут же был здесь.*

- 116) А колку убаво ни беше кога се каравме, вели, знаете кога ни пративте писмо: «никој **да не преоѓа** од Пукнат Камен подолу. Ни говедо, ни коњ, ни крава, ни теле, ни прле, ни магаре, ни здивка ваша, ни поглед ваш **да не преоѓа...**». (П.М. Андреевски «Пиреј»). *Как нам было здорово, когда мы ругались, говорит он, помните, как вы нам прислали письмо: «чтоб никто не переступал границу вниз от Сломленного камня. Ни скот, ни конь, ни корова, ни теленок, ни осел, ни выдох ваш, ни взгляд ваш чтоб не переступал...».*

- 117) Да не сум чул никакво пеење, никакво дерење! И оној идиот што свири онаму, веднаш **да престане!** (В. Костов «Свадбата на Мара»). *Чтоб я не слышал никаких песен и криков! И тот дурак, что играет там, пусть немедленно перестанет!*

В сербском обе конструкции могут употребляться в контексте строгого повеления, отчетливой дифференциации не наблюдается. Сербские *нека*-конструкции по своей семантике охватывают больше подтипов императивных значений, чем македонские:

- 118) Ако има некога у овом уклетом замку, **нека** одмах **изађе**! (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Если кто-то есть в этом проклятом замке, пусть немедленно выйдет!*
- 119) Живка (на телефону): (...) **Нека** писар **понесе** и хартије за саслушање, **нека поведе** и два грађанина као сведоке. Молим вас, то неизоставно да се учини, **нек поведе** два грађанина. Одмах, разуме се, врло хитно! Да! (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Живка (по телефону): (...) Пусть писарь захватит с собой бланки и бумагу для допросов, пусть приведет двух человек свидетелей. Прошу вас это немедленно сделать, пусть приведет двух свидетелей! Быстро, разумеется, это все срочно!*
- 120) Живка: Иди, Васо, на телефон па му реци: ако да оставку, **да** ми слободно **не долази** кући. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Живка: Подойди, Васо, к телефону и скажи ему: если он уйдет в отставку, пусть вообще домой не возвращается.*
- 121) – А Руси predstavljaju izbeglice. – Red hoću, – komanduje Kriletić, – sad ova država **da ispije** eks! – Eks! Eks! Eks! Sve tri lože piju. (I. Andrić «Noć u Alhambri»). – *А русских представляют беженцы. – Тишина, - командует Крилетич, – сейчас эта страна пусть пьет до дна! – До дна, до дна, до дна! Все три ложки пьют.*

Каузация третьего лица находится на периферии семантической иерархии императивных ситуаций, т. е. далеко отстоит от прототипического прямого повеления от говорящего к слушающему или слушающим. На периферии чаще наблюдаются явления транспозиции значения и переносного употребления конструкции. Одно из таких употреблений – это обращение повеления к субъекту, представленного неодушевленным предметом или неким состоянием, что Н.Р. Добрушина называет «не актом каузации конкретного лица, а актом каузации, так сказать, вообще мира» [Там же: 138].

- 122) Стефан: Никој не ме познава, во темнина сум дошол, во темнината ќе си одам...
Милка: И сам си темнина! Стефан: Нека сум! **Нека се состави** темнината со светлината! Ти си светлина! (В. Иљоски «Чест»). *Стефан: Никто меня не знает, я пришел во тьму, во тьму и уйду... Милка: Ты сам – тьма! Стефан: Пусть так! Пусть сольются тьма и свет! Ты свет!*
- 123) Šest dana je govorio: **neka bude** ovo, **neka bude** ono. I umorio se. Da ne zaboravim da kažem, prilika je: mene je prvog izreкао. Stvorio. Jer, prvo je reкао: «**Neka bude** svetlost», i bio sam ја. Jer ја sam Lucifer, ја sam svetlo. (М. Novaković «Strah i njegov sluga», KSSJ). *Шест дней говорил: да будет то, да будет это. И устал. И нельзя не упомянуть при такой возможности: меня Он первого изрек. Сотворил. Потому что сначала он сказал: «Да будет свет», и появился я. Потому что я Люцифер, я – свет.*
- 124) Он скупио новац, задржао га код себе и рекао јој: — Е сад добро. Паре **нека стоје** код мене. (Б. Станковић «Божји људи»). *Он собрал деньги, забрал их себе и сказал ей: — Вот теперь порядок. Пусть деньги будут у меня.*
- 125) Dobro, **neka se zna** ko gura u nesreću miran svet. (I. Andrić «Travnička hronika», KSSJ). *Хорошо, пусть будет известно, кто ввергает мир во тьму.*

Одна из групп повелительных конструкций 3 лица обозначает повеление, обращенное ко второму лицу. В них адресат повеления занимает позицию дополнения: *Да не те лаже умот, Нека ти не пада на памет* значит «Даже не думай что-либо сделать», *Срам да ти е* – «Стыдись», *Да вам увек буде на памети* – «Всегда помните»:

- 126) Јас во алвата турив отров. **Да не те лаже умот** да каснеш без мене, затоа што ќе се отруеш. (Ст. Попов «Итар Пејо, попот и алвата»). *Я в халву положил отраву. Даже не думай* (дословно: Пусть ум тебя не обманывает) *ее пробовать без меня, потому что отравишься.*
- 127) Бети го плесна по грб. «**Срам да ти е**», игриво го прекоруваше. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). *Бети стукнула его по спине. «Как тебе не стыдно», игриво укоряла его она.*
- 128) Знаш шта, ово си сада урадио и **нека ти не пада** на памет више. (Портал pletenijesloves.rs, 13.02.15). *Знаешь что, сейчас ты это сделал – и чтоб больше никогда не вздумал.*
- 129) Поручник Тасић: (...) Ја и ви смо, браћо, од наших кућа кренули мртви - то **да вам увек буде** на памети: пошли смо мртви, немамо шта да изгубимо... (Д.

Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Поручик Тасич: (...) И ја, и ви, браћя мои, ушли из дома уже мртвими – всегда помните об этом (дословно: пусть это всегда будет у вас на уме): мы ушли мртвими, нам нечего терять...*

Использование форм 3 лица часто связано со стратегией, когда говорящий эксплицитно не называет требуемого исполнителя каузируемого действия. Глагол в повелительной конструкции стоит в форме безличного пассива, который образуется с помощью возвратной частицы *се*. Позицию подлежащего занимает объект. Семантическая интерпретация конструкций будет зависеть от типа текстового режима: диалогического или нарративного⁶⁹. В диалогическом режиме намеренный пропуск референта каузации говорит о том, что говорящему не важно назначение конкретного исполнителя, важно, чтобы действие было исполнено. Деперсонализированное повеление говорит о том, что или участники речевого акта сами идентифицируют исполнителя, или повеление касается всех присутствующих:

- 130) – Драг султане, ќерката ваша проба сè што на светов има, освен едно нешто. – Што е тоа? – прашал султанот. – Брзо **да се донесе!** (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). – *Дорогой султан, ваша дочь попробовала все, что есть на белом свете, кроме одного. – Что это? – спросил султан. – Немедленно принести!* (Буквально: Пусть оно будет принесено!)
- 131) ...тропна со ногата пред престолот и рече: «Веднаш **да се свика** советот! И пред мене **да се изведе** дрзникот!» (В. Андоновски «Папокот на светот»). *...он топнул ногой перед престолом и сказал: «Срочно созвать совет! И привести ко мне этого наглеца!»*
- 132) Прво **нека се распродаде** златото // од гробницата на Тутанкамон // и **нека се купат** подароци за гладните. // (Т. Петровски «Тутанкамон»). *Сначала пусть будет распродано золото // из гробницы Тутанхамона // и пусть купят подарки для голодающих.*
- 133) Расим: Многу се арчи, Осман. Осман: **Нека се зголеми** арачот. Расим: Луѓето се бунат и вака. Немаат пари. Ги одравме до гола кожа. Осман: Не бастај Расим. Смисли нешто. (Д. Дуковски «Balkan is not dead»). *Расим: Много расходов,*

⁶⁹ Мы используем терминологию Е.В. Падучевой, которая определяет нарративный режим интерпретации как режим, в котором не выделяется полноценная фигура говорящего и не существует корреляции между временем действий в тексте и речевой ситуацией / моментом речи; диалогический режим соответствует канонической речевой ситуации, когда четко выделяются фигуры говорящего и слушающего, а момент речи является точкой отчета для временной локализации ситуации [1996: 13, Падучева 2019].

Осман. Осман: Пусть поднимут подать. Расим: Люди и так возмущены. Нет денег. Мы обобрали их до нитки. Осман: Не спорь, Расим. Придумай что-нибудь.

- 134) – Не знам, господине! Пекли смо га три сата! – Како сте га пекли, кад је жив? Оћеш да ми једемо рибу или риба нас?! Да ти госте поједе вечера?! (...) – Сом **да се пече** поново, а ви за мно! (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). – *Я не знаю, гоподин! Мы запекали его три часа! – Как вы его запекали, когда он живой? Хочешь, чтоб мы ели рыбу или риба нас?! Чтоб гостей съел ужин?! (...)* – *Сома снова запечь, а вы – за мной!*
- 135) На то му је војвода Живојин Мишић одговорио: «Мајоре Туцовићу произведите Гаврића у чин поднаредника и **нека се то прочита** пред целом дивизијом». (Историја Момчила Гаврића, гр. «Кокарда Србија», facebook.com). *На это фельдмаршал Живоин Мишич ответил: «Майор Туцович, произвести Гаврича в звание младшего лейтенанта и прочесть приказ перед всей дивизией».*

Повеление в данном случае обладает особыми семантическими оттенками: оно воспринимается как обязательное, необходимое по мнению говорящего действие (приближено к модальности долженствования). От высказывания с эксплицитным модальным глаголом *треба/мора* такие конструкции отличает наличие выраженной каузации, если они функционируют в диалогическом режиме. ДАК будут иметь более экспрессивный, категоричный характер повеления, чем вариант с *нека* в двух языках. Одним из стилистически близких вариантов перевода на русский повелительной безличной пассивной ДАК будет независимый инфинитив со значением приказа-побуждения.

Вне рамок диалогического режима македонская безличная пассивная ДАК широко функционирует в различных типах **инструкций**⁷⁰ и предписаний:

- 136) Посебни заштитни мерки за пожарникари. Веднаш **да се изолира** местото со отстранување на сите лица од близина на инцидентот ако има пожар. **Да не се превзема** ништо што вклучува личен ризик или без соодветна обука. **Да се премести** амабалажата од местото на пожарот ако ова може да се направи без ризик. **Да се употреби** воден спреј за да се одржи амабалажата изложена на пожар студена. (Инструкција по мерам безопасности, www.videojet.com). *Особые меры*

⁷⁰ В. Ю. Гусев отмечает следующую типологическую закономерность: «Самая распространенная особенность инструкций – это то, что для них используются наименее вежливые (часто – просто грубые) из существующих императивных форм. При этом использование их в инструкциях не создает ощущение невежливости» [2013: 88].

предосторожности для пожарников. В случае пожара немедленно эвакуировать всех лиц, находящихся вблизи очага возгорания. Не принимать никаких мер, несущих риск здоровью, без специальной подготовки. Вынести упаковку с места пожара, если это возможно. Использовать водяной спрей для охлаждения упаковки при пожаре.

137) **Да се чува** на температура до 25°C. **Да се чува** во оригинално пакување. (Инструкция к препарату «Вентор», 07.11.11). *Хранить при температуре до 25°C. Хранить в оригинальной упаковке.*

138) Објавуваме избор на «Простак на годината». Правила на игра:

1. **Да се фрла** ѓубрето само покрај ел. столбови.
 2. **Ѓубрето да е** ставено во најлон кеса
 3. **Кесата да е** малце подотворена за да се види содржината (млекце, сиренце...).
- Се моли КХС да не го собира ѓубрето како би имале објективи резултати. (портал «Здраво», 24.11.11). *Объявляем конкурс «Хам года». Правила игры: / 1. Бросать мусор только возле эл. столбов. / 2. Мусор оставлять в полиэтиленовом пакете. / 3. Пакет чтобы был немного приоткрыт, чтобы виделось содержимое (молочко, сырок...). Просьба коммунальные службы не убирать мусор, чтобы результаты были объективными.*

Неназванность конкретного адресата-исполнителя (им может выступать любой человек), анонимность прескриптора и побуждение не к актуальному, а потенциальному действию снимают экспрессивность, которая свойственна безличным пассивным ДАК в диалогическом режиме при канонической речевой ситуации⁷¹, когда говорящий и адресат обмениваются репликами, находясь в непосредственном контакте в рамках одних и тех же координат времени и пространства. В сербском безличные пассивные ДАК с повелительным значением не так узуальны и продуктивны, как в македонском языке (см. уже приведенную в п. 1.2.2. цитату из [Стевановић 1953: 94], в которой презентные ДАК при неопределенном субъекте оцениваются как «громоздки»). Семантический подтип императива «Инструкция» в сербском реализует форма инфинитива:

139) Uputstvo korak po korak: ovako ćete pravilno prati ruke i sprećiti infekcije: 1. **Pokvasiti** vodom. 2. Nanošenje sapuna. 3. **Nasapunjati** između prstiju. 4. Temeljno **isprati**. 5. Na kraju **naneti** kremu. (Инструкция «Как правильно мыть руки»,

⁷¹ О канонической речевой ситуации см. [Падучева 1996: 259-261].

www.nivea.rs). *Пошаговая инструкция: как правильно мыть руки и тем самым избежать⁴ инфекций: 1. Намочить водой. 2. Намылить. 3. Намылить между пальцами. 4. Тщательно смыть. 5. В конце намазать кремом.*

Повелительные *нека*-конструкции не используются в инструкциях и предписаниях в двух языках.

3.2.1.3.2. Оптативное значение

Нека- и *да*- конструкции приобретают оптативное значение в высказываниях, когда говорящий желает наступления какого-либо действия, но не контролирует его, оно не зависит от его воли. Обе конструкции являются конкурирующими в устойчивых формулах благопожеланий (140, 142, 143), проклятий («магический» оптатив, см. п. 4.2):

- 140) Докторе, **алал да Ви е!** Сте му олесниле на пациентот, спие како ангел! (Т. Османли «Каприча»). *Доктор, bravo! Вы улучшили состояние пациента, он спит как ангел!*
- 141) Со одлука на ангелите и по заповед на светите луѓе проколнуваме и осудуваме Барух Спиноза, со согласност на Бог, **благословен Тој нека е**, и со согласност на сета света заедница, и пред овие свети свитоци со шестотини и тринаесет заповеди кои се запишани во нив. **Проклет нека е** дење и **проклет нека е** ноќе, **проклет нека е** кога си легнува и **проклет нека е** кога се буди. (Г. Смилевски «Разговор со Спиноза»). *Решением ангелов и по заповеданию святых людей мы проклинаем и осуждаем Баруха Спинозу по дозволению Господа, благословен он, и с согласия всей святой общины, и перед всеми святыми списками, в которых записаны шестьсот тринадцать заповедей. Будь он проклят днем и будь проклят ночью, будь проклят, когда ложится, и будь проклят, когда встает.*
- 142) Ako vam je hladno kao u grobu, proverite da li vam je i mračno kao u grobu. Ako jeste, svako dalje pitanje je suvišno. **Neka vam je laka zemlja!** (D. Radović «Beograde, dobro jutro! 1») *Если вам холодно, как в гробу, проверьте, так же ли вам темно, как в гробу. Если да, дальнейшие вопросы излишни. Пусть земля вам будет пухом!*
- 143) Бог и свети Никола путник **нека** ти **помогну!** *Пусть тебе, путник, помогут Бог и святой Николай!*

144) Гроб да му се не зна!⁷² *Чтоб затерялась его могила!*

В двух языках конструкции с *нека* в оптативном значении ограничивают свое употребление устойчивыми формулами, в то время как ДАК продуктивно употребляется для выражения как гипотетических оптативных ситуаций (145, 147), т.е. желаний, реализация которого вероятна, и контрфактивного оптатива (146, 148), подробнее в п. 4. Следующие примеры будут приведены в форме 3 лица, частицу *да* нельзя заменить на *нека* без изменения значения конструкции.

- 145) Колку е поинаква од мајка ми, помислува. Таа секогаш сакала за мене да решава. Ех, **да знае** сега што се случува. (В.Саздова. «Полиња со диви нарциси»). *Как она отличается от моей матери, думает она. Она всегда хотела за меня решать. Эх, вот бы она знала, что сейчас происходит.*
- 146) Ех, **да можеше** небото над градот да зборува... Колку средби видело тоа небо. (ubavo.mk, 15.04.17). *Эх, вот бы небо над городом могло говорить... Сколько встреч видело это небо.*
- 147) Многи мушкарци имају обичај да кажу «ех, **да ми је женски мозак** барем на један дан». (П, 22.09.09). *Многие мужчины имеют обыкновение говорить «эх, вот бы мне женские мозги хотя бы на один день».*
- 148) Рајна: После је било - чудо! **Да сте то видели!** Те игре, тог веселја, тих суза на растанку... Келнери кажу да таква свадба никад није била у нџиховом хотелу! (Д. Ковачевиќ «Урнебесна комедија»). *Рајна: После было – чудо! Вот бы вы это видели! Те игры, то веселье, слезы при расставании... Официанты говорят, что такой свадьбы отродясь не было в их отеле!*

3.2.1.3.3. Пермиссивное значение *нека*

Пермиссивные *нека*-конструкции означают, что говорящий позволяет третьему лицу совершить некоторое действие, дает свое одобрение на существование или продолжения некоторой ситуации:

- 149) Арсо: Добро утро, пријателе. Селанецот: Ако е утро, **нека е добро утро**. (В. Иљоски «Чорбаци Теодос»). *Арсо: Доброе утро, друг. Крестьянин: Если утро, пускай будет доброе утро.*

⁷² Примеры 143, 144 из сборника [Марковиќ 1994].

150) ...и поче да га чита гласно, јер га Марко замоли, ако није нека тајна, да чује шта пише. «Ниси заслужио, помисли Црни, али, **нека ти буде**». (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *...и начал он читать вслух, потому что Марко пропросил его, если не секрет, тоже послушать, что она пишет. «Ты не заслужил, подумал Черный, но, так и быть, пусть».*

Структурным отличием является возможность *нека* в значении допущения сочетаться с глаголом в прошедшем времени, в отличие от повелительных конструкций.

151) Председник већа: Добро, **нека** сте рекли што Вас боли, биће Вам лакше. (Транскрипт аудиозаписи обыска, hlc-rdc.org, 24.03.17). *Председатель собрания: Хорошо, пускай Вы высказали все, что у Вас на душе, Вам станет легче.*

Говорящий оценивает уже произошедшее действие и признает его адекватным. В данном контексте сочетание частицы и глагольной формы не имеет императивного значения и переходит на периферию показателей уступительной семантики. Также наблюдается менее тесная формальная связь между элементами конструкции; частица не модализирует временное значение глагола, что показывает меньшую степень грамматикализации конструкции. В то же время, ни сербская, ни македонская ДАК не имеют пермиссивного значения и не являются изофункциональным вариантом *нека* в данном случае.

3.2.1.3.4. Нонкуративное значение *нека*

Македонская и сербская частица *нека*, наподобие русской частицы *пусть*, имеет нонкуративное значение: «говорящий пытается самим фактом своего высказывания допустить существование ситуации Р, выражает свое безразличие к ней» [Добрушина 2008: 140]:

152) – Оди по гаволите! – му вика на Моно. – Изнеси ги твоите гнасни предлози – кој ти пречи! **Нека** ги **чуе** таа за која се наменети, **нека** ги **прифати** – никој не ја запира! И **нека** **крши** врат со тебе! Да не ве видам повеќе пред очи! (В. Костов «Свадбата на Мара»). – *Иди к черту!* – *кричит он Моно.* – *Говори свои гадкие предложения – кто тебе мешает! Пусть их услышит та, для которой они*

предназначены, пусть их даже примет – никто ее не держит! И пускай она мучается с тобой! Прочь с глаз долой!

- 153) Анка (дојури споља): Госпођо, оне се две ваше рођаке почупаше. Живка: **Нека се чупају**, шта ме се тиче. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). Анка (*забегает внутрь*): *Госпожа, те две ваши родственницы вцепились друг в друга! Живка: Пускай дерутся, мне-то что.*

Нека-конструкции «безразличия» присоединяют не только глагольные формы 3 лица, что характерно для повелительных *нека*, но и в формы первого лица. При этом действие или состояние/свойство, обозначенное конструкцией, предполагает негативные последствия для говорящего:

- 154) Ах, пушти ме, **нека потонам, нека умрам**, така... умирам... (П. Гилевски «Зоја»).
Ах, пушти меня, пусть я утону, пускай умру, так... умираю...
- 155) *Znam, ti misliš: rđav otac. Svi misle rđav otac. Pa **neka sam** i rđav otac. . . i ja sam čovek.* (В. Ћосић «Kroz knjige i književnost»). *Я знаю, ты думаешь: скверный отец. Все думают скверный отец. Пускай я скверный отец... я тоже человек.*

Основная функция конструкций с *нека* «безразличия» – показывать отрицательное отношение говорящего к существующей или потенциально возможной ситуации и его смирение с положением дел. Конструкция далеко «отстоит» от базовой императивной семантики, которая включает в себя каузацию, стремление/желание говорящего к осуществлению действия и контроля над ним. Семантические особенности расширяют возможность сочетания *нека* с глаголами других личностно-числовых форм, не только 3 лица. Также нонкуративное значение сохраняется у частицы в самостоятельном, изолированном употреблении, что говорит о том, что сочетание глагольной формы с *нека* следует трактовать как синтаксическую конструкцию. ДАК 3 лица в двух языках не имеет значения «безразличия».

3.2.1.3.5. Заключение

Аналитические ДАК и *нека*-конструкции описываются в грамматиках македонского языка как формальные показатели третьего лица императива, маркирующие повеление говорящего к не-участникам конкретного речевого акта. В грамматиках сербского оба сочетания трактуются двояко: или как описательные

(аналитические) повелительные формы императива для третьего лица, или как модальная транспозиция форм презенса, приобретающих императивное значение при частицах/союзах *да* и *нека*. ДАК и *нека*-конструкции представляются как взаимозаменяемые, однако при ближайшем рассмотрении их нельзя назвать таковыми.

Обе конструкции в двух языках функционируют как изоморфные в контексте нейтрального, нестрогого повеления, обращенного или к одушевленному лицу/лицам, или – в переносном значении – к неодушевленному предмету или явлению. Повелительные *нека*-конструкции в сербском имеют более широкую сферу функционирования, чем македонские, поскольку регулярно употребляются и в контекстах категоричного повеления (например, приказания). В македонском частица *нека* в сочетании с глаголом сохраняет тесную связь со своим базовым лексическим значением (пермиссивное, неконкурентное). Это мешает расширению употреблению *нека*-конструкций в контекстах строгого повеления, в которых узуральной является македонская ДАК.

В македонском и сербском существуют ДАК и *нека*-конструкции в составе с особой безлично-пассивной глагольной формой (субъектный имперсонал в [Плунгян 2001: 294-296; Боронникова 2006: 50]), которые образуются с помощью возвратной частицы *се* (мак. *тоа да/нека се прочита* серб. *то нека/да се прочита* «Это прочитать/пусть это прочитают»). В диалогическом режиме они функционируют в таких типах повеления, когда говорящий, каузируя действие, не указывает его конкретного исполнителя (или таковой легко декодируется, или безразлично, кто из адресатов будет исполнителем). Само действие представляется говорящим как необходимое, обязательное к исполнению. В диалогическом режиме обращенные к слушающему деперсонализованные повеления повышают степень экспрессивности и категоричности высказывания. На русский язык они могут переводиться формой инфинитива со значением приказания-побуждения. Для таких повелений в македонском языке более характерны маркированные ДАК по сравнению с более нейтральными *нека*-конструкциями. В сербском в диалогическом режиме равно используются и *нека*-, и *да*- конструкции с безлично-пассивными глаголами в составе. В недиалогическом или нарративном режиме безлично-пассивные повелительные формы характерны для семантических императивных подтипов инструкции, предписания, в которых экспрессивность снимается прагматическими условиями ситуации повеления, а именно: неизвестна конкретная фигура прескриптора, адресатом-исполнителем выступает любой человек, читающий инструкцию, которая побуждает совершить не актуальное, а потенциальное действие. В этих контекстах в

македонском языке всегда функционирует только ДАК. В сербском в нарративном режиме использование безлично-пассивной ДАК нехарактерно, в инструктивных контекстах продуктивной будет форма инфинитива.

ДАК и *нека*-конструкции имеют также оптативное значение. Обе формы в двух языках функционируют в контекстах благопожелания и проклятия. Значения гипотетического и контрфактивного оптатива имеет только ДАК, контексты оптативного *нека* ограничены.

Независимые *нека*-конструкции, помимо повелительной и оптативной семантики, обладают пермиссивным и нонкуративным значениями. Структурные отличия *нека*-конструкций заключаются в том, что они сочетаются не только с презентными глаголами, но и глаголами претериальных времен, которые могут иметь форму как третьего, так и первого лица. Пермиссивное и нонкуративное значения сохраняются у частицы *нека* в изолированном употреблении.

В двух языках обе повелительные конструкции вступают в отношения конкуренции. В македонском повелительная ДАК третьего лица является более продуктивной, чем конструкции с *нека*, имеет более широкий семантический и функциональный спектр: она может употребляться как в нестрогом повелении, так и в экспрессивном, в диалогическом и нарративном режиме. В сербском, повелительные *нека*-конструкции по семантическим и функциональным характеристикам не уступают ДАК, выбор той или иной формы определяется языковым чутьем говорящего или, в устойчивых сочетаниях, узусом (напр., не будет звучать естественно ДАК в проклятии *Нек иде бестрага!* «Пусть идет к черту!»).

3.2.1.4. 1-е лицо единственное число⁷³

Семантическая особенность глагольной формы 1 Sg в составе императивных парадигм обращала на себя внимание многих исследователей. В зависимости от широкой или узкой трактовки семантики категории императивности форма 1 Sg включается в состав парадигмы, например, со значением «самопобуждения» (автопрескрипции) [Храковский, Володин 2002: 139] или же выносится за ее рамки, поскольку сложно предположить такую коммуникативную ситуацию, в которой говорящему нужно непосредственно приказывать самому себе, чтобы совершить желаемое действие; он контролирует выполнение действия и может просто его сделать

⁷³ В основу этой главы легла статья [Кикило 2020а].

[Гусев 2013: 51]. Если такая ситуация и возможна, она обычно сопровождается «раздвоением лица», и говорящий обращается к себе, как к другому человеку, используя 2 Sg, ср.:

156) Ми се бега некаде, барам во друга земја да ме префрлат. (...) Па после друг ум ќе ме удри. Море **седи**, Небеска, кај што си се нашла, ќе си речам, во секоја туѓа земја пак ќе бидеш само туѓинка. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Хочется сбежать, прошу меня куда-нибудь отправить в другую страну. (...) То вдруг иначе подумаю. Сиди уж, Небеска, где сидишь, говорю себе, в любой чужой стране опять будешь чужая.*

Мы разделяем вторую точку зрения, при которой императивными признаются все лично-числовые формы парадигмы (как синтетические, так и аналитические), а в значении формы 1 Sg наблюдается семантический сдвиг благодаря взаимодействию императивной семантики ДАК, категории лица, иллокутивной силы высказывания, а также лексического значения глагола.

Примечание: Категории языка, которые содержат информацию о физических координатах речевого акта (времени и месте) и указывают на его конкретных участников, называются шифтерными или дейктическими [Якобсон 1972]. Важное место шифтеров в грамматике любого естественного языка неоднократно подчеркивалось лингвистами, поскольку данные элементы служат реализации коммуникативной функции языка, обеспечивая взаимодействие участников речевого акта (говорящего и адресата), и подтверждают антропоцентричный характер языковых систем.

Лицо как шифтерная категория соотносит участников речевого акта и участников обозначаемой в высказывании ситуации (объединяет или разделяет их). Личное местоимение первого лица *Я*, а также его лично-числовая реализация в глагольной форме эксплицитно соотносит ситуацию высказывания с говорящим. Семантическое своеобразие данной лично-числовой формы характеризуется ее уникальной референтной способностью актуализировать новый субъект речи в каждом речевом акте, что, по утверждению Э. Бенвениста, становится опорной точкой для выражения субъективности и позволяет говорящему «присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296]. Именно особенности семантики первого лица оказывают непосредственное влияние на значение и функционирование форм императивной парадигмы 1 Sg, см. напр. [Барентсен 2003, Адаскина, Гусев 2007, Стешевич 2015а].

3.2.1.4.1. Значение намерения: изменение когнитивного статуса говорящего

«Слабым местом» полной парадигмы императивной независимой ДАК в двух языках оказывается позиция 1 Sg, поскольку директивный речевой акт, как правило, не предполагает совпадение говорящего и адресата в одном лице, и категории вступают в

противоречие. Происходит семантическая трансформация, при которой ДАК 1 Sg приобретает значение **намерения, содержащее выраженный волевой компонент**. Можно выделить несколько типизированных речевых ситуаций.

Ситуация А. В канонической речевой ситуации говорящий озвучивает свое намерение в присутствии адресата, который должен принять данную информацию к сведению для последующих действий:

- 157) Оди Цветко во ресторан и доаѓа келнерот. «Повелете што ќе нарачате?» «**Да размислам малку**». По неколку минути... «Одлучивте ли»? (сб. «Вицови»). *Пришел Цветко в ресторан, подходит к нему официант. «Что будете заказывать?» «Еще думаю». Через несколько минут... «Вы решили?»*
- 158) Стојко: Да си ми жива, ќерко. (*и подава златник*). А сега проштавајте, **да одам** веднаш дома да ги израдувам (В. Иљоски «Бегалка»). *Стойко: Будь жива-здорова, дочка (дает ей золотой). А сейчас прощаюсь, поспешу домой домашних обрадовать.*
- 159) – Има да седи, не го пуштаме помалку од десет дена! – Не може, Олга, има работа тука кај нас. Сега **да не ти објаснувам** по телефон! (Р. Бужаровска «Спроти големиот натпревар») – *Он должен погостить подольше, не отпустим его раньше, чем через десять дней! – Он не может, Ольга, у него дела здесь. Не буду объяснять сейчас по телефону!*
- 160) Ната: А натуштило се нешто небо па немојте се изненађивати. Где је облака, ту ќе бити и грома. Зато ја, благо мени, **да се склоним**. (Б. Нушич «Госпоѓа министарка»). *Ната: Пасмурно что-то стало, так что не удивляйтесь. Где облака, там и гром гремит. Поэтому я с радостью удалюсь.*
- 161) Ташана (зауостављајући га): Седи, седи, дедо. Хаци Риста: **Да идем**. Сутра, после службе, опет ћу навратити да видим децу. (Б. Станковић «Ташана»). *Ташана (останавливая его): Посиди, посиди, дедушка. Хаджи Риста: Пойду. Завтра, после службы, опять загляну повидаться с детьми.*

В примере 157 говорачиј фразој «*да размислам*» сигнализирает официанту, што тому следуејт подождат с заказом; в примерах 158, 161 говорачиј, будучи в гостях, оповешчаејт хозјаина о своем уходе, что можно трактовать как сигнал перехода для адресата к сценарию прощания и проводов гостя; в примере 159 говорачиј даејт понять адресату, что тема закрыта. ДАК намерения используется в ситуации нейтрально-вежливого регистра общения, когда, желая избежать использования прямого

директивного высказывания в адрес собеседника, говорящий выбирает стратегию сообщения о собственных будущих действиях. В ДАК намерения действие является контролируемым и не требует непосредственного участия адресата. Сема контроля также соотносит ДАК 1 Sg с императивным значением других лично-числовых форм парадигмы, как и сема желания/стремления осуществить действие. ДАК 1 Sg часто используется в сочетании с императивной частицей **ајде/хајде/ајмо** (рус. «давай/давайте»). Р. Ницолова на материале болгарского языка определяет соотношение независимой ДАК 1 Sg и императива следующим образом: «Форма 1 л. ед.ч. не выражает побуждения, а только представляет действие как необходимое по мнению говорящего, который демонстрирует готовность его осуществить, иногда в ответ на высказанное повеление слушателя, обращенное к нему. Такая *да*-конструкция содержит только часть значения императива, которая позволяет ей соотноситься с императивными конструкциями»⁷⁴ [Ницолова 2008: 413].

Ситуация Б. Говорящий сообщает о своем намерении совершить действие, которое требует непосредственного участия самого адресата:

- 162) – Сега **ајде да ве честам**, им велама на криминалците, – голема услуга ми направивте. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). – *А сейчас давайте я вас угощу, – говорю я бандитам. – Вы мне очень подсобили.*
- 163) – **Да те запознаам**, – се сети Стефан. – Марија, ова е Адам. Едно силно и храбро момче. Вреди да го познаваш. (В. Петрески «Од маглата на север»). – *Давай я тебя познакомлю, – сказал Стефан. – Мария, это Адам. Сильный и храбрый парень. Тебе стоит с ним водить знакомство.*
- 164) (Младић претражује џепове чакшира. Покушава да упали цигарету, мучи се). Катарина: **Да ти припалим**. (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *(Молодой человек проверяет карманы штанов. Старается прикурить папиросу, с трудом). Катарина: Давай я тебе прикурю.*
- 165) – Ракије да ми дâш! – Шта ќе ти ракија? Хлеба **да ти дам!** – нуди га домаћица. – Хлеб сама једи! – одбија он увређено. (Б. Станковић «Божји људи»). – *Дай мне ракии! – Зачем тебе ракия? Давай я тебе хлеба дам! – предлагает ему хозяйка. – Сама ешь хлеб! – отказывается он с обидой.*

⁷⁴ «*Да*-формата за 1 л. ед.ч. не изразява подкана, а само представя действието като необходимо според говорещия, който изразява готовност да го реализира, понякога в отговор на отправена подкана от слушателя към него. Тази *да*-форма съдържа само част от значението на императива, но това ѝ позволява да се съотнася с императивни форми или с побудителни *да*-форми».

В составе ДАК используются глаголы, семантика которых включает адресата в качестве актанта (ср. мак. *да ти претставам, да ти помогнам, да те орасположам* серб. *да ти платим, да ти дам, да ти покажем* и т.д). Говорящий имплицитно запрашивает согласие адресата на участие в действии, которое он собирается совершить (по Р. Ницоловой – *имплицитрана подкана* «имплицитное побуждение» [Там же]).

Ситуация В. Говорящий вербализует свое намерение, находясь наедине с собой. Такую условно речевую ситуацию можно встретить в художественных или публицистических текстах, когда для читателей по воле автора раскрывается ход мыслей и волевых интенций героя (пр. 166, 168) или самого автора в публицистическом тексте, написанном от первого лица (пр. 167, 169):

- 166) Детето спие до мене, му го слушам дишењето, но не вртам глава. Се борам. Не сакам да го видам и се борам. (...) Слушам нешто почна да ми вели: сврти се, мори Небеска, и неговата уста со твојата душа дише. **И, а да го видам, а да не го видам.** Уште сум пренесена на фронтот долу, таму, си мислам, повеќе треба. (Петре М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *Ребенок спит рядом со мной, я слышу его дыхание, но головы не поворачиваю. Сопrotивляюсь. Не хочу его видеть и борюсь с собой. (...) И тут слышу, что-то мне нашептывает: повернись же ты, Небеска, ведь его ротик твоей душой дышит. И, дай посмотрю, нет, не буду. В мыслях я все еще на фронте, на юге, все думаю, что я там нужнее.*
- 167) Пред некој ден доаѓајќи со возилото кон дома си реков, **ајде да навратам** во големото „Веро“, ќе си пазарам што ми треба и право дома. (ст. «Сто и десет и сто», портал «Дневник online», 19.02.13). *Пару дней назад по пути домой говорю себе, а заеду-ка я в большой супермаркет «Веро», куплю, что мне нужно, и сразу домой.*
- 168) Покушао да разговарају без галаме и вике. **Ајде да** и тако **пробам**, помисли: – Ко те вара, Црни? Шта причаш? (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Он попробовал поговорить без шума и крика. Попробую-ка я так, подумал он: - Кто тебя обманывает, Черный? О чем ты говоришь?*
- 169) Otkud sad šeširi? Posećujući razna etno-dešavanja u Beogradu, Novom Sadu shvatila sam da žene najpre kupuju nešto lepo za sebe lično, pa rekoh «**ajde da probam** da ih obradujem». Najčešće su mi mušterije iz Hrvatske i Novog Sada, koje, osim sebe, žele i nekog drugog da obraduju neobičnim poklonom. (Politika, 10.08.08, KSSJ). *С чего*

вдруг шляпки? Когда я ходила по разным этно-фестивалям в Белграде, Нови Саде, я поняла, что женщины покупают, прежде всего, что-то для себя, и я сказала «попробую-ка я их порадовать». Чаще всего мои клиенты из Хорватии и Нови Сада, которые не только себя, но и других любят радовать необычным подарком.

В целом ряде контекстов значение намерения включает дополнительный компонент: независимая ДАК 1 Sg **маркирует момент принятия решения говорящим**, когда меняется когнитивный статус субъекта. Особенно ярко данное частное значение иллюстрирует пример 16б, в котором мать не решается посмотреть на ребенка, и выбор формы ДАК (*да видам/да не видам*) передает ее метания. В примерах говорящий сразу же выполняет обозначенное действие непосредственно после принятия решения.

ДАК со значением намерения семантически близки к формам будущего времени мак. *ke+praes* или серб. *he+inf*, обе конструкции могут употребляться в идентичных контекстах диалогического режима. Сравнив две конструкции, можно увидеть тонкую грань между темпоральностью и модальностью. Формы будущего времени создают проспективный по отношению к моменту речи план событий; однако он не включает в себя **импульс** к совершению действия, тогда как в модальных конструкциях с ДАК 1 Sg присутствует **волевой компонент**, который коррелирует с состоянием сознания субъекта/говорящего. Поэтому высказывания с временными будущими формами могут быть определены как истинные или ложные, если в результате действие не будет иметь места, а высказывание с ДАК – нет, ср. позицию В. Ю. Гусева: «Теоретически совершению желаемого действия могут помешать какие-либо обстоятельства, на данный момент неизвестные говорящему. Поэтому из двух фраз *Я летом поеду отдыхать* (произнесенной с утвердительной интонацией) и *Поеду-ка я летом отдыхать* – в случае, если отдых не состоится, ложной окажется только первая» [Гусев 2013: 259].

Значение намерения также может выражать форма 1 P1 эксклюзива (в местоимение *мы* говорящий не включает адресата), т.е. она не означает «призыв к совместному действию»:

170) – Имам и јас еден тукашен од Јановени. Тој, генерале, со затворени очи... – Викни го... Подобро не. И така изгубив многу време. Скоро дваесет минути. **Ние да појдеме**, а ти веднаш јави му на својот командант дека падна Гинова. И веднаш до Главниот штаб. Адио! (П. Наковски «Големата удовница»). *Есть тут у меня*

местный из Яновени. Он, товарищ генерал, с закрытыми глазами... - Позови его... Лучше нет. Я и так потерял много времени. Почти двадцать минут. Мы пойдем, а ты сразу же позвони своему командиру, что погибла Гинова. И сразу в Главный штаб. Адъос!

3.2.1.4.2. Опосредованная каузация действия

ДАК 1 Sg могут иметь императивное значение (в том числе строгого повеления с перфектной л-формой). Если в составе ДАК употребляются глаголы аудиовизуального восприятия, то значение конструкции следует интерпретировать как **опосредованную каузацию**: говорящий побуждает адресата совершить действие Б, которое станет причиной реализации действия А, выраженного глаголом аудиовизуального восприятия, ср.:

- 171) A1 – минатиот петок, ноќно време, тема 8 март, љубовта кон жената и се околу тоа. (...) А госпоѓата за темата немаше ама баш ништо паметно да каже. Цело време верглаше едни те исти демек провокативни прашања (зарем со една вечера се покажува љубовта, зарем со еден цвет, зарем само еден ден постои во годината, **ајде да ве слушнам, ајде да ве слушнам**). (С. Мацановски-Трендо. «Трендоленд»). *A1 – прошлая пятница, ночной эфир, тема – 8 марта, любовь к женщине и все такое. (...) А ведущей совершенно нечего сказать по теме. Без конца повторяет одни и те же «провокационные» вопросы (разве один ужин может показать любовь, разве любовь в одном букете, разве только один день в году существует, давайте, что вы на это скажете, что вы на это скажете).*
Дословно: «давайте я вас послушаю».
- 172) Мирса: Уште прашуваш! Ај да не те видам веќе! Ај ценом фати, аргатке ниедна! (В. Иљоски «Бегалка»). *Мирса: Ецѐ спрашиваешь! И чтоб я тебя больше не видела! Убирайся, батрачка проклятая!*
- 173) Дара: Па да ви не мислите...? Живка: Шта мислим? 'Ајд, баш да чујем, шта мислим ја? Дара: Не мислите ваљда да отац буде министар? (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Дара: А вы не думаете случайно...? Живка: Что думаю? Давай-ка, скажи (дословно: послушаю-ка я), что я думаю? Дара: Не думаете ли вы, что отец станет министром?*
- 174) – Odmah se gubite i **da** vas više **nisam videla**, i da mi se ne približujete detetu, jer će vas **đavo odneti**. Zapamtite to! (I. Andrić «Prokljeta istorija»). – *Немедленно*

убирайтесь и чтоб я вас больше не видела, и не подходите к ребенку, потому что пожалеете. Зарубите себе на носу!

Действие в высказывании *да ве слушам/да чујем* из примеров 171, 173 может реализоваться только при ответной реакции адресата, ДАК можно перефразировать следующим образом: «сделай(те) так, чтобы я вас услышала/высказывайтесь». Лично-числовые характеристики, лексическое значение глагола вкупе с модальным значением конструкции позволяет фразе *да те/ве слушам, да чујем* перейти в разряд фатических контактоустанавливающих элементов, которые функционируют в македонском и сербском языке для побуждения к коммуникации. В примерах 172, 174 ДАК высказывание *да не те видам, да вас више нисам видела* означает грубое повеление ко второму лицу «убирайся», «чтоб глаза мои тебя не видели».

3.2.1.4.3. Императивный вопрос

Независимая ДАК 1-ого лица употребляется не только в утвердительных типах высказываний, но и в вопросительных. В этом случае она означает запрос говорящего на разрешение совершить (или не совершать) какое-либо действие, т.е. является вопросом о повелении⁷⁵. Рассмотрим примеры с глаголом 1 Sg (но могут быть и другие лично-числовые вариации), которые регулярно воспроизводятся в разговорной речи:

- 175) – Али **да влезам**?! – В гроб влегол, та кукава е твоја, што прашуваш!
(Б. Смаќоски «Корениште»). – *Я могу войти?* (буквально: *Мне войти?*) – *Да пропади ты, это же твой дом, что спрашиваешь!*
- 176) Мирса: **Да одам** веднаш? (Напрегнато чека одговор). Трајко (по долго двоумење):
Оди! (В. Иљоски «Бегалка»). Мирса: *Ну, так мне пойти?* (Напряженно ждет ответа). Трајко (после долгого размышления): *Иди!*
- 177) Ђорђе: Лука, **да читам**? Криви Лука: Него шта! (Д. Ковачевиќ «Свети Георгије убива аждаху»). *Джордже: Лука, мне читать? Кривой Лука: А то!*

ДАК 1 Sg подразумевает императивную реакцию в ответе собеседника: или имплицитную (пр. 175, 177), или эксплицитную, в виде ответной императивной формы

⁷⁵ Ср. высказывание Р. Ницоловой: «Говорящий хочет узнать, приказал бы ему слушатель выполнить то или иное действие, то есть по значению конструкции близки к вопросу о позволении. Поэтому подобные общие вопросы соотносятся с императивной глагольной формой» [Ницолова 2008: 412].

(пр. 176). Более подробно вопросительные типы независимых ДАК будут рассмотрены в п. 5.1.1.

3.2.1.5. ДАК и прохибитивные конструкции *немој(те) да + praes*

Формы сербского и македонского прохибитива⁷⁶, которые содержательно представляют собой отрицательный вариант повелительной формы [Храковский, Володин 2001: 89], регулярно образуются с помощью частицы *не* в позиции перед повелительной синтетической формой глагола и после частиц *да* и *нека* в аналитических конструкциях: мак. *не оди / да не одиш таму, нека не оди таму*, серб. *не иди тамо / да не идеш тамо, нека не иде тамо*.

На территории балканославянского ареала также широко употребляется описательная прохибитивная конструкция *немој да + praes* от глаголов двух видов. *Немој* происходит от застывшей императивной формы *не мози* глагола «мочь» мак. *може*, серб. *моћи* [Цыхун 1981: 127, Конески 2004: 417, Стевановић 1989: 705].

178) **Немој**, тате, **да се секираш**, сè ќе биде добро. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»).

Папа, не волнуйся, все будет хорошо.

179) **Немој** више **да ми се јављаш!** (Д. Ковачевић «Професионалац»). *Не звони мне больше!*

В македонских грамматиках [Конески 2004: 417, Усикова 2003: 210] не определяется статус *немој(-те)*, авторы лишь указывают на синтаксический способ образования запретительной конструкции. Грамматика сербского языка [НГ 2014: 182] описывает *немој(-мо, -те,)* как дефектный глагол, который употребляется либо изолированно, либо присоединяет дополнение в виде инфинитива или ДАК; в [Стевановић 1989: 705, СССЈ 2005: 454] *немој* наделяется статусом частицы.

Таблица 11. Прохибитивные конструкции *немој(те) да + praes* в македонском языке

	Sg	Pl
2 л.	немој да читаш/прочиташ	немојте да читате/прочитате

⁷⁶ В качестве синонима будет использоваться термин «отрицательный императив» [Храковский, Володин 2001: 89].

Таблица 12. Прохибитивные конструкции *немој(мо/те) да + praes / inf* в сербском языке

	Sg	Pl
1 л.		немојмо да читамо/прочитамо немојмо читати/прочитати
2 л.	немој да читаш/прочиташ немој читати/прочитати	немојте да читате/прочитате немојте читати/прочитати

Описательные прохибитивные конструкции с *немој* чрезвычайно широко функционируют в двух языках, составляя конкуренцию другим отрицательным аналитическим конструкциям (прежде всего, *да не + praes*). Интересным для нашего исследования является дискуссионный вопрос, следует ли рассматривать сочетание *немој да + praes* как синтаксическую описательную конструкцию с прохибитивным значением, в которой участвует зависимая ДАК, или же как частную парадигму аналитической формы отрицательного императива.

В пользу первой гипотезы говорят следующие аргументы:

а) Способность застывшей формы *немој* присоединять личные глагольные флексии серб. 1 Pl -мо, мак., серб. 2 Pl -те.

180) Kada je, konkretno, reč o vaterpolistima, sigurno je da će dati sve od sebe kao i u Budimpešti, da osvoje zlato. Ali, **немојмо да dignемо** ruke od njih, ako ne bude tako. (Politika, 29.06.01, KSSJ). *Когда речь идет конкретно о ватерполистах, можно быть уверенным, что они сделают все, что в их силах, чтобы завоевать золото, как и в Будапеште. Но, давайте не будем отворачиваться от них, если этого не произойдет.*

181) Па **немојте** ви то тако да **примите** к срцу! (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Ну, не принимайте же вы это так близко к сердцу!*

182) Ова што ви го прикажуваме е лага! **Немојте да ни верувате**. (В. Костов «Свадбата на Мара»). *То, что мы вам показываем, ложь! Не верьте нам.*

б) Сохранение за *немој* способов синтаксических связей глагола *може/моћи*, который в сербском языке присоединяет инфинитив или ДАК в качестве сентенциального дополнения при референтном субъекте повеления, напр. *Немој се љутити / Немој да се љутиш*. Если в македонском и сербском предикат некорреферентен субъекту повеления *немој*, союзная частица *да* присоединяет придаточное изъяснительное:

- 183) И **немој** случајно да те **видат** со странкиња! (Д. Пандев «Потполковникот»). *И смотри, чтоб тебя не увидели с иностранкой! (И сделай все, чтобы тебя не...)*
- 184) – И, – наставља Магда, – **немој** Стаја да погачу **препече!** (Б. Станковић «Нечиста крв»). – *И, продолжает Магда, – смотри, чтобы Стая не передержала погачу! (Сделай так, чтобы...)*
- 185) Доктор: Ко Бога вас молим, ако ви не можете помоћи, **немојте** ми одмагати. Овако вас молим. Госпођо, кад их већ није побила «правна држава», **немојте** сад да их ми **убијамо**. **Немојте** да **узимамо** туђи грех на себе. (Д. Ковачевић «Урнебесна трагедија»). *Богом молю вас, если вы не можете помочь, не надо мне мешать. Вот что я вас попрошу. Госпожа, если их не перебило «правовое государство», не делайте так, чтобы мы их убивали. Не делайте так, чтобы нам пришлось взять чужой грех на душу.*

Перифраз повеления будет следующий «Сделай(те) так, чтобы Х не сделал Y». В данном случае предикат, вводимый союзной частицей *да*, будет описывать ситуацию, реализации которой адресат повеления должен воспрепятствовать. Каузацию будет иметь только *немој*.

в) Неконтактное положение *немој* по отношению к *да + praes* (см. прим. 183, 184, 185).

Сочетание *немој да + praes* в качестве составных отрицательных форм императива в македонском языке рассматривают [Бужаровска, Митковска 2014; Иванова 2017: 516]. Эта трактовка поддерживается следующими структурными и семантическими свойствами конструкции:

а) Личные глагольные флексии, присоединяемые основой *немој*, указывают на тенденцию императивных частиц «притягивать» к себе показатели лица субъекта повеления. Такими свойствами обладают и императивные частицы мак. *ајде / ајдете* «ну же! айда!», *ела / елате* «иди! идите!», *бујрум / бујрумте* «пожалуйста!» (вежливое приглашение); серб. *хајде / хајдемо / хајдете / ај / ајмо / ајдете* и др.

б) В македонском языке присоединение показателя *-те* 2 РІ к основе *немој* может нарушаться, что демонстрирует активный процесс унификации парадигмы прохибитива (186-188):

186) **Немој да одите** во Романија. Ова е слоганот со кој Романците (не е кампања на Владата) ги канат туристите на гости и ја промовираат Романија во странство.

(Название статьи, off.net.mk, 19.11.13). *Не приезжайте в Румынию. Это слоган, которым румыны (неправительственная кампания) приглашают туристов в гости и рекламируют Румынию за границей.*

187) И **немој да кажете** дека не сум ви кажала. (колонка Г. Попсимоновой, globusmagazin.com.mk, 02.02.16). *И не говорите потом, что я вам не говорила.*

188) Никола Перевски Пере од „Нокаут“ и Игор Џамбазов преку видеопорака на социјалните мрежи ги канат фановите на нивниот концертот во хотел „Мериот“. **„Немој да не сте дошле“**, вели Игор Џамбазов во видеото. (<https://mexpress.mk/fraer-k-i/video-nokaut-i-igor-dzambazov-nemoj-da-ne-ste-doshle-na-svirka>, 25.12.2018). *Никола Перевски из группы «Нокаут» и Игор Джамбазов в видео сообщении в социальных сетях приглашают фанатов на свой концерт в отеле «Мериот». «Не смейте не прийти», говорит Игорь Джамбазов на видео.*

В сербском присоединение лично-числовых показателей сохраняется и поддерживается глагольной системой, поскольку *немој* сочетается и с формой инфинитива, которая грамматически не маркирует субъект повеления.

в) Прохибитивные конструкции присоединяют как глаголы несовершенного (НСВ), так и глаголы совершенного вида (СВ), в отличие от отрицательных синтетических императивных форм, образующихся преимущественно от глаголов НСВ [Ivić 1958, Конески К. 1973, НГ 2014: 189 и др.]. Отрицательная форма глагола СВ повелительного наклонения имеет значение превентива или предостережения, свойственное славянским языкам, напр. мак., серб. *пази, немој случајно да паднеш* «осторожно, не упади случайно». Однако СВ в составе конструкции с *немој* также регулярно выражает «нейтральное» запрещение, которое на русский будет переводиться синтетическим императивом несовершенного вида с отрицательной частицей *не*:

189) **Немој да речеш** дека не е згодна?! (Г. Петревски «Марта»). *Только не говори, что она некрасивая?!*

190) Последната тура ми е во девет; **немој да задоцниш**, помни! (Т. Урошевиќ «Аквамарин»). *Мой последний тур – в девять; не опазывай, помни!*

191) Кренули су са претњама, **«немој да дођеш»**, «не гарантијемо ти сигурност». (Интервју А. Вучича, srbin.info, 25.06.15). *Они начали угрожать мне, «не приезжай», «мы не гарантируем тебе безопасность».*

192) – Ne, nego te pitam, i ne derem se. **Nemoj da mi odgovoriš** ako nećeš. (M. Đurđević «Treći sektor ili sama žena u tranziciji», KSSJ). – *Нет, я тебя просто спрашиваю и не кричу. Не отвечай, если не хочешь.*

Сравнение примеров, отличающихся единственно видовой парой, показывает, что конструкция *nemoj da + praes* с глаголом НСВ выражает каузацию, направленную на прекращение продолжающегося (актуального или потенциального) процесса или регулярно повторяющегося действия, напр. мак.:

193) Интервју за работа. Подготовка: тргнете навреме на закажаниот разговор (да не дојдете прерано, но исто така, никако **немојте да доцните**). (Агенција за вработување, av.gov.mk). *Собеседование на работу. Подготовка: выйдете из дома вовремя к назначенному времени (не приходите слишком рано, но также ни в коем случае не опаздывайте).*

194) Како успешно да го решиме испитниот тест. Никако **немојте да задоцните** и да ги заборавите личните документи. (Назв. статьи, teachhoot.com, 24.10.17). *Как успешно решить экзаменационный тест. Ни в коем случае не опаздывайте и не забудьте личные документы.*

Конструкция с глаголом СВ (194) *задоцни* переносит фокус внимания адресата на результат действия, который не должен быть достигнут. Следует отметить, что контекстов с глаголами НСВ в конструкции значительно больше, чем глаголов СВ. Но тенденция употреблять оба вида для выражения «нейтрального» запрещения расширяет сферу функционирования конструкции *nemoj da + praes*, которая конкурирует с формами синтетического отрицательного императива.

Мы согласны с тезисом в статье [Бужаровска, Митковска 2014: 30] о том, что в македонском языке существует градация категоричности запрещения (1 – самое категоричное, 4 – самое слабое), и императив с *nemoj* занимает в ней последнее место по экспрессивности: 1) *Нема да одиш!* / 2) *Не оди!* / 3) *Да не одиш!* / 4) *Немој да одиш!* Неэкспрессивный характер конструкций с *nemoj* влияет на расширение сферы их функционирования, особенно в разговорном языке.

Рассмотренные нами аналитические конструкции *nemoj da + praes* являются одним из способов выражения неэкспрессивного запрещения в двух языках, т.е. их базовое значение сводится к комбинации «не делай X» без дополнительных семантических вариаций.

Между македонским и сербским вариантом конструкции было отмечено несколько важных структурных различий. В македонском сочетание *немој да + praes* показывает тенденцию к грамматикализации: а) об активном процессе формирования единого аналитического показателя *немој* говорит неприсоединение к его основе флексии *-те* при адресате повеления в форме 2 Pl; б) отсутствие возможности замены ДАК на инфинитив способствует перекодированию *да* из союзного элемента зависимой ДАК, которая изначально маркировала синтаксическую связь с модальным глаголом *мочь*, в часть грамматического маркера прохибитива 2 лица *немој да + praes*; в) аналитический прохибитив *немој да + praes* присоединяет глаголы двух видов без изменения императивной семантики, что говорит о большей структурной мобильности и ее продуктивном характере. Как показал анализ, в македонском *немој да + praes* приобретает статус аналитической глагольной формы прохибитива 2 лица. Возможно, дальнейший процесс грамматикализации приведет к созданию неизменяемой частицы *немој₁*, которая в сочетании с *да* будет выступать формальным показателем прохибитива, отдельным от дефектной императивной формы *немој₂*, которая будет присоединять зависимую ДАК и иметь строгое согласование с субъектом повеления (2 Sg или Pl) в ситуации «Сделай(те) так, чтобы X не сделал Y». Поэтапное становление аналитической формы прохибитива в очередной раз показывает, как союзная частица *да*, включаясь в синтаксические сочетания, объединенные значением нефактивного действия, имеет потенциал становиться формообразующим элементом. В сербском наличие формы инфинитива замедляет процесс грамматикализации прохибитивного сочетания *немој да + praes*, за которым следует признать статус синтаксической конструкции.

3.2.1.6. Маркированные семантические подтипы императивной ДАК

Частные значения императивных форм и конструкций чаще всего определяются в зависимости от прагматики ситуации, интонации высказывания, императивных лексических маркеров и т. д., различия между ними не маркируются формально. В македонском языке существуют грамматически противопоставленные формы вежливого и строгого повеления, в сербском – только строгого приказания.

3.2.1.6.1. Конструкция *да + perf.* Строгое повеление/эмфатическое запрещение

Значение строгого повеления маркируется в двух языках заменой презентного глагола в императивной ДАК на перфектную л-форму. Субъектами повеления обычно выступают непосредственные участники речевого акта (2 лицо), реже повеление обращено к третьим лицам (3 лицо, пр. 197, 202):

- 195) – Веднаш **да си отишла** горе, – ѝ рече тој – да го земеш јорганот наш од него, а нему да му кажеш очи мои да го не видат. (Б. Конески «Лозје»). – *Сейчас же иди наверх, - сказал он ей, - забери у него наше одеяло, а ему скажи, чтоб выметался.*
- 196) Ти си целосно луд, веднаш **да си престанал** со тоа. (В. Андоновски «Папокот на светот»). *Ты совсем с ума сошел, перестань немедленно.*
- 197) Никој **да не мрднал** од место! (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). *Всем оставаться на местах!*
- 198) Марко: Брате мили, то је права птица, одмах ћу јој откинути крилца! Никола: **Да се ниси усудио**, сместа, **да си је пустио!** (пьеса «Босоноги и небо», korasajmozajednokorakpokorak.wordpress.com). *Марко: Милый друг, это настоящая птичка, оторву я ей крылышки! Никола: Только попробуй, сейчас же ее отпусти!*
- 199) Светиславе, **сместа да си прекинуо!** Полази кући! (ст. «10 типова људи на српским славама», vidovdan.org, 16.11.19). *Светислав, немедленно перестань! Иди домой!*

Перфектные ДАК строгого приказания могут выражать как положительное, так и отрицательное повеление, т.е. эмфатическое запрещение. Используются как конструкция *да не + perf* (примеры 200-203), так и аналитический прохибитив *немој да + perf* (204-205), без видимой стилистической разницы:

- 200) **Да не си прозборила** некому каде беше и што донесе и што виде и што чу... (В. Малески. «Разбој»). *И чтоб не проговорилась никому, где ты была, и что принесла, и что видела и услышала...*
- 201) – Стануваш ист како татко ти. – **Да не си се осмелила** да ме споредуваш со него! (В. Петрески «Од месечина на север»). – *Ты становишься похожим на своего отца. – Не смей меня с ним сравнивать!*
- 202) Сви нека даду оставке, али **он да се није усудио!** Тако му реци! (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Пусть хоть все уйдут в отставку, но он чтоб не смел!*

- 203) Ако обећаш да ћеш да ћутиш (ни гласа да **ниси пустила**, јеси ли чула?), онда, можда, можемо. (Р. Константиновић «Обична, ох, кокошка»). *Если ты обещаешь молчать (чтоб ни звука с твоей стороны, слышала?), тогда, может быть, у нас получится.*
- 204) Модриќ згрме по својот соиграч: **Немој да си го направил** тоа уште еднаш! (спорт, zase.mk, 23.05.16). *Модрич накричал на сокомандника: «Только попробуй еще раз так сделать!»*
- 205) «**Немој да си** икад више то **урадио!**»: Гигс је због овога запретио Роналду! (спорт, mondo.rs, 10.06.2020). *«Не смей так больше делать!»: Гиггз из-за этого пригрозил Рональдо!*

Перфектна ДАК маркирует не только категоричность повеления, но и демонстрирует намеренную грубость говорящего. Конструкции часто сопровождаются дополнительными лексемами-маркерами, которые указывают на приказание, требующее незамедлительной реакции: мак. *веднаш* «сразу», *брзо* «быстро», серб. *одмах* «сейчас, сразу», *сместа* «сейчас же» и др. По степени категоричности такие повеления и запрещения на русский переводятся с помощью конструкций с союзом «чтоб», императивами «не смей(те)», «только попробуй(те) еще раз». Варианты перевода на русский рассматриваются в работе [Маслова 2008, 2009: 30-32]. Наглядным примером может послужить сопоставление двух вариантов перевода одной и той же глагольной формы, выбор которой отражает ярко выраженный эмоциональный аффект говорящего, его желание следовать более грубым стратегиям в коммуникации. Интенция говорящего обуславливает как фамильярную форму обращения на «ты» в официальной обстановке, так и выбор перфекта в повелительной ДАК и *немој* конструкции и в македонском, и сербском языках:

- 206) Русское название видео и цитата: В. К. Сафронков англичанину в совбезе ООН: в глаза мне смотри! «Ты сегодня говорил, господин Райкрофт, не по повестке дня заседания, оскорблял Сирию, Иран, Турцию, другие государства. Господин председатель, просьба следить за порядком развития заседания, потому что некоторые говорят, сбиваясь на сленг, и безответственно, оскорбительно относятся к своему месту в Совете безопасности ООН. **Не смей оскорблять Россию больше!**» (<https://www.youtube.com/watch?v=CvKvw-q-q7o>, 02:17 минута, 13.04.2017).

- 207) Македонски заглавје на статија и цитата: Гледај ме во очи, **да не си се осудил** да ја навредуваш Русија – жестоко во ООН. «Ти денеска зборуваше, господин Рајкрофт, не според агендата на заседанието, ги навредуваше Сирија, Иран, Турција, други држави. Господине претседател, една молба да внимавате на редот на седницата, доколку некои неодговорно, навредливо, употребувајќи сленг, се однесуваат спрема своето место во Советот за безбедност на ООН. **Немој да си се осудил** да ја навредуваш Русија повеќе!», изјави Сафронков. (<https://markukule.mk/видео-гледај-ме-во-очи-да-не-си-се-осуди/>, 13.04.2017).
- 208) Србски заглавје на статија и цитата: Рус Британцу у УН: Гледај ме у очи. «Данас си говорио, господине Рајкрофте, ван дневног реда састанка. Вређао си Сирију, Иран, Турску и друге земље. Господине председавајући, молим Вас да пратите развој заседања ако се неко неодговорно, увредливо односи према свом месту у Савету безбедности УН. **Да се** више **нис** **усудио** да вређаш Русију!», рекао је Сафронков. (<https://rs.sputniknews.com/rusija/201704131110761732-SavetbezbednostiUN-rasprava-Rusija-VelikaBritanija-2/>, 13.04.2017)

Происходит транспозиция результативного значения перфекта в сферу императива, когда потенциальное действие представляется говорящим как уже свершившееся, поэтому форма воспринимается как более категоричная и грубая. Подобную транспозицию можно сравнить с оптативным перфектом в семантическом подтипе проклятий в сербском языке (напр. *Језик прегризо!* «Чтоб ты язык прикусил!»), в котором желаемое, но неподконтрольное говорящему действие, представляется как реализованное, что соотносится с магической функцией такого типа высказываний. В русском языке прошедшее время, имеющее единые корни с южнославянским перфектом, также обозначает грубое побуждение (обычно в форме 2 лица, обращенного к адресату), ср. известную формулу «Упал! Отжался!» [Добрушина 2014б].

3.2.1.6.2. Вежливая просьба: да+*impf* в македонском языке

На другом полюсе от морфологически маркированного строгого повеления находится ДАК с глаголами НСВ и СВ в форме имперфекта, которая выражает подчеркнуто вежливую просьбу [Конески 2004: 429, Kramer 1986: 25, Тофоска 2014]:

- 209) – Што мака имаш, праша Силјан Бојчевски. – А што немам, рече Богоја Концовски, да беше една, ќе ја заборавав... **Да ми дадеше малку сол** на почек, рече, оти ни се смачи од блуткави јадења. (П. М. Андреевски «Сите лица на смртта»). – *У тебя беда какая? – спросил Сильян Бойчевски. – Как не быть, сказал Богоя Концовски, была б одна, одну забыл бы. Вот бы дал ты мне немного соли в долг, говорит, мочи нет больше есть пресное.*
- 210) – Тро расол сторен немаш, мајко? – ми побара Борче. – **Да здробеше** една салата со масло и со црвен пипер... Па, и некô маслинка ако ти се наоѓа...» (М. Ристевска Селчанец «Гена», текст с прилепскими диалектными особенностями, фонетическая запись). *А кислой капусты не осталось, мать? – попросил у меня Борче. – Покрошить бы салатику с маслом и красным перцем... И, может, каких маслин, если найдется...*

Имперфектните ДАК од глаголови на два вида функционираат, првенствено, во значението контрактивног опатива, маркирующег желание гворящего, которое не имеет шансов осуществиться (см. п. 4.2). Во подчеркнутом вежливом регистре просьбы используется форма с «максимально» ирреальным значением, что свойственно многим языкам [Гусев 2013: 76], ср. рус. «*Помог бы ты папе*». Транспозиция опативной ДАК в сферу императива легко объяснима, так как значения опатива и императива имеют общую сему «желание исполнения искомого действия». Имперфектная конструкция вежливой просьбы относится к императивным, поскольку она каузирует ответное действие адресата на высказанное «желание» гворящего. Нельзя отнести грамматический способ маркирования вежливой просьбы к продуктивным, скорее вежливый регистр повеления/просьбы в форме синтетического императива будет подкреплён лексическими маркерами *те/Ве молам*, «прошу тебя, пожалуйста».

3.3. Дискурсивные ДАК⁷⁷

Во всем разнообразии функциональных возможностей независимой ДАК типа *да+praes* выделяется отдельная группа, которая по своему значению отстоит от императивного, хотя и связана с ним, ср. следующие примеры:

- 211) **Право да ви кажам**, црковната дипломатија ме интересира колку сметките за патарина од минатата недела. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Честно скажу,*

⁷⁷ В основе данной главы находится переработанный материал статьи [Кикило 2017].

церковная дипломатия интересует меня ровно столько же, сколько чеки об уплате дорожного сбора с прошлой недели.

- 212) *Blago tebi, živiš onako kako ti hoćeš – često mi govore, a **pravo da vam kažem**, ne razumem ko nas sprečava uopšte da radimo šta hoćemo. (Lepota i zdravlje, 11.11.15). Хорошо тебе, живешь, как хочешь – часто говорят мне, а я, честно сказать (дословно: честно скажу), не понимаю, разве кто-то нам мешает делать то, что мы хотим.*

Подобные ДАК выполняют роль дискурсивных маркеров (ДМ) в двух языках. Словарь социолингвистических терминов определяет ДМ как языковой инструмент структурирования дискурса⁷⁸ [Михальченко 2006: 61]. ДМ помогают говорящему и слушающему управлять процессом коммуникации в соответствии с иллокутивными установками обеих сторон. В частности, они устанавливают отношение между составляющими дискурса и указывают, как базовое сообщение связано с контекстом, «обеспечивают связность текста, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и др.» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7]. Предпочтение отдается термину «дискурсивный маркер», кратко «дискурсив», поскольку он акцентирует внимание на функциональном своеобразии группы ДАК (которые формально остаются предикативными единицами), в отличие от термина «дискурсивное слово», который обычно имеет более жесткие формальные критерии: отсутствие зависимых элементов, неизменяемость формы, полная фразеологизированность значения [Киселева, Пайар 1998: 8-11, 27].

Независимые ДАК имеют потенциал функционировать в качестве ДМ во всех комбинациях лично-числовых форм, структура которых имеет разную степень идиоматичности и выражает разную силу экспрессивности. Однако большую часть группы дискурсивов образуют сочетания *da* с глаголами первого лица: сохраняя связь с центральным императивным значением, ДАК первого лица идиоматизируются. Появление дискурсивных функций у императивных ДАК 1 Sg вполне объяснимо, поскольку ДМ являются для говорящего инструментом активного воздействия на адресата, они выражают оценочные суждения, показывают субъективное деление

⁷⁸ Под дискурсом в работе понимается «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения» или «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста» [Кибрик 2009: 4], процесс коммуникации, разворачивающийся между говорящим и слушающим «здесь и сейчас».

говорящим информации по шкале «важная-второстепенная». Помимо форм 1 Sg в пр. 211, 212 приведем ДМ в форме 1 Pl: уточняющий ДМ мак. *да се разбереме*, серб. *да се разумемо* (рус. «не пойми(те) меня неправильно»), который вводит принципиально важную по мнению говорящего информацию для понимания сообщения; ДМ *да речеме* (мак.) и его семантический аналог в императивной форме 1 Pl в сербском *рецимо* (рус. «скажем») используется говорящим при указании на последующую гипотетическую ситуацию. Третье лицо встречается редко и обычно при безличном глаголе. В македонском материале нам встретилось всего два ДМ третьего лица: *така да се каже* (рус. «так сказать») и *да нема забуна* (рус. «чтобы было понятно»), в сербском эквивалентом ДАК в 3 лице может выступать инфинитив, напр. *тако рећи* (рус. «так сказать»).

Семантический класс глагола также играет большую роль в своеобразии дискурсивной группы: в составе ДАК обычно используются **глаголы речи** (мак. *каже, рече, праша, повтори* / серб. *казати, рећи, причати, питати, поновити* и т.д.) и **ментального действия** (мак. *разбере, знае* / серб. *разумети, знати* и т.д), поскольку эти классы отвечают функции метакомментирования сообщения.

3.3.1. Опыт классификации македонских и сербских дискурсивных ДАК

I. Высокая степень идиоматизации

ДМ, значение которых идиоматизировано и не выводится из семантики составляющих, стремятся к формализации своей структуры. Глагол в составе ДАК не может изменять лично-числовые параметры без изменения функции дискурсива. Исключения составляют случаи колебания между 1 Sg и 1 Pl в составе конструкций, которые будут описаны ниже. Лексическое значение глагола частично сохраняется, поэтому в некоторых случаях он способен реализовать свои семантические валентности. Также ДАК могут образовывать устойчивые сочетания с частицами или наречиями, которые в сумме создают новые типы ДМ. Допускаемые факультативные элементы будут указываться в скобках. В сербских дискурсивах они могут занимать позицию между *да* и глаголом (напр. *да тако кажем*), в македонских жесткая структура ДАК сохраняется, и любые вставные элементы стоят либо в инициальной позиции, либо в финальной.

Подгруппа 1: ДАК с глаголом 1 Sg

- 1) **Мак.:** (ајде/така) да речам/кажам – глагол речевого действия 1 Sg
Серб.: (хајде/тако) да (тако) кажем

Функция: комментирование выбора последующей формулировки; уточнение, смягчающее категоричность утверждения.

- 213) Отсекогаш потајно, **да речам**, сум бил чистокрвен *Б'лгарин с'м туј го казвам пред когото и да итеш... и проче.* (В. Малески. «Разбој»). *С давних времен, тайно, так сказать, я был чистокровным болгаринoм, и могу это сказать любому... и так далее.*
- 214) Можеби сум единствениот, **ајде да речам**, писател, кој е толку застапуван во антологији и за кого е напишано толку многу, а кој напишал толку малку. *Может быть, я единственный, так сказать, писатель, кого часто включают в антологии и о ком написано так много, но кто при этом написал так мало,* (Д. Дурацовски «Мој је живот тужна прича», окно.mk, 02.10.15).
- 215) Тогаш знаеш дека очајот е стравотна, уништувачка сила во човек, ми возвраќа отецот. Особено ако човек нему целосно му се предаде. Ако почне, **така да кажам**, да го култивира, да се вљуби себе си во ролјата на очајник. (К. Колбе «Снегот во Казабланка»). *Тогда ты знаешь, что отчаяние – это страшная уничтожающая сила в человеке, говорит мне в ответ отец. Особенно, если он целиком отдается этому чувству. Если он начнет, так сказать, его культивировать, если влюбится в собственную роль отчаявшегося.*
- 216) Имају они kvalitetnu robu po pristupačnim cenama за **да кажем** svačiji džep. Ја на primer kod njih купујем опрему за ribolov. (Устный комментарий об открытии магазина, 13.12.19). *Есть у них качественный товар по доступным ценам, так сказать, для любого кармана. Я, например, у них покупаю снаряжение для рыбалки.*
- 217) Putujući vozom imaš lagani pregled kako stvar propada, vidiš genezu propadanja ili, **hajde да кажем**, genezu našeg nenapredovanja. (Politika, 15.10.2006, KSSJ). *Когда путешествуешь поездом, перед глазами постепенно открывается картина, как все мчится в тартарары, и ты видишь путь в пропасть или, осмелюсь сказать, историю нашего краха.*
- 218) U knjizi američkog stručnjaka objavljena su dva rada mladog kragujevačkog arhitekta, a reč je o enterijerima породичних куќа u Норвешкој i Србији. – Проекти су рађени за, **тако да кажем**, обичне клијенте. То је био i један од критеријума аутора књиге, који је заhtевао да му pošaljem radove nastale tokom svakodnevnog posla. (Politika, 25.09.2008, KSSJ). *В књиге американског специјалиста објављено две рабoты*

молодого архитектора из Крагуевца, речь идет об интерьере частных домов из Норвегии и Сербии. – Проекты были выполнены, скажем так, для обычных клиентов. Это было одно из условий автора книги: послать ему работы, которые я делал в рамках самых обычных заказов.

В структуре ДМ присутствует ограничение на заполнение валентности адресата (неэквивалентной будет структура, напр., мак. *така да ти/ви кажам*). В то же время данный ДМ может присоединять глагол в форме 1 РІ, не меняя своей функции.

Мак.: (ајде/така) да речеме/кажеме – глагол речевого действия 1 РІ

Серб.: (хајде/тако) да (тако) кажемо

219) АНГЕЛЕ: (...) Та, како сте вие, да ве прашам. МАРА: Убаво сме, **да речеме...**

МИТРЕ: Ех, без гајлиња никогаш човекот не останува. АНГЕЛЕ: Со работа? Како в село, речи, колку да сакаш! МИТРЕ: Е, сега му е, **така да речеме**, огнот од работа на селанецот. Пак на зима, печи се покрај оган. (Р. Крле «Парите се отепувачка»). Ангеле: (...) *А как вы сами, дайте спрощу. Мара: Хорошо, скажем так... Митре: Эх, без тревог человек никогда не остается. Ангеле: С работой? Скажи, в селе, как в селе, работы всегда сколько хочешь! Митре: Да, вот сейчас, так сказать, самая горячая пора для крестьянина. А вот зимой, грейся себе возле очага.*

220) Ovaj poslednji nemio događaj, **da kažemo** «pokušaj rasizma», otvara jedno zaista važno pitanje – kako je moguće da u fudbalskoj Srbiji ima tih i takvih pojava kada se zna da smo mi, po tradiciji, gostoljubiv narod i stranca primamo otvorenog srca i duše, što je svojevremeno primetio i Arčibald Rajs. (Politika, 26.10.07, KSSJ). *Этот последний неприглядный случай, скажем так, «расистский выпад», ставит один действительно важный вопрос: как это возможно в футбольной жизни Сербии, ведь общеизвестно, что гостеприимство – наша традиция, мы принимаем чужеземцев с открытым сердцем и чистой душой, что в свое время отмечал еще Арчибальд Рейс.*

Использование глагола 1 РІ в составе ДМ делает утверждение менее «персонализированным», то есть выбор формулировки мотивируется не столько решением говорящего, сколько обращением к коллективной норме, для которой приемлем озвученный вариант. Анализируя похожий русский дискурсив *скажем* и влияние категории лица на его употребление, Е. А. Хачатурян описывает функцию дискурсива в высказывании следующим образом: «Пространство, образованное с

помощью *скажем*, – это пространство субъективного нейтралитета, где говорящий выдвигает **р**, но отказывается от своих абсолютных и единоличных прав на **р**» [Хачатурян 2003: 90], где **р** – это слова, составляющие план содержания, включенные в сферу действия дискурсивной единицы.

Если добавить в ДАК отрицание, будет образован новый ДМ:

2) **Мак.: да не речам/кажам** – глагол речевого действия 1 Sg

Серб.: да не кажем

Функция: комментирование выбора последующей формулировки; уточнение, «ложно» смягчающее категоричность какого-либо утверждения, при этом уточнение имеет большую экспрессивность.

- 221) Сè беше толку прекрасно, **да не речам** идилично. (Р. Бужаровска «Медуза»). *Все было так прекрасно, если не сказать идилично.*
- 222) «Имате свои коњи?» «Да, два стари, **да не речам** стогодишни коњи, кои можат да послужат за прошетка, пред да ви го направам портретот» (Б. Вишински «Сликарот»). «У вас есть свои кони?» «Да, два старых, чтоб не сказать столетних коня, которые сойдут для прогулки, пока я вам сделаю портрет».
- 223) Ми викаат зошто не пишувам поезија? Едноставно сум бескрајно антиталантиран, **да не кажам** труп за поезија. (majkatiitatkoti.com, 28.10.20). *Меня спрашивают, почему я не пишу стихов? Просто я бесконечно антиталантлив, если не сказать труп от поэзии.*
- 224) То је, то permanentno preispitivanje forme, tipična osobina moderne, **да не кажем** „dekadentne“ literature. (D. Kiš «Život, literatura», KSSJ). *Том, тот непрекращающийся поиск формы и есть типичная особенность модернистской, если не сказать «декадентской», литературы.*
- 225) Ako je odnos države prema ugroženoj životinjskoj vrsti nehuman, **да не кажем**, zverski, ubrzo će se pokazati da je država spremna i na takav odnos prema manjinama, pa i prema punopravnim građanima. (NIN: Nedeljne informativne novine, 28.02.02, KSSJ). *Если отношение государства к исчезающим видам животных столь негуманное, если не сказать зверское, то скоро окажется, что государство так же готово относиться и к социальным меньшинствам, и к полноправным гражданам.*

Данный ДМ также имеет модификацию с глаголом 1 Pl без изменения функции дискурсива.

Мак.: да не речеме/кажеме – глагол речевого действия 1 Pl

Серб.: да не кажемо

- 226) Да бидеме објективни – има многу малку луѓе (**да не речеме** дека и не постојат) кои можат и сакаат да трчаат во ладно време. (статья «Трчање во зима», www.sportvision.mk, 20.07.20). *Будем објективны – есть очень мало людей (чтобы не сказать – их просто нет), которые могут и хотят бегать в холодную погоду.*
- 227) Ričard Lejard, iz poznate londonske škole ekonomije, godinama proučava fenomen zašto veliki rast prihoda, odnosno naglo bogaćenje ne prati i istovremeno povećanje osećaja zadovoljstva, **da ne kažemo** sreće. (Politika, 06.07.08, KSSJ). *Ричард Лейард из известной Лондонской школы экономики в течение многих лет изучает феномен: большой рост доходов, быстрое обогащение не приносит человеку бóльшей радости, не говоря уже о счастье.*

3) Мак.: (право/искрено) да ти/ви кажам (право/искрено) – глагол речевого действия 1 Sg

Серб.: (право/искрено) да ти/вам (право/искрено) кажем

Функция: оценочная, подтверждение говорящим истинности своих слов.

- 228) – Може да ми препорачате нешто од менито? – **Право да ти кажам**, газдата не ни дава да јадеме од нашата храна. – Оти, бе? – А бе, **да ти кажам право**, газдата има уплав да не добиеме труење, па да мора да ни плаќа болување! (Пусто турско, НМ, 16.06.15). – *Можете ли мне посоветовать что-то из меню? – Честно сказать, хозяин не разрешает нам есть нашу еду. – Почему так? – А, сказать по правде, он боится, чтоб мы не получили отравление и ему не пришлось нам оплачивать больничный.*
- 229) **Искрено да ви кажам**, нема ништо подосадно од тоа да коментираш дадена ситуација за која сите имаат искажано свое мислење. (А. Русјаков «ЗАМП да ја забрани македонската политика», НМ, 22.10.16). *Честно скажу, нет ничего скучнее, чем комментировать ситуацию, о которой все уже высказали свое мнение.*

- 230) Донели су ми лекове које си ми послао. **Да ти право кажем**, Тејо, сине, ја никакве лекове одавно не пијем. Разболела сам се оног јутра кад си отишао, а за ту болест медицина још нема лека. (Д. Ковачевић «Професионалац»). *Мне принесли лекарства, которые ты выслал. Честно тебе скажу, Тео, сынок, я уже давно никакие таблетки не пью. Я разболелась в то утро, когда ты уехал, а от этой болезни медицина еще не придумала лекарства.*
- 231) – Koliko je politika uticala na vaš, sada već bivši brak? – Uticala je, i te kako. **Da vam iskreno kažem**, politika je, na direktan i indirektan način, dovela i do kraja tog braka. (časopis «Svet», broj 224, KSSJ). – *Как политика влияла на ваш, сейчас уже бывший, брак? – Влияла, конечно. Честно сказать, политика, и напрямую, и косвенно, стала причиной того, что брак распался.*

Глагол в составе ДАК реализует валентность адресата, что усиливает апеллятивную функцию ДМ, говорящий стремится убедить адресата в истинности своего утверждения; он облакает свои слова в форму откровенного признания и, таким образом, привлекает внимание к следующей части сообщения. При переводе ДМ на русский язык можно предложить следующие варианты: «я тебе/вам прямо скажу», «честно сказать», «я тебе скажу», «сказать по правде». Данный ДМ редко, но встречается в вариации с глаголом 1 РІ, обозначающей эксклюзивное «мы»: говорящего и другое лицо, отличное от слушающего, напр. серб.:

- 232) Упозоравамо да је реч о опасној претстави, саопштава један од учесника. Али неки од нас можда и преживе. Истог трена нешто се зацрни сред импровизираног подијума и велика тамна рупа стаде да се шири као мастило. Публика уздахну од узбуђења. Шта је то? Не трудите се да схватите, није ни нама, **право да вам кажемо**, најјасније. (чланак «Рупа», часопис НИИ, 20.01.20). *Предупреждаем, что речь идет об опасном представлении, сообщает один из участников. Но, может быть, кто-то из нас выживет. В тот же миг что-то черное спустилось на импровизированный подиум, и огромная темная дыра начала растекаться, как чернила. Потрясенная публика выпускает вздох возбуждения. Что это? Не пытайтесь понять, нам и самим, честно сказать, неясно.*

Дискурсив **право/искрено да ти/ви кажам** следует отличать от похожей ДАК, относящейся ко второй группе дискурсивов со слабой идиоматизацией:

Макед: Да ти/ви кажам (нешто) - да те/ве прашам (нешто) – глагол речевого действия 1 Sg. Да ти/ви кажеме (нешто) - да те/ве прашаеме (нешто) – глагол речевого действия 1 Pl

Серб.: Да ти/вам кажем (нешто) - да те/вас питам (нешто) – глагол речевого действия 1 Sg. Да ти/вам кажемо (нешто) - да те/вас питамо (нешто) – глагол речевого действия 1 Pl

Помимо основной функции экспликации коммуникативных намерений он обладает фатической функцией установления контакта между говорящим и адресатом. Этот ДМ произносится с утвердительной, нисходящей интонацией (в отличие от ДМ *право да ти кажам/право да ти кажем*, с характерной восходящей интонацией):

233) – **Да ти речам** два збора, Бојане, – доближи до креветот, се ведна над него. – Слушни и послушни: уште еднаш да не сум те чула Калиштанска да ме викаш. (В. Малески. «Разбој»). – *Я сейчас тебе скажу пару слов, Боян, - она подошла к кровати и наклонилась над ним. – Слушай внимательно: чтоб я больше никогда не слышала, что ты зовешь меня Калиштанска.*

234) Damjan: **Da te pitam** nešto... Zbilja, jesi li ti normalna? Ljubica: A ti? (N. Savić «Kad onaj tamo umre»). *Дамьян: Спросить хочу... Серьезно, ты в своем уме? Любица: А ты?*

Подгрупа 2: ДАК с глаголом 1 Pl

1) **Мак.:** да кажеме / да речеме – глагол речевого действия 1 Pl

Серб.: да кажемо

Функция: 1) указывает на последующее построение гипотетической ситуации (235, 236); 2) вводит иллюстрацию или пример к утверждению (237, 238).

235) Но, ајде малку да симулираме. **Да речеме** дека сега Трендо ќе ви ја изложи својата главна, стратешки важна размисла за опстојување на Македонија. Значи вака... (С. Мацановски «Трендоленд»). *Но давайте немного пофантазируем. Скажем, сейчас Трендо вам изложит свою главную, стратегически важную мысль, как сохранить Македонию. Значит так...*

236) – За колкава количина станува збор? – прашање. – **Да кажеме** дека е околу десет тона, - одговара Точак. – Можам да ти дадам фина цена, само да погледнам. (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). – *О каком количестве речь? – вопрос. –*

Скажем, тонн десять, – отвечает Точак. – Я могу предложить неплохую цену, вот только гляну.

- 237) Има огласи кои ми задаваат тешки когнитивни маки и во чија суптилноста никако не можам да продрам. **Да речеме:** «Менувам средства за чистење со доплата за бугарско возило?» Или оди па разбери го следниов хайку: «Баклави, Охрид, Ресен, Струга». (С. Мацановски «Трендоленд»). *Есть объявления, которые вызывают у меня тяжелое когнитивное расстройство, и их тонкость я никак не могу постичь. Скажем: «Меняю чистящие средства на автомобиль болгарского производства с доплатой»? Или поди пойми следующий хайку: «Баклава, Охрид, Ресен, Струга».*
- 238) Ми ћемо пред референдум неким редовним током стићи за 10 година када већина у Србији, по мојој, а не само мојој процени, више неће бити за ЕУ и сада је онако, **да кажемо**, 50:50. (Транскрипт седнице народне скупштине РС, 26.04.13). *Мы придем к референдуму своим ходом лет через 10 лет, когда уже большинство в Сербии, по моему и не только моему мнению, уже не будет ратовать за вступление в ЕС, да и сейчас так, скажем, 50:50.*

Согласно собранным примерам, сербский ДМ *да кажеме*, в отличие от македонского эквивалента, имеет преимущественно вторую функцию и вводит примеры или иллюстрации к какому-либо утверждению. Первую функцию перенимает на себя синтетический императив *рецимо* «скажем», который в языке также обладает статусом ДМ, например:

- 239) ЈЕВРЕМ: Па ја велим... СРЕТА: Ама, немаш ту ништа ти да велиш или да не велиш, то је ствар рачуна. Ти, **рецимо**, имаш у рукама краља, а ја, брате си ми мој, кеца. (Б. Нушић «Народни посланик»). *Еврем: Я же тебе скахал... Срета: Дело не в том, что ты сказал, тут, брат, все дело в расчете. Скажем (допустим), у тебя в руках король, а у меня – туз.*

В македонских примерах 235, 236 возможна замена дискурсива *да речеме* на коммуникативный эквивалент *да допуштиме*, в примере 237 такая замена невозможна. Следует отметить, что лично-числовая характеристика глагола в ДАК указывает не на реальных участников коммуникации, заданных контекстом, а «обозначает априори существующих в любом высказывании автора и отличного от него адресата, который

будет воспринимать сообщение» [Хачатурян 2003: 80–84]. Эта особенность подтверждает высокую степень идиоматичности ДМ.

2) **Мак.: да се разбереме** – глагол ментального действия 1 РІ

Серб: да се разумемо

Функция: уточняющая, при этом говорящий акцентирует внимание слушающего на принципиально важной для него информации, без которой нельзя полностью понять описываемую ситуацию, поэтому он дополнительно ее разъясняет.

240) Што ми пречи луѓето да си организираат митинзи на вистината и петиции за собирање потписи? Е па, ми пречи. **Да се разбереме**: не велам дека треба да се забрани, не велам дека човек нема право на такво нешто... Едноставно ми пречи и во тоа нејќам да учествувам. (В. Петрушевски-Фили «Колмунистот»). *Почему мне не по нраву, когда люди организуют митинги правды и петиции для сбора подписей? А вот не нравится. Не поймите меня неправильно: я не говорю, что их нужно запретить, не говорю, что у человека нет права на что-либо подобное... Просто мне претит, и я не хочу в этом участвовать.*

241) Po mišljenju Vasiljevića procenat je daleko veći, jer svake godine 70 odsto srednjoškolske populacije upisuje fakultete i da oву priču koriste pre svega privatni fakulteti i tako „teraju vodu na svoju vodenicu“. – **Da se razumemo**, nisam ja protiv privatnih fakulteta, već da se utvrdи ko poštuje standarde koje je država propisala, a ko ne. (Politika, 12.10.10, KSSJ). *По мнению Василевича процент гораздо больший, потому что каждый год 70% учеников средней школы идет в университет, и эту тенденцию используют, прежде всего, негосударственные ВУЗы, которые тем самым «льют воду на свою мельницу».* – *Для ясности скажу, я не против негосударственных ВУЗов, я за то, чтобы установить, кто следует прописанным государством стандартам, а кто – нет.*

Возможный перевод: «для ясности», «не пойми(те) меня неправильно/превратно».

II. Невысокая степень идиоматизации

Вторая группа дискурсивных ДАК обладает невысокой степенью идиоматизации. Прежде всего, это выражается в их формальной неоднородности:

1) глагол в составе ДАК легко может менять числовую характеристику (ед.ч – мн.ч.), при этом функция дискурсива будет оставаться прежней;

2) нет выраженных ограничений на заполнение валентностей глагола в составе ДАК;

3) список глагольных лексем, использующихся в дискурсивных ДАК второй группы, гораздо шире, однако большинство из них по-прежнему будет относиться к глаголам речевого или ментального действия;

4) значение глагола не модифицируется, что позволяет использовать в одном дискурсиве несколько синонимичных лексем (напр. мак. *да скратам / да скусам* «я сокращу», серб. *да скратим / да не дужим*);

Для второй группы ДМ может быть указана одна общая функция – эксплицитное выражение коммуникативных намерений говорящего (что сближает данную группу ДМ с примерами ДАК 1 Sg со значением намерения из п. 3.2.1.4.1). Иными словами, говорящий указывает адресату на верную с его точки зрения интерпретацию собственных слов, комментирует порождаемый им текст. В некоторых случаях, чтобы обеспечить однозначность своего сообщения, в других – экспликация используется как риторический прием (примеры 242, 244):

1 Sg – 1 Pl

Мак.: *да повторам / да повториме*

Серб.: *да поновим / да поновиме*

242) Сфакаш сега зашто луѓево веќе не идат у кино и не се замараат со читање книги? Бидејќи сите уметници по малку или по малку повеќе лажат. **Да повторам.** Л-А-Ж-А-Т. (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). *Теперь сечешь, почему люди больше не ходят в кино и не утруждают себя чтением книг? Потому что все люди искусства немного, или чуть больше, чем немного, врут. Скажу по буквам. ВРУТ.*

243) Значи, **да повториме** со свои зборови: воздухот жестоко се учукува во фасадите свртени кон Водно и тука некаде дебело заглавува. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Значит, еще раз скажем своими словами: воздух встречает жестокую преграду в виде фасадов зданий, которые смотрят на Водно, и здесь где-то конкретно застревает.*

244) *Ozbiljne nauke u Srbiji uopšte nema, i što je gore, što se kod nas provlači kao nauka – najčešće je beznačajno, često lažljivo, pogubno. **Da ponovim**, pogubno! (Politika, 01.11.06, KSSJ). Серьезной науки в Сербии вообще нет, и что ужаснее, то, что у нас считается наукой, чаще всего – незначительно, обманчиво и вредно. Повторю еще раз, вредно!*

245) Crvena zvezda je, **da ponovimo**, zasluženno osvojila bodove, u prvih pola sata delovala je kao tim koji zna šta hoće, a docnije u njenoj igri ispoljile su se mnoge slabosti. (Politika, 13.05.01, KSSJ). «Црвена звезда», скажем еще раз, заслужено получила очки, первые полчаса показала себя как команда, которая знает, чего хочет, но позднее ее игра продемонстрировала свои слабые стороны.

Мак.: да скратам / да скратиме

Серб.: да скратим / да скратимо, да не дужим / да не дужимо

246) **Да скратам**, до работа не успеав да се доберам ни во мислите. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Короче, до работы я не успел добраться даже в мыслях.*

247) Но **да ја скратиме** досадната приказна за нашиот човек кому фино му легнало да се буричка по разголените плажи. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Но давайте сократим скучный рассказ о нашем брате-земляке, которому по душе болтаться по нудистским пляжам.*

248) Stranci nude mnogo jeftinije i komfornije letove, a Jat je (kao što znamo) u gubicima, pa bi ga slobodna konkurencija odvela ravno u propast. Dakle, **da skratim**. Otvaram opasno pitanje – da bi možda bilo dobro da Jat propadne? (Politika, 17.06.09, KSSJ). *Иностранцы предлагают более удобные и дешевые перелеты, а JAT (как мы все знаем) в минусе, а свободная конкуренция полностью разорила бы компанию. Так вот, буду краток. Я поднимаю щепетильный вопрос – может быть, будет не так уж и плохо, если JAT разорится?*

249) И **да скратимо** причу. Алексинац није средина у којој живи неки „неозбиљан” и „затуцан” народ, већ као и у другим градићима грађани су такође, забринуте за последице вируса корона и те како прате шта се дешава у широј заједници. (Чланак «„Неозбиљни” општинари или „злонамерни” новинари», портал alpress.rs, 23.10.20). *Но сократим рассказ. Алексинац – это не место, где живут «безответственные» и «отсталые» люди, здесь точно так же, как и в других небольших городах, живут граждане, обеспокоенные последствиями коронавируса, которые тоже следят, причем очень внимательно, за тем, что происходит в мире.*

250) Lep spomenik, skoro kao onaj Teslin ispred elektrotehničkog. Dobro, malo je manji – jedan je Tesla. Ali tih fudbalera ima mnogo. Koliko metala treba da se napravi spomenik za svakog od njih. **Da ne dužim** – moje pitanje je da li je neko – nekada – negde napravio spomenik jednom – inženjeru? (Politika, 09.04.09, KSSJ). *Красивый*

памятник, почти как памятник Тесле перед электротехническим (факультетом). Хорошо, чуть поменьше – Тесла один. А этих футболистов – много. Сколько металла нужно, чтобы каждому из них поставить памятник. Буду краток – мой вопрос: кому-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь пришло в голову поставить памятник – инженеру?

- 251) Сасвим разумљиво, рекло би се, јер железара учествује са 14 одсто у укупном српском извозу. Хајде да **не дужимо**, од ње данас зависи пола привреде Србије. (чланак «О’лади Смедерево», Политика, 26.01.2012). *Можно сказать, все и так ясно, потому что на долю сталелитейного завода приходится 14% общего объема сербского экспорта. Да что там говорить, от него зависит половина экономики Сербии.*

Мак.: да бидам искрен / да бидеме искрени

Серб.: да будем искрен / да будемо искрени

- 252) И да **бидам искрен**, сакав да ја испрошетама таа дискретно светла ноќ до Канео и до Самуилови кули, да види нешто и од Охрид. Да се покажам домаќин. (Д. Пандев. «Подполковникот»). *Честно скажу, в ту светлую ночь я хотел отвести ее до Канео и до Самуиловой крепости, чтобы она хоть немного увидела Охрид. Хотел показать себя гостеприимным хозяином.*
- 253) И онака нозете треба да се пуштат онолку колку што е долго чергичето. А на нашето чергиче, да **бидеме искрени**, човек не може ни нокти да одмори. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Мы и так должны по одежке протягивать ножки, а наша одежда, будем честны, размером с ноготок.*
- 254) – Šta je vaš najveći utisak koji ste poneli sa vrha sveta? – **Da budem iskrena**, utiske sam sabrala tek posle spuštanja sa Mont Everesta. (članak «Himalaji ne praštaju greške», magazin «Ona», №86). – *Какое самое сильное впечатление вы забрали с собой с вершины мира? – По правде говоря, впечатления меня настигли уже только после спуска с Эвереста.*
- 255) Kursevi veronauke imaju kulturne, istorijske i jezičke vrednosti, ali – **da budemo iskreni**, tu ima i dogme i religijskih sadržaja. (Politika, 07.12.2000, KSSJ). *Курсы духовного образования закладывают знания в области культуры, истории и языка, но, не будем закрывать глаза, здесь присутствуют и догмы, и религиозное содержание.*

Заметно «манипулятивное» употребление формы 1 P1 в качестве особого приема авторского воздействия на читателя (адресата), через обобщенное «мы». Личная форма «совместного действия» сокращает дистанцию между автором и адресатом, которую создает, в частности, непрямая коммуникация через письменный текст. Также через общее «мы» автор словно «приглашает» читателя согласиться с истинностью его утверждений. В примерах 253, 255 автор не призывает читателей быть искренними (отсутствует каузация), он хочет, чтобы читатель разделил его позицию.

В письменном дискурсе использование подобных конструкций облегчает восприятие информации и уточняет цель высказывания. Также их употребление привлекает или удерживает внимание адресата, создает эффект непосредственного живого разговора автора с читателем, будь то публицистический или художественный текст.

2 Sg – 2 P1

ДАК с глагольными формами второго лица почти не участвуют в образовании ДМ, поскольку в большинстве случаев они имеют императивное значение. Исключением из правила является глагол «знать», который обозначает неконтролируемое действие, несочетаемое по своей семантике с повелением. Говорящий не может заставить слушающего что-либо знать, поэтому императивная по форме конструкция мак. *да знаеш/да знаете*, серб. *да знаш/да знате* переходит в разряд дискурсивных.

Мак.: да знаеш / да знаете

Серб.: да знаш / да знате

- 256) «Ило, јас ќе те чекам вечер под крушата», рече. «Ќе дојдам Сандар», рече таа. «**Да знаеш**, ќе дојдам. Сега сама ќе си одам, да не ме види некој». (М. Фотев «Големите скитачи»). «Ило, я буду ждать тебя под грушей», сказал он. «Я приду, Сандар», сказала она. «Так и знай, я приду. Я сейчас пойду одна, чтобы меня никто не заметил».
- 257) Само **да си знаете**, ако еден фатат, ќе треба да вади скалпел и јазик да си пресече. Партизански. (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). *Только знайте, если кого-то схватят, он должен будет вынуть скальпель и отрезать себе язык. По-партизански.*
- 258) АНКА: Али, забога, госпођо, откуд ја, нисам ја таква. Ју, како ви ружно мишљење имате о мени! ЖИВКА: Е, ако ми то свршите, онда, **да знате**, имаћу лепо

мишљење о вама. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Анка: Боже мой, госпожа, почему я, я не такая. Как же вы плохо думаете обо мне! Живка: А вот вы сделайте для меня, тогда, знайте, я о вас буду хорошо думать.*

- 259) САВА: Теби је мало криво што видиш да скупљам хлеб. МИЛИЦИОНЕР: Јесте... И да **знаш**, има да ти помогнем. (Д. Ковачевић «Урнебесна комедија»). *Сава: Тебе досадно видеть, как я собираю хлеб. Милиционер: Твоя правда... И знай, я должен тебе помочь.*

Особенность данного дискурсивного маркера в том, что он сохраняет тесную связь с императивным значением, которую можно проследить. В примерах присутствует следующая интенция говорящего: «прими к сведению», «я хочу, чтобы ты обратил особое внимание на эти слова». ДМ сохраняет больше семантических связей с центральным императивным значением ДАК и переводился бы на русский как «знай», «чтоб ты знал», «так и знай».

Однако этот ДМ может тяготеть и к оптативному семантическому ядру. В этом случае его перевод на русский звучал бы так: «ты б только знал/знала». Говорящий усиливает иллокутивный эффект последующего сообщения, подтверждая истинность своего высказывания: если бы слушающий обладал таким же знанием, как и говорящий, он бы смог разделить его опыт.

- 260) – Што ти се случило, Ендрју, да не те маѓепсала некоја сирена таму на брегот? – Ох, само **да знаеш** колку имаш право! (Т. Урошевиќ «Акварин»). – *Что с тобой, Эндрю, уж не околдовала тебя какая-нибудь русалка там на берегу? – Ох, ты б только знал, как ты прав!*
- 261) Оливера Поточка се врати од Чехословачка и прво видување ќе ми рече: – Леле, **да знаеш** што ти донесов! – Од кај да знам, вела. (П. М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *Оливера Поточка вернулась из Чехословакии и при первой встрече мне говорит: - Ох, ты бы только знала, что я тебе привезла! – Откуда же мне знать, - отвечаю я ей.*
- 262) Рака: Јаој, **да знаш**, мама, што волим што је тата постао министар! Живка: Е?!... А зашто? Рака: Па, одсад, кад ме тата истуче, ја само скупим демонстрације, па се раздеремо: доле влада! (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Рака: Ах, мама, если б ты только знала, как мне нравится, что отец стал министром! Живка: Что так?! Почему? Рака: Потому что сейчас, когда отец поднимет на меня руку, я тут же соберу демонстрации, и мы как раскричимся: долой правительство!*

263) Гост: Ништа ново! Што не измислиш нешто ново, ти, бедна машто! Како сам се смртно досађивао са тобом, **да само знаш**. Како си ми била досадна, од првог дана. (Р. Константиновић «Обична, ох, кокошка»). *Гость: Ничего нового! Что же ты не придумашь чего-нибудь новенького, выдохлась фантазия! Как же мне было до смерти скучно с тобой, ты бы только знала. Как же я скучал с тобой, с первого дня.*

Независимые ДАК, выполняющие функцию направления и организации процесса коммуникации, представляют собой отдельную группу. Взаимодействие лично-числовых категорий глагола и его лексического значения в составе изначально неиндикативной ДАК дает ей возможность идиоматизироваться в коммуникативные клише и устойчивые формулы. Связь ДМ с императивным и оптативным значениями «закладывает» в них апеллятивный потенциал, что также создает благоприятные условия для формирования дискурсивов. Связь с центральными значениями ДАК также дает нам право говорить о вторичном характере ее дискурсивной функции.

3.4. Независимая ДАК в заголовочных комплексах СМИ и рекламных слоганах⁷⁹

Практически беспрепятственная конверсия ДАК из независимого в зависимый тип (или придаточную клаузу с союзом *да*), ее способность к парцеллярному употреблению без смысловой потери и стилистической погрешности обуславливает важную роль расширенного контекста для интерпретации ее точного значения (что, в принципе, является отличием почти всех аналитических конструкций). Тем больший интерес вызывает анализ функционирования ДАК в таких типах текстов как заголовки статей СМИ и рекламные слоганы. Эти жанровые разновидности текста объединяются спецификой коммуникативной задачи: привлечение внимания читателя / потенциального покупателя с помощью минимального количества знаков сообщения. Успешной реализацией иллокутивных намерений условного говорящего в рекламном дискурсе будет считаться совершение покупки товара адресатом или улучшение имиджа бренда товара рекламы или компании, выпускающей товар. В случае заголовков статей СМИ критерием успешного результата коммуникации можно считать число кликов на заголовок для просмотра основного текста статьи (на интернет-порталах). Сложная для прагматического анализа структура сообщений не

⁷⁹ В данной главе используется материал опубликованной статьи [Кикило 2019].

выстроена по классической модели «предсказуемой коммуникации» между говорящим и адресатом, а является примером коммуникации «турбулентной», когда «связи между участниками коммуникативного акта нелинейны, нестабильны и асимметричны» [Соколова 2014: 34], см. также [Александрова, Васильев 2013, Гуськова 2017].

В корпусе примеров были собраны случаи употребления, где формально ДАК не присоединяется к матричному предикату и одновременно функционирует в минимальном контексте (заголовок и слоган), достаточного для толкования ее значения. При этом предикат в заголовке часто дублирует какую-то часть основного текста статьи (расширенный контекст):

264) Милошоски: **Да им дадеме можност** на граѓаните да кажат што мислат за албанската платформа.

Доколку Заев е убеден дека платформата од Тирана е позитивна, нека се прифати второто решение, предвремени парламентарни избори заедно со локалните, за граѓаните да се изјаснат за секоја програма. **Да им дадеме можност** на граѓаните да кажат што мислат за платформата и дебатите околу прашањето за јазикот, геноцидот, уставот, грбот и химната. (интервью, НМ, 10.03.17). *Милошоски: Дадим возможность гражданам высказать свое мнение по албанской платформе. «Поскольку Заев уверен в том, что платформа Тираны позитивна, пусть будет принято второе решение, досрочные выборы в парламент и в органы местной власти, чтобы граждане высказались по поводу каждой программы. Дадим возможность гражданам выразить свое мнение по поводу платформы и дискуссий о языке, геноциде, конституции, гербе и гимне».*

265) **Да уџеџеџе, али да се не изгубиџеџе.**

Зато, по нашем мишљењу, Србија данас не треба да жури и по сваку цену закључује споразум о придруживању јер он, разуме се, обавезује. Али не би требало ни да бежимо од споразума, под условом да он не доводи у питање наше националне и државне интересе. Србија не треба да жури са уласком у ЕУ јер дуго **нећемо бити спремни**, пре свега економски, **да уџеџеџе а да се тамо не изгубиџеџе**, тако да од уласка имамо веће штете него користи. (Т. Ивановић, П, 02.07.09). *Давайте войдем, но не заблудимся. Поэтому Сербия, по нашему мнению, в настоящий момент не должна торопиться любой ценой заключить договор о присоединении, поскольку он,*

естественно, накладывает обязательства. Но и избегать соглашения не следует, при условии, что не ущемляем под вопрос наши национальные и государственные интересы. Сербия не должна спешить с вступлением в ЕС, поскольку мы еще долго не будем готовы – прежде всего, экономически – вступить туда и при этом не потеряться, так что присоединение несет больше вреда, чем пользы.

В примерах 264, 265 заголовочная ДАК имеет императивное значение. В первом независимая позиция конструкции очевидна и в заголовке, и в тексте статьи; однако в (265) ДАК уже зависит от предиката *нећемо бити спремни*, каузация, опознаваемая в ДАК в заголовке, утрачивается в подчинительной связи. Автор статьи выбирает для заглавия текста именно такую структуру, поскольку адресат-читатель угадывает за императивным высказыванием наличие определенного субъекта волеизъявления, который будет раскрыт в тексте статьи. Также использование императивной ДАК в заголовке «провоцирует» сознание читателя на включение диалогического режима вместо нарративно-информативного, в котором императивные формы не употребляются в своем прямом значении (ср. пр. 265, где одна и та же ДАК имеет разную функцию в зависимом и независимом употреблении). Морфосинтаксическая трансформация предиката работает на привлечение внимания читателя, поскольку диалогический режим более динамичен для восприятия.

Способность зависимых ДАК к синтаксической парцелляции дает основание исследователям выдвинуть гипотезу о том, что в заголовках статей используется как раз зависимый тип с эллипсисом фазовых и модальных модификаций *мора/треба/може*, которые часто эксплицитно выражены в расширенном контексте статьи (подобные трансформации описаны на других примерах в [Тополињска 2000:125]):

266) Интервју: Талат Џафери, претседател на Собранието на Република Македонија.

Да надвладеат разумот и аргументите, а не политиката.

Ние сме демократско општество и доколку сметаме дека треба да одиме напред, дебатата е одлика на демократиите од која не треба да се плаши никој. Но **треба да надвладеат** разумот и аргументите, а не политиката. (НМ, автор А. Србиновски, 07.08.17) *Интервју: Талат Џафери, председател Собранија Републики Македонија. Пусть победят разум и аргументы, а не политика. Мы демократическое общество, и пока мы считаем нашим долгом двигаться вперед, дискуссия – это признак*

демократии, которого никому не нужно бояться. Но должны победить разум и аргументы, а не политика.

267) **Стаматовић**: Србија **да се окрене** Евроазијској унији.

Кандидат за председника Милан Стаматовић **залаже се** за то **да се Србија**, уместо ка Европској унији, **окрене** према Евроазијској унији, Русији, Кини, Индији и свима који су, како каже, делом показали пријатељство према Србији. (blic.rs, 19.03.17). *Стаматовић: Србији следује повернути се в сторону Евразийског сојуза. Кандидат в президенти Милан Стаматовић выступае за то, чтобы Сербия, вместо Европейского союза, искала партнера в лице Евразийского союза, России, Китая, Индии и всех тех, кто, по его словам, показал на деле дружественные Сербии отношения.*

Такава трактовка неоправданно сужает спектр функционирования ДАК. Восстановление матричного глагола в примерах 266, 267 приводит к синтаксической трансформации типа ДАК, буквально «выключению» диалогического режима и потере апеллятивности, которые привлекали внимание читателя. Также императивное значение ДАК в целом ряде примеров подтверждается расширенным контекстом, где ее толкование зависит от главного предиката, включающего в себя каузацию действия, например мак. *повикува, бара*, серб. *залагати се, позвати*. В примере 269 примечательно изменение формы глагола с 1 РІ в заголовке на 3 РІ в основном тексте статьи, которое фиксирует переключение между диалогическим режимом и нарративным:

268) **Муралите** на Борко Лазески во Пошта **да бидат обновени**

Друштвото на ликовни уметници на Македонија изразува загриженост од оштетувањето на муралите на уметникот Борко Лазески во опожарената Пошта 1 и **бара** тие **да бидат обновени**. (портал «Дневник», 18.01.2013). *Муралы Борко Лазеского должны быть отреставрированы. Союз художников Македонии выражает беспокойство за судьбу поврежденных муралов художника Борко Лазеского в здании Почты 1, где случился пожар, и требуют, чтобы муралы были восстановлены.*

269) Fetel: **Da se trkamo** kao muškarci

Nakon sukoba u Bakuu, Sebastijan Fetel je **pozvao** glavnog konkurenta za titulu Luisa Hamiltona **da se «trkaju** kao odrasli muškarci». (Портал «N1.SK», autor Branislav Jocić, 27.

6. 2017). *Феттель: Давай состязаться по-мужски. После гонки в Баку Себастьян Феттель призвал главного конкурента за титул Льюиса Хэмилтона «состязаться по-мужски».*

Результаты анализа македонских и сербских примеров заголовков статей СМИ, их структурных особенностей и коммуникативной направленности указывают на императивную семантику ДАК. ДАК в заголовочных комплексах не следует определять как зависимый тип, напротив, дискурсивная специфика заголовочных комплексов раскрывает семантический потенциал независимой ДАК в обозначении ирреальных действий.

Следующие наглядные примеры вводят новый минимальный контекст употребления независимой ДАК – рекламный слоган (иллюстрации см. в Приложении):

270) **Da sve bude OKK!** *Чтобы все было ОКК!*

271) **Da fleke ne budu deo** *Vaše priče. Чтобы пятна не стали частью Вашей истории.*

272) **Peštan. Da sve teče po planu.** *Пештан. Чтобы все шло по плану.*

Рекламные слоганы отличаются от заголовочного комплекса статей тем, что непосредственно включены в пространство поликодового текста и не могут существовать вне его: для передачи информации и воздействия на адресата рекламный текст использует различные семиотические коды, самыми распространенными из которых являются а) вербальный; б) визуальный; в) аудиальный [Соколова 2014: 35]. Взаимодействие нескольких каналов передачи информации обуславливает один из основных принципов языка рекламы – оптимизацию языкового кода, тяготение к структурной неполноте и использование эллиптических конструкций. Это значит, что высказывание на рекламных плакатах невозможно «вычленивать» из расширенного контекста, который обеспечивают визуальные образы. И хотя формально ДАК в примерах 270, 271, 272 не имеет матричного предиката, ее сложно классифицировать как независимый тип. Данные высказывания представляют собой целевые придаточные предложения с союзом *da*. Поликодовость плаката позволяет опустить главную часть сложноподчиненного предложения, которая восстанавливается, если обратиться к коммуникативной задаче рекламного слогана: если речь идет о товаре, то эллиптическая часть предложения будет звучать как «Купите товар, чтобы...», если же речь идет об услуге – «Используйте услугу, чтобы...». Интересно отметить, что при переводе на русский язык данные слоганы будут звучать неестественно и громоздко;

использование зависимой части с союзом «чтобы» в изолированной позиции, без связи с главным предложением не является синтаксическим шаблоном в русском рекламном дискурсе. Относительная синтаксическая автономность сочетания союза *да* и финитного глагола от главной клаузы позволяет следовать принципу экономии языковых знаков в сообщении и создавать синтаксический шаблон в сфере рекламных слоганов на сербском языке.

Анализ контекстного окружения, как минимального (в рамках одного высказывания), так и расширенного (в рамках абзаца или внутри поликодового рекламного сообщения) очень важен при описании значений аналитических конструкций. С его помощью раскрывается модальный потенциал ДАК в македонском и сербском языках. Коммуникативные задачи высказываний в таких специфических типах сообщения, как рекламные слоганы или заголовки статей СМИ, определяют стилистику текста и выбор наиболее воздействующих на читателя форм и конструкций, среди которых не случайно находится ДАК.

Глава 4. Оптативное значение независимой ДАК⁸⁰

4.1. Семантика оптатива

Семантическая категория оптатива как составляющая многоаспектной категории модальности активно описывается лингвистами на материале разных языков, в том числе славянских. В этих исследованиях систематизируются лексические и грамматические средства для выражения оптативного значения. Их список очень широк, однако в славянских языках, как и во многих других европейских, значение оптатива обычно не представлено формой специализированного наклонения⁸¹. Для выражения семантики оптатива чаще всего используются или аналитические формы условного наклонения в независимой синтаксической позиции, или сочетание модальных частиц с индикативными/неиндикативными формами глагола⁸².

Оптативные высказывания обозначают «чистое» желание говорящего без попытки каузировать действие, тем самым они отличаются от близких им повелительных высказываний⁸³. Говорящий не имеет контроля над желаемым действием или его предполагаемыми исполнителями, поэтому каузация невозможна. Также оптативные конструкции, включающие глагольные формы, не имеют лакун в лично-числовой парадигме: говорящий может высказываться о желаниях, направленных как на него самого, так и на других лиц.

Оптатив по своей семантической природе категория эгоцентрическая⁸⁴, т. е. ориентирован на фигуру говорящего. В оптативных высказываниях обязательно должен идентифицироваться субъект желания. Поэтому данным конструкциям свойствен диалогический режим, когда говорящий и слушающий взаимодействуют напрямую (273). Также они встречаются в текстах, где повествование имеет сильную эгоцентрическую доминанту, а именно ведется от первого лица. В художественных произведениях в роли говорящего может выступать рассказчик – персонаж, который приоткрывает читателям свои мысли и желания, непосредственно наблюдая и участвуя в событиях мира текста (274); в публицистических текстах повествование от первого

⁸⁰ Результаты главы отражены в статье [Кикило 2020б]

⁸¹ Семантическая категория оптатива и закономерности ее формальных реализаций в европейских – и отдельно славянских языках представлены в работе [Корди 1990].

⁸² О модальных конструкциях в славянских языках см. обзор [Молошная 1990].

⁸³ Данное определение категории оптатива встречается в работах: [Плунгян 2011: 327, Гусев 2013: 247].

⁸⁴ Эгоцентрические семантические категории, в которых фигура говорящего имеет ключевое значение, описывает Е. В. Падучева [Падучева 1996, 2019].

лица имитирует непосредственную коммуникацию автора и читателя, максимально приближая данные роли к канонической речевой ситуации общения (275).

- 273) Си го миеме лицето, вратот, но без сапун, не се турка ирата. Ех, **да ни е нашана вода**, си велиме, таа фаќа и без сапун. Оваа вода може вода да ѝ носи на нашана вода, вели Оливера, може вода да ѝ потура. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Моем лице, шею, но без мыла грязь не сходит. Эх, вот бы нам нашу воду, приговариваем мы, она и без мыла отмоет. Этой воде до нашей далеко, говорит Оливера, куда ей до нашей воды.*
- 274) Таа за мене беше суштество од друга планета кое заслужува посебен третман. Ах, **да беше моја**. Не знам дали ја импонираше фактот што тој идиот ја третираше како сите други, или пак ѝ беше предизвик. (К. Николова «Идиотски приказни»). *Она была для меня существом с другой планеты, которое требует особого отношения. Ах, если бы она была моей! Не знаю, было ли ей по вкусу, что тот идиот никак не выделял ее или это было для нее вызовом.*
- 275) Откако лудациве прскаа демек против комарци, комарциве ме навасаа како никогаш до сега. Ги има милиони, милијарди... ма какви, илјадници ги има. **Само да ми е да знам** со што тоа прскаа надлежните. (С. Мацановски «Трендоленд»). *С тех пор, как эти сумасшедшие опрыскали тут всё вокруг якобы от комаров, комары стали досаждают мне как никогда. Их миллионы, миллиарды... да что уж там, тысячи. Только вот бы узнать, чем же таким прыскали соответствующие службы.*

Семантика оптатива ограничува употребување оптативних конструкциј в нарративном режиме, поскольку они не описывают объективное состояние ситуации, а выражают личное отношение говорящего к ней. Если таковые появляются в повествовании, они расцениваются как несобственно-прямая речь персонажа произведения:

- 276) Вчерашниов осамен истрел пак ги разгоре неговите мисли и ги подгреа неговите надежи Дедо Иван е жив и здрав! Бојан гореше од желба да испука еден, два фишека, да му јави на старецот дека го чул, но гневот, омразата што ја чувствуваше кон волците, го спречуваа. Оваа ноќ требаше да биде негова борба, негова одмазда. Само нека дојдат! **Само да дојдат**. Се намести до малата

вратичка, се завитка убаво во чергите и целиот се претвори во чекање. (Г. Поповски «Бојан»). *Вчерашній одинокий выстрел снова взбудоражил его мысли, подарив надежду. Дед Иван цел и невредим! Боян горел желанием дать один-два залпа, подать знак старику, что он услышан, но гнев и злость на волков остановили Бояна. Эта ночь должна быть только его схваткой, его мстью. Пусть только подойдут! Только бы подошли! Он устроился у калитки, хорошенько закутался в покрывало и весь обратился в слух.*

В этом случае автор использует оптативные конструкции в качестве дополнительных выразительных средств языка, чтобы повысить эмоциональную тональность повествования.

Конструкции со значением желания регулярно сочетаются с определенным кругом междометий, частиц или наречий, которые указывают:

а) на степень интенсивности желания говорящего;

мак., серб. междометия: *ах, ех*;

частицы:

мак. *камо*⁸⁵, *кешки/кешке*

серб. *камо, дабогда*;

пер. рус.: «вот бы», «лучше бы», «хорошо бы», «дай бог»;

б) исключительности желания, осуществление которого важнее других;

частицы/наречия:

мак. *само, барем*;

серб. *само, бар / барем*;

пер. рус.: «только бы», «хоть бы» / «хотя бы».

Мы будем называть эти элементы оптативными маркерами, так как они добавляют дополнительные смысловые оттенки в значение конструкции. Они не имеют фиксированного положения в предложении и не являются составной частью оптативной конструкции. Скорее их употребление можно считать «естественным» окружением, ср.: «particles are *prototypical* rather than *obligatory* for optatives (i.e. optatives do not require particles, but optatives are most natural if they do contain particles)» [Grosz 2012: 213].

⁸⁵ О функциях и семантике оптативной частицы *камо* подробнее см. [Николовска 2019].

4.2. Классификация оптативных значений. Гипотетические и контрфактивные типы ситуаций

Описание оптативных значений, выражаемых ДАК, опирается на семантическую классификацию, указанную в работах Н. Р. Добрушиной [2009, 2012, 2016]:

а) контрфактивный статус ситуации – говорящий знает, что желаемая ситуация не имела места в действительности и уже не имеет шансов осуществиться в настоящем или будущем;

б) гипотетический статус ситуации – говорящий считает, что желаемая ситуация, которая не реализована в действительности, может иметь место в настоящем или будущем;

Контрфактивные и гипотетические оптативные ситуации в македонском языке распределяются между двумя типами независимой ДАК [Конески 2004: 429], дифференциация которых зависит от глагольной формы после модальной союзной частицы *да*:

- форма имперфекта *да + impf* (277) маркирует контрфактивные желания;
- форма презенса *да + praes* (278) маркирует гипотетические.

277) Меморијалниот центар на холокаустот на Евреите од Македонија изникна како феникс на просторот на некогашното Еврејско маало во Скопје. <...> **Да не се случеше, да не се изградеше!** Но, се случи и се изгради. (Статья «Еврејско маало», porta3.com.mk). *Центр памяти жертв холокоста в Македонию возродился, как феникс, на месте бывшего еврейского квартала в Скопье. <...> Ах, если бы не было холокоста, и не нужно было бы строить! Но он был, и Центр построен.*

278) Македонец фатил златна рипка. Првата желба: – **Да му умре** кравата на комшијата.

– Добро. Втората желба: – **Да му умре** кравата и на другиот комшија.– Добро.

Третата желба: – **Да умре** и мојата крава. – А зошто и твојата? – Да немаат од каде да си купат млеко. (Анекдот, motika.com.mk, 13.06.19). *Македонец поймал золотую рыбку. Первое желание: - Пусть у соседа корова сдохнет. – Хорошо. Второе желание: - Пусть и у другого соседа корова сдохнет. – Хорошо. Третье желание: - Пусть и моя корова сдохнет. – Зачем твоей-то подыхать? – Чтоб негде было им купить молока.*

В описании глагольных средств выражения оптативной модальности сербского языка грамматики приводят а) транспозитивное употребление перфекта без вспомогательного глагола (серб. *крњи перфекат* или *глаголски радни придев*) в экспрессивных устойчивых выражениях типа *Живи били па видели!* «Поживем – увидим!»; б) конструкции *да + praes* и *нека + praes* с глаголами 3 лица [Стевановић 1989: 624; НГ 2014: 184, 215, 406; СССЈ 2005: 641-642].

Нас будет интересовать независимая ДАК в оптативном значении. Как и в македонском языке, в сербском выделяется не только конструкция *да + praes* (279) для обозначения гипотетических оптативных ситуаций, но и сочетание *да + perf* (280), маркирующее ситуации контрфактивного статуса. В следующих примерах формально оба типа ДАК не имеют подчиняющего предиката и трактуются как независимые.

- 279) Ката (у чуду): Луда ли си? Ташана (горко, с насладом): Јест луда, да! Ох, камо **да сам** сасвим луда, сасвим мртва, те бар онда **да** ништа **не видим**, ништа **не знам...** (Б. Станковић «Ташана»). Ката (удивленно): Ты сумасшедшая? Ташана (горько, с наслаждением): О, да, сумасшедшая! Ох, вот бы совсем лишиться ума, совсем умереть, тогда бы я совсем ничего не видела и ничего не знала...
- 280) Василије: А што је Рајна после певала! **Да сте** то **видели** и **чули!** Како иде она песма, она што ти је мајка певала кад си била мала? (Д. Ковачевић «Урнебесна трагедија»). А што Рајна пела после! Если б вы только это видели и слышали! Как звучит та песня, которую тебе мама пела, когда ты была маленькой?

Так же как и в императивных ДАК, формы глагола теряют свое временное значение, модифицируют его в составе конструкций с частицей *да*. Согласно терминологии [Храковский, Мальчуков 2015: 18] происходит реинтерпретация темпоральных показателей, которые в нефактивных контекстах не показывают расположение действия на шкале времени относительно момента речи, а описывают желательные ситуации как вероятные (презенс) или маловероятные / невозможные (имперфект/перфект) с точки зрения говорящего, поскольку временная отнесенность не так релевантна для события, которое не имело места [Там же: 13].

Контрфактивные оптативные ситуации всегда описываются с помощью конструкции *да + impf* в македонском и *да + perf* в сербском в том случае, если речь идет о действии, которое не произошло в определенный момент в прошлом, и говорящий точно знает и сожалеет об этом:

- 281) Кујнскиот: Ах, тогаш **да** го **имав сегашниов ум!** (Ж. Чинго «Работници»). *Шеф-повар: Ах, кабы мне тогда теперешний ум!*
- 282) На клупата под мојот балкон три момчиња со бебешка кожа и со гелосана коса виткаат тревка, си ја подаваат со таква леснотија и безгрижност, божем е компјутерска игра. Излегов на балконот да ги собирам сувите алишта и не сакајќи погледот премногу го задржав на нивните долги трепки. «Сакате?» ми довикна момчето што седеше во средината. Им се насмевнав и одмавнав со глава. **Да рече** барем «Сакаш?» Момчето од левата страна го подбутна со лакотот, нешто промрмореа и станаа. (Л. Димковска «Скриена камера»). *На лавочке под моим балконом трое парнишек с кожей младенцев и намажанными гелем волосами скручивают косячок и передают друг другу так легко и беззаботно, как будто это компьютерная игра. Я вышла на балкон снять высохшее белье, и мой взгляд невольно задержался на их длинных ресницах. «Хотите?» – крикнул сидевший посередине. Я улыбнулась им и мотнула головой. Хоть бы сказал: «Хочешь?» Парень слева толкнул его локтем, они что-то пробормотали и поднялись.*
- 283) Не кажу цабе: «Ех **да сам имао ову главу**». То кажу када је воз већ прошао. (Интервју Д. Тадич, beli-orlovi.com, 07.03.19). *Не зря говорят: «Эх, вот бы мне тогда мою голову». Так говорят, когда поезд уже ушел.*
- 284) **Да смо бар имали** један митраљез! **Да је пукао** бар један топ! Овако се чекало с пушком и бомбом. (В. С. Петковић «Од Рама до Крфа 1915»). *Если бы у нас был хоть один пулемет! Хоть бы одна пушка выстрелила! Так все ждали, вооруженные только ружьем и гранатой.*

В контрфактивных контекстах говорящий может относить желаемое событие к какому-либо моменту в прошлом, тем самым подчеркивая его неосуществимость (281), сопоставлять с реально произошедшим фактом (282, 283). Контрфактивность желаемой ситуации проверяется тестом на ее истинность или ложность: «если пропозиция контрфактивна, то истинной является ее противоположность» [Добрушина 2016: 198]. В македонском примере 277 контрфактивная природа желаемой ситуации подтверждается аористными формами, они подчеркивают, что действие уже осуществилось и ничего исправить нельзя: *Но, се случи и се изгради*. В сербском примере 284 противопоставляются перфект в ДАК *да смо бар имали митраљез* с нефактивным значением нереализованного действия в прошлом и перфект реально произошедшего действия *овако се чекало*.

Конструкция *да + praes*, прежде всего, функционирует в сфере гипотетических оптативных ситуаций, которые не имеют места в действительности, но, по мнению говорящего, имеют некоторый шанс осуществиться:

- 285) Камо јас **да можам** да ослабнам! – воздивна Ержбет. (Р. Бужаровска «Осмица»).
Вот бы мне похудеть! – вздохнула Эржбет.
- 286) Не цабе еден мој колега на времето им викаше на оние од спортска редакција: **да** ви го **имам мозокот** на еден ден, да одморам малку. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Не зря один мой коллега говорил людям из спортивной редакции: вот бы мне ваши мозги, я бы денек отдохнул.*
- 287) – Па што е толку шокантно? – се зачудив. – Како што е? Има две свои слаткарници и «фабрика» за колачи, а јаде на друго место. Повеќе ѝ се допаѓале тие, од нивните! Ех, **да сум на нејзино место!** (Ј. Михајловска-Георгиева «Игбал, мојата тајна»). – *А что тут такого удивительного? – не понял я. – Как что? У нее свои две кондитерские и фабрика сладостей, а ест она в другом месте. Дескать, ей больше нравятся те, их! Эх, быть бы мне на ее месте!*
- 288) Урока ради, попрска Црног по глави, врачајући. – **Да ти се роди** унук, Црни! Видећеш, биће мушко! (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Чтобы не взглянуть, он побрызгал Черного по голове, читая заговор. – Пусть у тебя родится внук, Черный! Вот увидишь, будет мальчик!*
- 289) Теја: Вама у част, господине Грабиньски, за сјајан препев Дучићевих стихова на польски, ту вашу несталу балерину одмах ќе пронаћи. **Да имамо** привреду као полицију! (Д. Ковачевић Душан. «Урнебесна комедија»). *Тея: В знак уважения, господин Грабиньский, в честь прекрасного перевода стихов Дучича на польский, они быстро найдут эту вашу беглянку-балерину. Вот бы у нас экономика была такая, как полиция!*

Следует отметить, что вероятность реализации желательной ситуации в настоящем и будущем не может быть оценена. Конструкции *да + praes* могут обозначать даже не реализуемые исходя из здравого смысла ситуации (286, 287). Отнесенность желаемого события к будущему дает право говорящему оценивать его как осуществимое вне зависимости от действительного положения дел.

В македонском языке в целом прослеживается тенденция четкого распределения конструкций *да + impf* и *да + praes* для описания контрфактивных и гипотетических оптативных ситуаций соответственно. Однако существует зона пересечения этих

употреблений, когда действие, выраженное конструкцией *да + impf*, относится к настоящему и будущему, а оптативные ситуации имеют шанс реализоваться, ср. употребление двух конструкций (пример 290 vs. примеры 291, 292) в схожих контекстах.

290) – Ако се вратиме, вели Коста, дамите канат. – Молчи, велама, не сме на играшка. – Море, ќе удриме еден валцер, вели, и дрвјата да се кренат по нас. Стоиме на работ од една чистинка, а треба и таа да се помине, да се претрча. – **Да има** сега една ракија, вели Цветан, и една здробена марула со варено јајце и сушени маслинки. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). – *Если вернемся, – говорит Коста, – дамы приглашают. – Молчи, – отвечаю ему я, мы не на танцах. – Эх, как закружился в вальсе, – говорит, – да так, что деревья за нами следом. Мы стоим перед полянкой, и ее нужно как-то пройти, перебежать. – Сейчас бы ракии, – говорит Цветан, – покрошить листья салата, да с вареным яичком, с сушеными маслинами.*

291) Доне талкаше од оган на оган, се загледуваше во сите жени надевајќи се дека во некоја ќе ја препознае мајката на девојчето, ама наместо неа надраба на старецот токму кога туфна: «Туф бре **да ми беше веленцето!**» (Т. Георгиевски «Време на молчење»). *Доне плелся от костра к костру, заглядывал в лица женщин в надежде узнать в одной из них мать девочки, но вместо нее набрел на старика, когда тот вздохнул: «Эх, вот бы мне сейчас мое одеяльце!».*

292) «Цел ден те немаше!» рече старецот. «Се уплашив да не си заминал така...» додаде оти Доне ништо не рече. И се раскашла. (...) Одвај си го поврати здивот. <...> «Бре бре **прст тутун да се имаше!**» си рече повеќе за себе сакајќи да се оправда што кашлаше <...> (Т. Георгиевски «Време на молчење»). – *Целый день ты где-то пропал! – сказал старик. – Я испугался, не ушел ли ты насовсем... – добавил он, так как Доне ничего не ответил. Старик зашелся в кашле. (...) Он насилу раздышался. <...> – Эх, эх, вот бы сейчас чуток табака! – сказал старик скорее самому себе, пытаясь оправдаться за приступ кашля <...>.*

В примерах (291, 292) говорящий хочет, чтобы наступила некоторая ситуация в настоящем, изменилось положение дел, но, маркируя свое желание контрфактивной ДАК, он показывает, что, по его мнению, вероятность осуществления данного желания сводится к нулю. Оптативное значение сохранится, если в примерах заменить конструкцию *да + impf* на конструкцию *да + praes*, ср.: «...старецот туфна: “Туф бре **да**

ми е веленцето сега овде” / “Бре бре прст тутун да се има!”», однако при этом не будет выражено то, что говорящий субъективно оценивает вероятность реализации желаемой ситуации как низкую. В этом случае контрфактивная оптативная ДАК доносит информацию не только о том, что говорящий желает, чтобы ситуация реализовалась, но и о том, что, по его мнению, ситуация вряд ли будет иметь место в настоящем или будущем⁸⁶. Благодаря этому задается и соответствующая эмоциональная тональность высказывания, отличная от нейтральной, которой соответствует конструкция *da + praes*.

В зону колебания употреблений двух типов ДАК часто попадают оптативные высказывания, в составе которых присутствует модальный глагол *може*. Если оптативная ситуация относится к плану настоящего или будущего, то выбор между двумя типами ДАК также зависит от субъективной оценки говорящим вероятности осуществления ситуации:

293) Млада сум сеуште, но немам желба за живот затоа што знам како живеам, не сум веќе слепа и не сакам да затворам очи повеќе пред се́ и да се правам дека не гледам. **Камо да можев** да легнам, да затворам очи и само една песна да ми свони во глава, само еден стих кој ќе ме потсеќа на него, на пријателите, на семејството, на мајка ми, на убавите моменти и за миг да заборавам каде сум и која сум, да не чувствувам ништо повеќе, да не ме боли толку многу, да заборавам се па дури и него. Само еднаш, бар еднаш **да можам да бидам далеку** од се, да си ги средам мислите, да го заборавам него, да не ме боли веќе, да имам едно жарче желба за живот за да продолжам понатаму од каде што застанав, за да можам повторно да сакам како пред некое време. (С. Ориѓанска «Живот», kazi.mk, 07.05.14). *Я еще молода, но во мне нет желания жить, потому что я знаю, как я живу, я уже не слепа и не хочу больше закрывать глаза на все и делать вид, что ничего не замечаю. Если б только я могла лечь, закрыть глаза, и тогда только бы одна песня звучала в моей голове, один стих, который будет напоминать мне о нем, о друзьях, о семье, о матери, обо всех прекрасных моментах, и на миг я забудусь, где я и кто я, не буду чувствовать больше ничего, и уже не будет так болеть внутри, я забуду все и даже о нем. Только раз, только бы раз оказаться вдалеке от всего, чтобы привести мысли в порядок, чтобы забыть его, чтобы боль ушла, чтобы сохранилась хоть искра жизни во мне, чтобы продолжить с того места, где я остановилась, чтобы снова любить как прежде.*

⁸⁶ О похожем значении *da*-конструкции в болгарском языке см.: [Ницолова 2008: 422].

В примере (293) особенно ярко проявляется эмоциональная составляющая двух оптативных конструкций. Девушка пишет о своих переживаниях в настоящий момент, но при этом две в равной степени гипотетические ситуации выражены с помощью конструкций *da + impf* и *da + praes*. Очевидно, что конструкция (*Камо да можев да легнам, да затворам очи...*) не является в этом контексте примером прототипической контрфактивной ситуации (желание альтернативного развития событий в прошлом), а конструкция *da + impf* повышает эмоциональную тональность текста.

В сербском конструкция *da + perf* регулярно означает желание говорящего, отнесенное к не произошедшему, контрфактивному событию в прошлом.

Желание осуществления ситуации, которая относится к настоящему моменту или будущему, может выражаться формами прошедших времен в ДАК, если повествование ведется в нарративном прошедшем времени:

- 294) Тој стисна очи и се мачеше да се занесе, да не мисли за ништо. Но тоа беше залуден напор. Се почна една бескрајна и луда виулица на раскинати парчиња од преживеаното. **Да можеше** барем сево ова одеднаш да помине во сон! (Б. Конески «Лозје»). *Он сомкнул глаза и мучительно пытался забыться, не думать ни о чем. Но его попытки были напрасны. Закружила бесконечная шальная метель из кусочков воспоминаний. Если бы только можно было переждать ее во сне!*
- 295) Ali primiti ga, to je značilo priznati svoju pogrešku, svoje nemoguće misli, priznati pred sobom svoj strašni egoizam, pokoriti se pred nečim što je dolazilo u obliku dobrote i ljubavi baš u onom času kada je njegovo srce previralo od mržnje i zloće. On ne osećaše dovoljno snage da se prikloni i «ponizi». **Da je bar mogao šetati, činiti pokrete!** On nije mogao više izdržati u svojoj fotelji. Ali posle dva minuta teškog hoda, uz pomoć štapova, on se ponovo sruči na svoje mesto. (B. Ćosić «Dva carstva», KSSJ). *Но принять его, это значит признать свою ошибку, свои невозможные мысли, признаться самому себе в страшном эгоизме, покориться перед тем, что приходило в облике доброты и любви, как раз в тот момент, когда его сердце переполнялось злостью и ненавистью. Он был не в силах поддаться и тем унижить себя. Если бы он только мог ходить, двигаться! Он не мог больше сидеть в кресле. Но после мучительных двух минут ходьбы на костылях, он снова рухнул на свое место.*

Здесь повествователь с помощью оптативных конструкций передает желание героя, его чувства и ощущения. В примере (294) герой не верит, что мучительные воспоминания пройдут во сне; в (295) герой сожалеет, что в конкретный момент его настоящего он не может ходить.

Среди македонских примеров встретился один контекст, в котором оптативная ДАК содержит глагольную форму плюсквамперфекта:

296) Презаситени сте веќе, се збогативте веќе и се зацаривте без нас; **камо да се бевте зацариле**, та и ние да царуваме со вас! (1 Кор. 4:8). *Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!* (Синодальный перевод).

Плюсквамперфект при его включении в оптативную конструкцию указывает на отсутствующий результат желаемого действия, который, в случае его осуществления, имел бы место в прошлом. Ср. перифраз этого места Священного Писания: «И что значит полученное вами – в сравнении с тем, что получили апостолы? Уже при малых дарах, полученных вами, вы насытились и обогатились и без нас, то есть при нас (при нашей жизни) царствуете. Хорошо бы вам царствовать с ними (апостолами), дабы и нам, имеющим эти дары, с вами царствовать»⁸⁷.

4.3. Проблема соотношения оптативных ДАК и конструкций условного периода

Исследователи описывают регулярное соотношение между конструкциями, выражающими оптативные значения, и гипотетическими/контрфактивными конструкциями условного периода в разных языках мира, см. напр. [Добрушина 2001а, 2009, Grosz 2012, Котин 2017]. Конструкции в протазисе, описывающие потенциально выполнимое условие, в независимой позиции будут маркировать гипотетическую оптативную ситуацию; конструкции с контрфактивным значением (осуществление условия оценивается как невозможное) в протазисе, оказавшись в изолированной, независимой позиции, будут маркировать контрфактивные пожелания. Описанная корреляция свойственна и оптативным ДАК в сербском и македонском языках:

⁸⁷ *Ефрем Сирийский*. Творения / издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. [Репринт. изд.]. Т. 7. М. : Отчий дом, 1995. [Толкование св. Ефрема на послания ап. Павла: К Коринфянам 1-е: с. 59–110]. Цит. по: <https://predanie.ru/book/68300-tolkovaniya-na-novyj-zavet/#/toc19>.

I. Гипотетические конструкции в протазисе – конструкция гипотетического оптатива

297) Кај нас во моментов повеќе е потребен «Прирачник за самоцензура». **Камо да ме фати** инает и **да не ме мрзи**, и јас би можел, врз основа на моето скромно искуство, да напишам еден таков корисен водич за помладите колеги. (колумна Г. Михајловски, vesti.mk, 26.10.13). *Сейчас мы больше всего нуждаемся в «Руководстве по самоцензуре». Если бы я задался целью и не поленился бы, мог бы написать, взяв за основу мой скромный опыт, такой полезный путеводитель для молодых коллег.*

Сравни: **Камо да ме фати инает и да не ме мрзи!** *Вот бы меня охватила решимость, а лень оставила!*

298) **Da je bar 10 milijardi evra uloženo** u železnicu, Srbijom bi danas krstarili vozovi brzinom od 200 na sat. (rts.rs, 11.01.09, KSSJ). *Если бы хоть 10 миллиардов евро было инвестировано в железные дороги, в Сербии бы сейчас ездили воезда со скоростью 200 км/ч.*

Сравни: **Da je bar 10 milijardi evra uloženo** u železnicu! *Вот бы хотя бы 10 миллиардов было инвестировано в железные дороги!*

II. Контрфактивные конструкции в протазисе – конструкция контрфактивного оптатива

299) Горан Пандев беше посочен како «предавник» фудбалер кој избегнува да игра за репрезентацијата, а игра за клубот. <...> **«Камо да беа сите «предавници»** како Горан Пандев ќе беше многу подобро...» (статья «Пандев: Да не се руши атмосферата!», 24fudbal.com.mk, 13.11.11). *Горана Пандева выставили «предателем», футболист, который избегает играть в сборной, а играет за клуб. <...> «Вот бы все были такими «предателями» как Горан Пандев, было бы очень здорово...».*

Сравни: **Камо да беа сите «предавници»** како Горан Пандев! *Были бы все такими предателями, как Горан Пандев!*

300) **Да није било рата**, ја бих се 1941. године оженио касирком из ресторана «Руски цар», Миленом Максимовић, удовицом руског белог ђенерала Фјодора Максимовића, и данас бих имао, како сам онда био у пуној снази, 7 синова, 25 унука и 150 праунука. (...) Е, **само да није било** овог проклетог рата – уздахну старац. (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Если бы не было войны, я бы в 1941 году женился на кассирше Милене Максимович, вдове русского белого*

генерала Федора Максимовича, и сегодня у меня бы было, ведь я был в полном расцвете сил, 7 сыновей, 25 внуков и 150 правнуков. (...) Эх, если б только не было этой проклятой войны, - вздохнул старик.

Оптативное значение гипотетических и контрфактивных ситуаций, выраженных ДАК в македонском, описывается как «вторичная деривация из условных *да*-предложений» в [Бужаровска 1999: 218, Тополињска 2008: 56-57], вторичное оптативное употребление протазиса отмечается и в [Kramer 1986: 46]. В сербских грамматиках просматривается непоследовательность, поскольку к средствам выражения оптатива причисляются только презентные ДАК [СССЈ 2005: 641-643]; конструкции *да + perf*, коррелирующие с условным периодом с контрфактивной семантикой, не включаются в ряд средств оптативной модальности, можно предположить, что лингвисты считают их эллиптическими условными конструкциями без эксплицитного аподозиса.

На настоящем этапе исследования мы оставим за рамками последовательное сравнение союзного употребления *да* в протазисе и оптативных ДАК независимой предикации. Концентрируя внимание на закономерностях функционирования оптативных ДАК, мы приведем тезисы, которые позволяют интерпретировать их как самостоятельно функционирующие единицы:

а) В независимой синтаксической позиции протазис становится конвенционализированной конструкцией (термин из работы [Evans 2007:372-374]) с собственной системой значений (сема «желание» в протазисе, как видно из примеров, является факультативной и может отсутствовать, показательным является пример 301, где говорящий использует одно сочетание *да+Vfin* в разных функциях).

б) Оптативные глагольные конструкции не описывают желание говорящего, а экспрессивно выражают его эмоцию, ср.: «the speaker directly expresses an emotion rather than describing it» [Grosz 2012: 329], также [Золотова 2004: 142].

в) Высказывания с оптативными конструкциями имеют законченную интонацию и экскламативную просодику, что указывает на их автономность [Котин 2017:127].

г) Оптативные маркеры (напр. слова мак. *барем, само, кешке*; серб. *бар, само, камо*) взаимодействуют с семантикой конструкций желания, поддерживая общий волитивный контекст.

д) Оптативные глагольные конструкции могут формировать «структурно главное предложение в гипотаксисе в сочетании с придаточным, например, придаточным цели» [Там же].

Примечание: Последний из принимаемых нами аргументов М.Л. Котин подтверждает примером, который был рассмотрен нами в македонском переводе цитаты из послания ап. Павла к коринфянам (29б) и который содержит исключительно редкую для оптативной ДАК форму плюсквамперфекта с результативным значением. Приведем для сопоставления анализ М.Л. Котина той же цитаты на готском (32) и греческом (33), выводы о синтаксической структуре вполне применимы и к македонскому варианту:

- «(69) а. (=32) **jah wainei þiudanodedeiþ**, ei jah weis izwis **mipþiudanoma!**
б. (=33) καὶ ὄφελόν γε ἐβασιλεύσατε, ἴνα καὶ ἡμεῖς ὑμῖν **συμβασιλεύσωμεν!**
'О если бы вы (действительно) царствовали, чтобы и мы могли с вами царствовать!'

Налицо редчайший пример сложного предложения, которое формально состоит из двух придаточных (второе является придаточным целеполагания) и не имеет главного. С точки зрения структуры гипотаксиса подобная конструкция, конечно, невозможна, а потому требует иной интерпретации. Очевидно, что первая часть гипотаксиса должна трактоваться как автономная синтагма (т.е. по сути главное предложение), что, между прочим, доказывается наличием в греческом оригинале уже рассмотренного выше подробно застывшего иллокутивного маркера ὄφελόν, которому в готском соответствует *wainei*, а в русском — междометие *о(!)*». [Там же: 126].

Корреляция форм условного периода и оптативных конструкций в очередной раз показывает тесную взаимосвязь между независимой ДАК и союзом *да*, которая говорит в пользу их структурного родства. Однако узуальное использование независимых ДАК в оптативном значении без эксплицитного контекста обусловленности делает их самостоятельными синтаксическими единицами.

4.4. «Магический» оптатив

«Магическим» оптативом будут условно называться значения, которые выражены в формулах речевого этикета, благопожелания, проклятия. Главная особенность «магического» оптатива в том, что он обладает иллокутивной силой, приближенной к императивной (особенно в форме 2 Sg): говорящий самим высказыванием пытается воплотить желание в жизнь. Как отмечает Н. Р. Добрушина, «Парадоксальным образом, в значении речевых актов благословения и проклятия соединяется невозможность контролировать ситуацию с попыткой воздействовать на нее. Произнося такое высказывание, говорящий рассматривает ситуацию как независящую от его воли и не возлагает ответственность за ее реализацию ни на кого конкретно. Сам акт произнесения вслух этого пожелания может повлиять на положение дел» [2001а: 13].

Семантика «магического» оптатива отличается от гипотетического или контрфактивного, также данный тип оптатива имеет определенные отличия и на формальном уровне выражения. Пожелания добра или зла в македонском выражаются следующими оптативными конструкциями:

- а) *да + praes* (310);
- б) *нека + praes* (301);
- в) *да + perf* (302);
- г) *да + потенциал* (12);

- 301) – **Бог нека го прости**, да го направиме обичајот – рече попот. (Б. Смаќоски «Корениште»). – *Да простит его Бог, давайте соблюдать обычай, – сказал поп.*
- 302) Ги стегам рацете, ги стегам годините **пусти да биле**, си мислам заспиј будала, утре пат те чека... (Б. Иванов «Избор»). *Я сжимаю руки, сжимаю года, будь они прокляты, думаю себе, да, засни уже, дурак, завтра тебя ждет дорога...*

Формы перфекта и потенциала в «магических» оптативах ДАК считаются архаичными в современном македонском языке, не являются продуктивными моделями образования оптативных высказываний [Kramer 1986: 44].

Как уже было упомянуто, модальная реинтерпретация перфектных форм связана с транспозицией значения в сферу будущего, гипотетически вероятного действия. Базовое значение перфекта представляет желаемое действие как уже свершившееся [Виноградова, Седакова 2009: 287], что повышает экспрессивность формулы благопожелания/проклятия и ее иллокутивную силу.

В сербском языке главной оптативной формой считается бессвязочный перфект (серб. *крњи перфекат*), характерный для формул благопожеланий и проклятий (единственно эту форму в [НГ 2014: 184] выделяют в качестве грамматического показателя оптатива), напр.:

- 303) **Живео** нам хиљаду година, докторе Константине! (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Будь жив-здоров тысячу лет, доктор Константин!*
- 304) **Баво те однео!** Зар те нико није научио да куцаш? («Разговор са чудовиштем», Политикин Забавник, 21.7.17). *Черт побери! Тебя стучаться не научили?*
- 305) ...iako ih je napredak zaobilazio ili ih stizala najgora kletva «**dabogda imao pa nemaо**» (Politika, 01.08.10, KSSJ). *...хотя успех их обходил стороной, или их*

настигло самое страшное проклятие «дай Бог, тебе все иметь, а потом потерять».

Хотя в сербском перфектная форма глагола действительно имеет специализированное значение «магического» оптатива (только в благо- и злопожеланиях), ДАК конкурирует с ней в этой функционально-семантической зоне, ср. пр. 306 и 307, а также пример 308 из сборника [Марковић 1994]:

- 306) Идите и немојте, **ђаво да вас однесе**, да ме оговарате, јер, ко зна, данас-сутра могу ја опет бити министарка. (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Идите и не смейте, черт бы вас побрал, гадости говорить за моей спиной, потому что, кто знает, не сегодня-завтра я могу опять стать министершей!*
- 307) **Да смо живи и здрави** још година сто / **да је** песме и вина / и **да нас чува Бог...** (песня «Моји другови», группа «Бајага и Инструктори»). *Пусть будет нам отведено еще лет сто / пусть будут песни и вино / храни нас Бог...*
- 308) **Дабогда да се распаднеш!** *Чтоб ты развалился!*

В македонском языке группа «магических» оптативов выражается ДАК с презентным, а не имперфектным глаголом, что обусловлено семантикой пожелания: оно всегда отнесено в гипотетический план будущего. В примере 309 использована формула приветствия *здравје да имаш*, которая была характерна для речевого этикета XIX – начала XX в. (как и обращение *ти* к собеседнику с более высоким статусом, поскольку вежливое *вие* в тот период еще не вошло в обиход), ср. русское *здравствуй*:

- 309) Одејќи по патот Патенталија за кај другата планина, еве ти на пато еден поп кај си оди некаде. – Помози Бог, момче му рекол попо, – ако даи Госпо, каде вака? – **Здравје да имаш**, оче, – му одгоорил Патенталија, – и благослове. Јас одам по к’сет да барам. (М. Цепенков «Дуња Ѓузели и царскиот син»). *Идет себе Патенталија по дороге к другой горе, и тут навстречу ему поп. – Бог помочь, чадо, – говорит ему поп, – куда с Божьей помощью путь держишь – Дай Бог тебе здоровья, батюшка, – отвечает Патенталия, – и благословите. Иду, куда глаза глядят, счастья искать.*

Устойчивые коммуникативные клише с оптативным компонентом используются в разных функциях, например, македонские:

- a) приветствие (например, *Господ да те поживее* [пусть Господь даст тебе долгую жизнь]);
- b) благодарность (*да си [ми] жив и здрав* [будь жив-здоров]); *аир и берикет да имаи* рус. добра и благополучия тебе);
- c) поздравление (*за многу години да е* [многих лет!]; *да си жив* [будь жив-здоров]);
- d) пожелание добра (*од добро да не куртулите* [чтобы от добра не избавиться]), пожелание на именины (*да ти е вечно името* [пусть твое имя будет вечным]);
- e) прощание (*Господ да е со тебе* [Да пребудет с тобой Господь! С Богом!]);
- f) реакция на весть о смерти (*Бог да го прости* [пусть Господь его (покойника) простит]) и т. д.

В сборнике сербских народных пословиц В. Караджича также находится описание этикетных фраз благопожелания, выраженных ДАК:

- g) **Да си поштен!** Рече се обично ономе који на питање одговори како му је име: А. Како ти је име? Б. Марко. А. **Да си поштен!** Б. И ти **да си жив и здрав! Да ти је добра срећа!** Каже се ономе који полазећи рече: С Богом остај! У Црној гори [Karadžić 1849: 55-56]. (досл.) *Будь почтён! Говорится обычно тому, кто отвечает на вопрос, как его имя: А. Как твое имя? Б. Марко. А. Будь почтен! Б. И ты будь здоров! Удачи тебе (досл.: Пусть у тебя будет хорошая удача)! Говорят тому, кто, уходя, скажет: Пребудь с Богом!*

Злопожелания используются в функции проклятия (обычно форма 2 Sg) или для выражения негативных эмоций, вызванных неудачей, а также недовольством поведением адресата⁸⁸ проклятия: мак. *аир да не видиш*, серб. *белог дана не видео* [чтоб тебе добра не видать]; мак. *проклет да си* серб. *проклет био* [будь ты проклят!]; мак. *ѓавол да те земе* серб. *ђаво те однео, џаво да те однесе* [черт тебя побери!]; мак. *Господ нозете да им ги прекрши* [чтоб Господь им ноги переломал], серб. *дабогда ногу сломио* [дай Бог, чтоб он ногу сломал].

⁸⁸ Особенностью речевых актов проклятий или злопожеланий является нетипичная роль адресата: «в них реальный собеседник часто является не субъектом, а объектом тех отрицательных перемен в состоянии дел, которых желает отправитель (...). Подлинным же адресатом является некто (нечто), имеющий возможность влиять на события, часто исполнителем негативного пожелания предполагаются высшие силы (Бог, святые, духи или нечистая сила)» [Трофимова 2011: 324].

Формулы благопожеланий и проклятий⁸⁹ относятся к малым фольклорным жанрам, они свидетельствовали о вере человека в магическую силу слова. Многочисленные этикетные формулы с компонентом благопожелания, сохранившиеся с древних времен, часто содержат обращение к Богу как высшей силе: мак. *Господ да те чува* серб. *да те сачува Бог, Бог те чувао* [храни тебя Господь!]; мак. *Бог да те милуе сос некое машко дете* [пусть пошлет тебе Бог сына]; мак. *Бог да ти поможе* [помоги тебе Господь!]; *Бог да чува* [упаси Бог]; *Господ да те дарува / да те поживее / да те благослови* [пусть тебя Господь одарит / хранит / благословит!]⁹⁰. Формы «магического» оптатива часто встречаются и в неканонических молитвах:

310) Михајло: (Се крсти. Ја става раката на чело.) **Ова да не мисли**, (На левото и на десното рамо), **овие да не работат**, (На стомакот), **ова да е полно**. (Ја повторува молитвата уште еднаш). (Г. Стефановски «Лет во место»). *Михајло: (Крестится. Подносит руку ко лбу.) Она пусть не думает, (к левому и правому плечу), они пусть не работают, (к животу) он пусть будет полон. (Повторяет молитву еще раз).*

В настоящее время формулы благопожеланий и проклятий уже не воспринимаются как призывание «магической» силы, в которую люди верили прежде. В македонском обществе коренные социальные изменения, которые происходили на протяжении всего XX века (формирования государственности, кодификации македонского литературного языка, процессов глобализации и т. д.), изменили речевой этикет, некоторые функции благопожеланий перестали быть узуальными, например, в формулах приветствия или прощания; другие активно употребляются до сих пор, например, формулы благопожеланий в коммуникативной ситуации поздравления. Ее можно определить как один из самых живых и естественных контекстов употребления оптативных ДАК в двух языках, поскольку сам акт поздравления в большинстве случаев (за исключением формальных ситуаций общения в деловой коммуникации) подразумевает естественное включение благопожеланий в его состав. В современных поздравлениях благопожелания обычно не имеют твердой устоявшейся формы, говорящий может «нанизывать» добрые слова в любой комбинации, давая волю фантазии. В примере (311), взятого с женского интернет-форума, в одном поздравлении

⁸⁹ О функциях благопожеланий и проклятий в традиционной культуре см.: [Агапкина, Виноградова 1995; Виноградова, Седакова 2009].

⁹⁰ Примеры взяты из сборника [Китевски 2011].

встречаются и македонская народная формула с лексическим диалектизмом «од здравје да не куртулите», что дословно означает «чтоб вам от здоровья не избавиться», и пожелания современного типа:

311) Среќна и берикетна нова година. Од здрвје **да не куртулите**, во кревет само со саканиот **да легнувате**, солзи **да не пуштите** и образи **да ве болат** од смеење цела година!! (forum.femina.mk., 29.12.16). *Счастья и благополучия в новом году. Пусть здоровья будет много, а постель – только для любимого, пусть не будет слез, а щеки пусть болят от смеха целый год!*

В современном узусе оптативные формулы благопожеланий и проклятий приобретают междометный характер, с их помощью выражается широкий диапазон эмоциональных состояний. Эту тенденцию подтверждают примеры из современных литературных произведений, авторы которых часто используют формулы для своих стилистических экспериментов в качестве языковой игры (примеры мак. 312, 313, серб. 314, 315):

312) Во меѓувреме смислувам апдејтирани верзии на клетвите од типот «на комшијата **да му цркне** кравата»: на Њујорк **да му се поебе** урбанистичкиот план; Пентагон **да нема коше**; кој рано рани – лета на сите страни. (С. Мацановски «Трендоленд»). *А я в это время выдумываю усовершенствованные версии проклятий вроде пресловутого «чтоб у соседа корова сдохла»: чтоб городской план Нью-Йорка похерили; чтоб у Пентагона угла не осталось; кто рано встает – тому полный пролет.*

313) Околу мене стојат куп деца и долго гледаат во моите чевли. Потоа сите копиљаци (не претерано нежно) ги газат моите «ганц» нови чевли со традиционална честитка: «**Со здравје да си ги кинеш!**» (Б. Димитров «Симни го малку небого за да се качам»). *Возле меня толпятся дети и смотрят на мои ботинки. Потом все пацаны (не особенно нежно) наступают на мои новехонькие туфли с традиционным пожеланием: «Рви на здоровье!».*

314) Prelomni istorijski trenuci, izuzetna materijalna i duhovna stanja daju pečat sadržaju, jeziku i načinu kazivanja kletvi. «**Dabogda** brzo **dobio** na lutriji kao mlad čovek posao», rečit je primer, a već se javljaju i takve poput «**Pobedio** kao Milošević NATO» (na Kosovu), «**Dabogda** te Ivan Marković **hvalio**», odnosno «**Goran Matić branio**». (Politikin magazin, 2001, KSSJ). *Переломные исторические моменты, важные*

материальные и духовные черты времени оставляют след в языке и влияют на содержание проклятий. «Чтоб тебе так же быстро выиграть в лотерею, как молодому человеку устроиться на работу!» - показательный пример, встречаются также и «Чтоб ты победил, как Милошевич НАТО» (в Косове), «Чтоб тебя хвалил Иван Маркович» или «Чтоб тебя Горан Матич защищал».

- 315) **Да ми је кредита,** колико имам апетита (Т. Вукановић «Српске народне пословице»). *Чтоб у меня был кредит под стать аппетиту.*

Устаревшие в своей изначальной магической функции конструкции благо- и злопожеланий становятся материалом для языковой игры, которая раскрывает творческий потенциал автора высказывания. Но придуманная для конкретной ситуации формула едва ли станет узуальной для остальных участников языкового сообщества.

Интерпретируя значения «магических» оптативов, можно отметить, что в составе конструкции категория лица глагола играет такую же большую роль, как и в императивных высказываниях. В частности, говорящий употребляет формулы проклятий в форме 1 Sg очень редко, при исключительных обстоятельствах. Если же такие примеры встречаются, то, скорее всего, они представляют собой трансформацию формулы проклятия в формулу клятвы, которая содержит условие верификации слов говорящего:

- 316) **Смртта треба да ми ја донесе господ,** а не некои долни арамии. Не е така? **Да не исчекам,** ако не е! (П.М. Андреевски «Пиреј»). *Смерть должна прийти ко мне от господ, а не от рук каких-то разбойников. Ведь так? Чтоб мне не дожидаться смерти, если не так!*
- 317) **Ако лажам, вели, одовде да не се поместам,** место да не ми најде душата. Секаде да е зафатено, вели. (П. М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *Если я лгу, говорит, с места мне не сойти, чтоб душа моя не нашла себе пристанища. Чтоб всюду уже было занято, говорит.*
- 318) **Ама, пуст да останам,** многу ми се бендисуваа сите тие кратенки како ХУЦ, МУЦ, ГУЦ, ЕМУЦ, АСУЦ... Од една страна ме засмејуваа. (В. Петрушевски-Фили «Колумнистот»). *Но, будь я проклят, очень уж мне нравились все эти сокращения как ХУЦ, МУЦ, ГУЦ, ЕМУЦ, АСУЦ... С одной стороны, они меня смешили.*

- 319) – Друже Марко, среће и, здравља ми, чиста печурковача! Ево, **дабогда црко**, ако лажем. (Д. Ковачевић «Била једном једна земља»). *Товариш Марко, клянусь здоровьем, это чистая грибная ракия! Чтоб я сдох, если вру!*
- 320) Kad bih znala čime sam ih uvredila, **dabogda me đavo odneo** ako sam ih uvredila... (D. Kiš «Peščanik», KSSJ). *Вот бы мне знать, чем я их обидела, пропади я пропадом, если я их обидела...*
- 321) Роним, роним, роним, изроним — кад оно Италија! **Да ми умре мајка** ако сам хтео да збришем! Ево, овога ми крста! (М. Капор «Белешке једне Ане»). *Я ныряю, ныряю, ныряю, вынырываю – а тут Италия! Чтоб мама моя умерла, если я хотел сбежать! Вот те крест!*
- 322) «**Да ми умре мајка** или Детектор лажи» (Название серии сериала «Миле против транзиције»). *Клянусь жизнью мамы или Детектор лжи.*

Клятва гарантирует искренность говорящего, что оказывает иллокутивное воздействие на адресата. Перифраз можно сформулировать как «Пусть случится Х, если я говорю неправду/если я не выполню обещанного», присутствует связь ДАК с семантикой условия. В сербских примерах 321, 322 используется не глагол 1 Sg, а 3 Sg, и обозначает действие, которое нанесет вред самому говорящему.

Хотя формулы благопожеланий и проклятий с течением времени меняют свои функции, их использование не теряет своей актуальности. В отдельных случаях эти конструкции являются главным или одним из главных текстообразующих элементов целого художественного произведения. Как пример можно привести стихотворение «Письмо к внучке» македонского драматурга Горана Стефановского, написанное в честь рождения внучки:

- 323) **Да имаш** срце / Срце-на срца срцата / цел свет **да збере** па да је за тија гради малечко / Манданата те имал и тебе во предвид, секако, / во оној благослов, во снегот, на Пирин Планина / Бреј луѓе, дете ни се роди во четава. / **Ај да ми бидеш** здраво и живо детуле, **да пораснеш** големо, на лице бело и црвено тетовско јаболко, на снага вита ела Пиринска, грлото бисер **да ти рони**, гласот **да ти биде** / како славејче. (Личная страница Г. Стефановского, [facebook.com/permalink, 17.03.15](https://www.facebook.com/permalink/?story_fbid=10156811703151517)). *Пусть твое сердце будет/ лучшим из всех сердец, / и будет этому сердцу целого мира мало. / В снегах на горах Пиринских благословенье Манданы / сказано и для тебя: / Братцы, родился младенец, у нас, в нашем отряде! / Малышка, расти здоровой, белая да румяная, словно яблочко в Тетове. Высокой*

расти и стройной, станом как ель пиринская, речью – как нитка жемчужин, а голосом – как у соловушки.

В приведенном отрывке известный драматург цитирует один из самых ярких монологов фильма «Мисс Стоун» («Мис Стон», 1958 г.), в котором участник партизанского отряда старый Мандана благословляет новорожденную. Горан Стефановский не просто использует традиционную для македонцев формулу благопожелания, но наполняет ее аллюзиями на знаменитую кинокартину, которая, без сомнения, имеет особый статус в македонской культуре, отчего благословение становится еще и своего рода передачей «культурного кода» от деда к внучке.

В произведении Живко Чинго «Большая вода» («Големата вода», 1971 г.) важным элементом, организующим текст, является повторение формулы *проклет да бидам* (будь я проклят). Повествование ведется от первого лица, главный герой рассказывает историю своего детства, проведенного в детдоме. Герой на протяжении всего повествования навязчиво повторяет *проклет да бидам*, что выглядит как клятва в подтверждение собственных слов:

324) Кејтеновата болест сосема ме зароби. Не ги видов ниту пролетта, ниту летото, ниту зимата, кога дошле. Чинам заедничка беше таа болест. **Проклет да бидам**, з а е д н и ч к а. Очевидно, некоја лоша, страшна треска, страв, ја изгоре неговата душа. Целото лице, глава, раце, нозе, насекаде по телцето му беа исфрлани темни, црни, малечки болчиња. Толку векови не го отвори своето светло око. Лежеше во сон, во некој чуден, долг сон. **Проклет да бидам**, илјада векови траеше неговата болест. (Ж. Чинго «Големата вода»). *Болезнь Кейтена поработила меня. Я не заметил ни весны, ни лета, ни осени, когда они пришли. Мне кажется, эта болезнь была одна на двоих. Будь я проклят, о д н а н а д в о и х. Ясно, что неизвестная страшная лихорадка, страх спалили его душу. По всему его лицу, голове, рукам, ногам, по всему тельцу высыпали темные, черные маленькие пятнышки. Целые столетия он не открывал своих светлых глаз. Он спал странным долгим сном. Будь я проклят, тысячи веков длилась его болезнь.*

В конце романа читатель узнает, что герой предал своего лучшего друга. Этот факт меняет читательское восприятие повторяющейся формулы, в конце романа она переосмысливается как раскаяние и проклятие самому себе, которого герой, по его собственному мнению, заслуживает.

4.5. Заключение

В македонском и сербском языках независимая ДАК выражает следующие типы оптативных значений: гипотетическое, контрфактивное, значение «магического» оптатива в формулах благопожелания и проклятия. Ниже дана таблица форм и конструкций с оптативным значением:

Таблица 13. Оптативные конструкции в македонском и сербском языках

	гипотетический	контрфактивный	магический
македонский	да имам!	да имав!	Бог да го прости! Господ нека те чува! Пусти да биле! Да би не стасал!
сербский	да имам!	да сам имала!	Жива била! Бог да га прости! Нека те чува Бог!

В двух языках конструкция *da + praes* в зависимости от контекстуальных условий используется для описания гипотетических ситуаций, когда желаемое событие имеет какой-то шанс произойти в будущем. В сербском продуктивной оптативной конструкцией, изофункциональной ДАК, в системе выступает форма потенциала с союзами *kad* в независимом употреблении (как с гипотетическим, так и контрфактивным значениями, интерпретация зависит от анализа широкого контекста).

В македонском конструкция *da + impf*, в сербском – *da + perf* используются для описания контрфактивных ситуаций, когда говорящий упоминает желаемое событие, которое не произошло в определенный момент прошлого.

Оптативные ситуации не всегда строго распределяются в соответствии с указанной классификацией, иногда имперфектные ДАК отсылают к ситуации, которая объективно может иметь место в будущем, а гипотетические ДАК описывают невозможные в реальности ситуации. Существование такой «переходной зоны» объясняется тем, что оптатив выступает как эгоцентрическая категория, которая предполагает, что говорящий субъективно оценивает, может ли желаемая ситуация иметь место в будущем или же она, по его мнению, невозможна в принципе. В литературных произведениях это придает особую эмоциональную тональность высказываниям героя, способствует раскрытию его внутреннего мира и характера.

Соотношение независимых оптативных конструкций и форм реального и ирреального условного периода прослеживается в двух языках, что дает основание

исследователям трактовать их как вторичное употребление протазиса. На современном языковом материале нельзя решить вопрос, являются ли конструкции со значением желания результатом процесса «расподчинения» условных клауз (как, например, считают З. Тополинска и Э. Бужаровска), который привел к созданию собственной системы значений и некоторым структурным ограничениям⁹¹, или оптативная семантика в глагольных сочетаниях с элементом *да* была первичной и влияла на формирование системы гипотаксиса в македонском и сербском языках (такого мнения придерживается, например, З. Голомб [1954, 1960]). На автономность оптативных конструкций с *да* указывает их экскламативная просодика, интонационная завершенность, сочетание с оптативными маркерами, которые влияют на общий волитивный контекст высказывания. Функционирование оптативных ДАК в независимой позиции поддерживает и императивная ДАК, смежная по значению и по структуре.

Отдельную группу составляют «магические» оптативы, которые выражаются конструкцией *да + praes*. Сюда входят благо- и злопожелания, которые изначально имели магические функции, а в современном языке употребляются в основном как этикетные формулы или выполняют междометные функции. Трансформация функций оптативных благопожеланий и проклятий никак не отразилась на частотности их употребления, и некоторые стандартные формулы становятся платформой для языковой игры. Выбор лично-числовой формы глагола в оптативных формулах влияет на их значение. Например, использование формы 1 Sg трансформирует формулы проклятия в формулы клятвы («будь я проклят, если я лгу/если я не сделаю...»). В сербском языке «магический» оптатив, означающий пожелания, регулярно маркируется формой перфекта, которая считается грамматиками первичной для данного значения и некоторыми авторами описывается как формальный показатель желательного наклонения. Важно, что перфектные *л*-формы (как и конструкции с *нека*, см. п. 3.2.1.3.2) используются единственно в функции магического пожелания, в то время как ДАК продуктивны во всех трех типах оптативных значений.

⁹¹ Например, невозможность заменить *да* в гипотетической оптативной конструкции на *ако*, хотя оба союза используются в протазисе условия в македонском языке.

Глава 5. Независимая ДАК в вопросительных высказываниях

Вопросительные высказывания представляют собой тот тип речевого акта, при котором говорящий, не имея определенной информации, запрашивает ее у адресата, предполагая, что он обладает ей (требование информации [Падучева 1985: 233]). Вопросительные предложения в македонском и сербском языках характеризуются специальной вопросительной интонацией, а также содержат вопросительные частицы (мак., серб. *ли*, мак. *дали* / серб. *да ли*) или вопросительные местоимения (мак. *кој*, *што*, *каде* и т.д. серб. *ко*, *шта*, *где* и др). Расширение функционирования независимой ДАК в сферу вопросительности представляется одной из последующих ступеней распространения аналитической конструкции как инновации в южнославянских языках [Иванова 2018: 174]. Иллокутивная сила изменяет значение ДАК в зависимости от типа вопроса: общего или частного, а также эхо-вопросов.

5.1. Вопросы типа (*дали*) *да* + *praes*

5.1.1. Императивный вопрос (вопрос о повелении)

Если согласиться, что независимая ДАК является одной из базовых конструкций для выражения императивного значения в македонском и сербском языках, следовательно, употребляясь в вопросительных предложениях, она совмещает в себе две иллокутивные силы, которые «не присутствуют параллельно, но императив входит в сферу вопроса» [Гусев 2013: 40].

Вопросы о повелении отличаются от императивных ДАК единственно интонацией и иногда – показателями вопросительности (частицы *ли*, *дали* / *да ли*). В императивных вопросах активно используются периферийные для императивной парадигмы формы 1 Sg, которые маркируют запрос говорящего на выполнение какого-либо действия, т.е. **запрос на разрешение**:

325) – А бе виново ештен ем ти мириса на оцет, ем има вкус на оцет? – Па **да** ми ти **фрлам** и една шопска салатка, а? (Пусто турско, НМ, 20.06.17). – *А вино по запаху – чистый уксус, да и вкус – как у уксуса? – Так, может, мне тебе принести шопского салатику?*

- 326) – **Да читам?** – Не!!! – свика сите наеднаш... (В. Малески «Разбој»). – *Мне читатъ? – Нет!!! – закричали все в один голос...*
- 327) Гина: Боже, где ли је Секула! Томанија: Па зар ти не знаш? **Да јој кажем?** Дара: Секула ти је ухапшен! (Ј. Симовић «Путујуће позориште Шопаловић»). *Гина: Боже, где же Секула! Томанија: А ты разве не знаешь? Сказать ей? Дара: Секулу арестовали!*
- 328) Живка: Ју, баш ти хвала, слатка тетка, никад ти то нећу заборавити. Савка: Је л' **да донесем** предвече? Живка: Јест, молим те, још данас! (Б. Нушић «Госпођа министарка»). *Живка: Ух, спасибо огромное, милая тетя, я никогда этого не забуду! Савка: Так к вечеру мне принести? (о деньгах). Живка: Да, пожалуйста, сегодня же!*

Похожую интерпретацију значенију болгарској независимој ДАК в общих вопросах дае Р. Ницолова: «Говорящий хочет узнать, приказал бы ему слушатель выполнить то или иное действие, то есть по значению конструкции близки к вопросу о позволении. Поэтому подобные общие вопросы соотносятся с императивной глагольной формой» [Ницолова 2008: 412].

В остальных лично-числовых формах императивные ДАК благодаря вопросительной модификации маркируют **вежливый регистр побуждения** к совершению какого-либо действия. Адресатом повеления может быть как непосредственно слушающий(ие) (формы 2 Sg и Pl, а также форма совместного действия 1 Pl), так и третьи лица (3 Sg и Pl).

- 329) «**Да** ни ја **покажеш** канцеларијата?» «Не, не», рече Јован, «колегите внатре работат». (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). «*Покажешь нам офис?*» «*Нет, нет*», сказал Йован, «*коллеги внутри, работают*».
- 330) – Што ти кажа еќимот? – Рече да јадам мрсно, пијам ракија и да олабавам физички активности! – **А да побараш** второ мислење? (Пусто турско, НМ, 08.04.17). – *Что тебе врач сказал? – Сказал, чтоб я ел жирное, пил ракию и чтоб уменьшил физическую активность. – А может, спросишь другого врача?*
- 331) «**Да** ги **спремиме** ќофтињата?» предложив, сакајќи некако да си го пополнам времето додека стигнат пијалаците. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). «*Разложим котлетки?*», предложила ја, *чтобы как-то убить время, пока несут напитки.*

- 332) А **да** нам **покажете** put kojim to da ostvarimo? Draga, slatka damo, ja još ne znam da pokažem put ni samom sebi. (Politika, 20.01.08., KSSJ). *Может, вы нам покажете путь, по которому мы можем этого достичь? Дорогая, милая девушка, я еще не умею показывать путь даже самому себе.*
- 333) Миле: **Да истоварујемо?** Гаврило: Сачекај...чујете ли нешто? (Д. Ковачевић «Свети Георгије убива аждаху»). *Миле: Выгружаем? Гаврило: Подожди...вы что-нибудь слышите?*

Вопрос о повелении интерпретируется как иронический комментарий, если предложение (запрос) говорящего заведомо неисполнимо или невыгодно одной из сторон участников коммуникации:

- 334) – Знаете, ние сме Василичари... – Да? – се правам јас благо заинтересиран колку да добијам во време. – И што правиме сега? – продолжувам демек љубопитно. – Па знаете, на Василичари им се даваат пари... – ми вика нивниот главен преговарач. – А наместо пари **да** ви **дадам** јас директно метадон? (С. Мацановски «Трендоленд»). – *Знаете, мы василичары (участники карнавала)... – Да? – я принимаю заинтересованный вид, чтобы выиграть время. – И что делать дальше? – продолжаю как будто бы с любопытством. – Ну, знаете, василичарам дают деньги... – говорит мне главный по переговорам. – А вместо денег, может, вам сразу дать метадон?*
- 335) А **да му позајмиш** ти на Трендо едно 50 илјади марки, па ако не ти ги врати, веќе никогаш да не му позајмуваш, бива? (С. Мацановски «Трендоленд»). *А не заняты ли тебе Трендо каких-нибудь 50 тысяч марок, а если он тебе не вернет, то никогда ему больше не занимай, лады?*
- 336) Државо, ниси покварила само оно чега се ниси дочепала! Ја те не бих више плаћала, ако може. Државо, а **да** ја теби **дам отказ**? (vidovdan.org, 14.07.17). *Государство, ты испортило все, к чему удалось подобраться! Я бы тебе больше не платила, если можно. Государство, а не уволить ли мне тебя?*

Вопрос о повелении в зависимости от лично-числовой формы глагола в составе ДАК может обозначать запрос говорящего на разрешение совершить действие или вежливое предложение к целесообразному по мнению говорящего действию.

5.1.2. Эхо-вопросы

Эхо-вопросами⁹² мы будем называть реакцию говорящего на высказывание, которая дублирует глагольную часть утверждения, вопроса или повеления, высказанного собеседником в предыдущей реплике. Вопросительная ДАК в подтипе эхо-вопросов будет не вопросом о повелении, а реакцией говорящего на слова собеседника. Сравним несколько примеров:

- 337) – Размислував за една хумана идеја: можеби јас како жена на чорбација би требало да се нафатам да готвам храна за сиромасите. – **Ти да им готвиш?! Сироти луѓе, па нели и без тоа доволно страдаа?** (Пусто турско, НМ, 21.01.15). – *Мне в голову пришла одна гуманная идея: может, мне, как жене богача, стоило бы начать готовить еду для бедных. – Ты – им готовить?! Бедолаги, разве они без того мало натерпелись в жизни?*
- 338) Мирса: **Што не одиш** ти кај него? Трајко: **Јас да одам? Да излезам**, па да викаат по мене: «Уа, ација, ќерка ти бегалка!» Не ли знаеш дека откако таа кучка побегна, не сум излегол од порта надвор? (В. Иљоски «Бегалка»). Мирса: *Что ж ты не пойдешь к нему? Трајко: Мне идти? Да я выйду, а мне вслед кричат будут: «Позор, хозяин, дочь твоя беглянка!» Будто не знаешь, что с тех пор, как эта дрянь сбежала, я за ворота нос не показывал?*
- 339) Трајко: Доста, **остави** ме! Мирса: **Да те оставам!** Демек, и ти неа си ја оставил, си кандисал! (В. Иљоски «Бегалка»). Трајко: *Хватит, оставь меня в покое!* Мирса: *Оставить тебя в покое! Значит, и ты ее оставил, согласился!*
- 340) Ја: Марта, молим вас, **откажете** нам ручак, па **закажете** вечеру. Будите љубазни, молим вас. Марта: **Да откажем** ручак и закажем вечеру? Ја: Молим вас. (Д. Ковачевиќ «Професионалац»). Ја: *Марта, пожалуйста, отмените наш обед и закажите ужин. Будьте так любезны, прошу.* Марта: *Отменить обед и заказать ужин? Я: Пожалуйста.*
- 341) – Стани! Црни! Врати се! – Вратићу се кад ми се извиниш! Кад ми се лепо извиниш! – Ја теби **да се извиним? Да ти се извиним** што си ми живот упропастио? (Д. Ковачевиќ «Била једном једна земља»). – *Подожди! Черный! Вернись! – Я вернусь, когда ты извинишься передо мной! Когда как следует извинишься! – Мне перед тобой извиняться? Извиниться, что ты мне жизнь испортил?*

⁹² О функциях ДАК в эхо-вопросах в болгарском языке см. [Ницолова 2008: 425].

342) Она: Учините ми то. Закољите ову кокошку. Гост: **Ја да је закољем?** Али зашто баш ја? Откуд знате да баш ја? (Р. Константиновић «Обична, ох, кокошка»). Она: *Сделайте это для меня. Зарежьте эту курицу. Гость: Я и зарезать? Но почему именно я? С чего вы взяли, что это должен быть я?*

Независимая вопросительная ДАК в эхо-вопросах может иметь несколько коммуникативных задач. Если говорящий не вкладывает оценочный компонент в высказывание, следовательно, функция вопросительной ДАК – подтвердить, правильно ли понятно сообщение, как в примере 340, где секретарь подтверждает распоряжение начальника.

Но чаще в повседневной разговорной речи вопросительные ДАК встречаются в экспрессивных эхо-вопросах, функция которых – оспорить истинность утверждения или показать неуместность вопроса собеседника (337, 338, 341). В примере 337, муж ставит под сомнение способность жены готовить. ДАК представляет как неактивную пропозицию «жена готовит еду для бедняков». Конструкция маркирует негативную оценку говорящего ситуации, данной в пропозиции высказывания собеседника.

Эхо-вопрос также выступает как реакция на прямое императивное указание (происходит повторение императивной формы, второе лицо меняется на первое, примеры 339, 342), так и на имплицитное повеление (341). В этом случае цель эхо-вопросов – выразить подчеркнутое несогласие говорящего с высказанным повелением⁹³. Вопросительное по форме высказывание приобретает признаки утвердительного (по иллюкутивному типу эхо-вопрос может трансформироваться и в восклицание, как в примере 339). Все типы эхо-вопросов можно трактовать как синтаксический фразеологизм, значение и функции которого уточняются в расширенном контексте.

5.1.3. Рефлексивные вопросы (*дали*) *да + praes*

Вопросительные (*дали*) *да + praes* отражают рефлексию говорящего в ситуации выбора между альтернативными возможными действиями:

343) Неговата омраза само растеше и само во таа насока го упатуваше. Но не знаеше како да го изведе тоа. **Дали да ги убие** Мара и Силјана Бојчевски или **да ги**

⁹³ Русским эквивалентом ДАК в эхо-вопросах является реактивно-оценочные инфинитивные предложения типа *Мне? Ревновать! избави боже (Пушкин)* по классификации [Золотова и др 2004: 147], которые не являются информативными или повелительными, но выражают эмоциональную реакцию говорящего в диалогическом режиме: «Инфинитив выступает как знак этой ситуации, либо обобщающе именуя ее, либо повторяя часть предыдущей реплики, как эхо (...)» [Там же].

запали. Или да им **направи** нешто уште полошо и уште повеќе од тоа. (П. М. Андреевски «Проклета куќа»). *Его ненависть только росла и только на такие мысли наталкивала. Но он не знал, как их воплотить. То ли убить Мару и Сильяна Бойчевского, то ли поджечь их дом. Или сотворить что похуже, что-то ужаснее этого.*

- 344) Димитрија: Чекајте вие уште многу ако сакате. Јас сакам да јадам. Вера: Ме изеде, срчка да те изеде. (Поставува за јадење.) **Што попрво да сторам? Дали да изметам, дали да исперам, дали да зготвам?** (Г. Стефановски «Диво месо»).
Димитрија: Вы ждите, сколько вам угодно. Я хочу есть. Вера: Надоел ты мне, чтоб тебя. (Накрывает на стол). Что мне сделать первым? Подмести, постирать, приготовить?
- 345) Danas smo pred dilemom: **da li da se volimo ili da gledamo** na televiziji kako to drugi lepše rade? (D. Radović «Beograde, dobro jutro! 1»). *Сегодня перед нами стоит дилемма: любить или смотреть по телевизору, как другим это удастся лучше?*
- 346) – Pa šta da radim ?.. **Da li da se ubijem ?..** (A. Popović «Sudbina jednog Čarlija», KSSJ). – *Что же мне делать? Убить себя?*
- 347) Uznemiruju me mogućnosti. U svakom času moram doneti neku odluku. **Da li da stavim** pola ili čitavu kašičicu šećera u kafu? **Da li da samo prelistam** ili do kraja **pročitam** novine? **Da li da se odazovem** na telefonski poziv? **Da li da otvorim** prozor? *Život prolazi, a ja nikako da se odlučim.* (D. Velikić «Руски прозор», KSSJ).
Возможности сбивают меня с толку. Каждый час я должен принимать какое-то решение. Положить половинку ложки сахара в кофе или целую? Только просмотреть или внимательно прочитать газету? Поднять трубку? Открыть окно? Жизнь проходит, а я все никак не приму решение.

Коммуникативная цель рефлексивных⁹⁴ вопросительных ДАК – не побудить собеседника к повелению (например, разрешить совершить действие, как в типе императивных вопросов), а показать наличие альтернативных вариантов развития событий. Рефлексивные вопросы часто обращены говорящим к самому себе, реакция собеседника (если таковой есть) необязательна, как в примерах 343, 347. При этом действие является контролируемым.

Если *дали да* конструкция употребляется в косвенно-вопросительной зависимой клаузе, то обычно она зависит от предиката ментального действия, чье лексическое

⁹⁴ Термин «рефлексивный вопрос» применен к описанию ДАК по аналогии с рефлексивными инфинитивными вопросами, анализ которых предложен в [Золотова и др. 2004: 141]. Этот же термин используется в статье [Иванова 2014: 149] в сопоставлении функций русского независимого инфинитива и болгарской ДАК.

значение эксплицитно показывает рефлексию и колебания говорящего, ср. предикаты мак. *се двоумев, се колебам*, серб. *našle su se u dilemi* (тип ДАК перейдет из независимого в зависимый, но значение при этом сохраняется):

- 348) Се двоумев дали да бегам или да се јуначам. Си мислев дали да застамам и да појдам долу да видам што се случило. (Х. Крстевски «Ветришта над Равен»). *Я раздумывал, убежать или проявить смелость? Думал, остановиться или пойти вниз, посмотреть, что случилось.*
- 349) Се колебам дали да влезам. (К. Колбе «Снегот во Казабланка»). *Я не уверен, войти ли мне.*
- 350) Ivana i Marija bile su izmorene dugotrajnim putovanjem i našle su se u dilemi da li da uđu u voz za Niš ili da sačekaju sledeći međunarodni voz koji saobraća direktno do Pirota (Politika, 29.08.2000, KSSJ). *Ивана и Мария устали от долгой дороги и решали, поехать ли им на поезде до Ниша или подождать следующий международный поезд, который идет прямо до Пирота.*

В рефлексивных вопросах ДАК может быть заменена на инфинитив в сербском языке (351). В зависимой позиции инфинитив используется при кореферентном субъекте главной и зависимой частей:

- 351) О, **бити** или **не бити** – питање је сад. (В. Шекспир «Хамлет», прев. Ж. Симић и С. Пандуровић). *Быть или не быть – вот в чем вопрос.*
- 352) Када је кафа у питању, једино око чега се двоумим: **да ли попити** једну или две? (kafoholicari, twitter.com). *Когда речь идет о кофе, у меня возникает только одна дилемма: выпить одну чашку или две?*

Для сравнения приведем варианты перевода знаменитой цитаты из Шекспира на македонский язык:

- 353) **Да се биде** или не – прашање е сега... (Анонимный перевод, крылатая фраза).
- 354) **Да се биде** или не / **Да бидеш** или **да не бидеш** ти – / Еве во што е прашањето сега. (препев А. Шопов).
- 355) **Да ме има** или **да ме нема**: ова ме мачи... (Препев Д. Михајловски).

Далеко не всегда сопоставление переводов может считаться надежным источником для выводов о функционировании той или иной языковой конструкции, но в данном случае показательно, как английский инфинитив передается средствами сербского и безинфинитивного⁹⁵ македонского языка.

5.2. Частные вопросы типа *што / шта да + praes*. Риторические вопросы

Частные вопросы типа *што / шта да + praes* (в терминах З. Тополинской *субјунктивни кој-прашања* [1998: 71]) делятся на два типа по параметру иллокутивной силы высказывания.

I. Собственно вопросительные, когда говорящий побуждает собеседника (в диалоге) дать ему недостающую информацию, которая обозначена в фокусе вопроса в виде вопросительного местоимения (мак. *што, како, каде, кој* и т.д. серб. *шта, како, где, камо, ко* и т.д), ср. *Кога да дојдам на журката? / Кад да дојем на журку?* «Когда мне прийти на вечеринку?» Этот тип во многом похож на вопрос о повелении, однако говорящий не запрашивает разрешения совершить определенное действие, а запрашивает информацию об обстоятельствах (времени, месте, участниках и др.) предполагаемого действия. ДАК маркирует нефактивное действие, близкой к модальной сфере возможности/необходимости [Тополинска 1998, Ивић 1998]:

356) – **Кога да Ви го донесам** пликото? Во знак на добра волја, секако. – Утре во осум часот наутро. (В. Петрески «Од магла на југ»). – *Когда мне вам принести конверт? В знак доброго расположения, конечно. – Завтра в восемь утра.*

357) – За што протестираат луѓево? – Се бунат против неефикасноста на власта. – **И како да им помогнеме?** – Лесно, цанам! Да составиме една комисија која до напролет би составила извештај... (Пусто турско, НМ, 16.11.15). – *В честь чего люди протестуют? – Их возмущает неэффективность власти. – И как нам им помочь? – Да легко! Давайте составим комиссию, которая к весне подготовила бы доклад...*

⁹⁵ В болгарском цитата Шекспира переводится как: «Да бъдеш или не – това е въпросът» (пер. Г. Милева). Примечательно, что болгарский переводчик выбрал неопределенно-личную форму глагола (2 Sg) в ДАК, которая менее свойственна македонскому языку в подобном контексте.

358) Сава: **Чиме да те понудим?** Оћеш чашицу добре ракије... (Д. Ковачевић «Урнебесна комедија»). *Сава: Чем мне тебя угостить? Хочешь рюмочку хорошей ракии...*

359) Милиционер: **Кад да дођем?** Сава: Па, тако... у шест, седам... Што касније... (Д. Ковачевић «Урнебесна комедија»). *Милиционер: Когда мне прийти? Сава: Ну, так... в шесть, семь... Как можно позже...*

Прагматика употребления глагола первого лица в ДАК предопределяет использование частных вопросов в диалогическом режиме. Интересной представляется вопросно-ответная форма как прием в публицистическом или рекламном тексте: автор задает вопрос, который мог быть предположительно адресован ему со стороны читателя по логике развития коммуникативной ситуации, и сам отвечает на него:

360) Canon Macedonia. **Каде да се купи?** Пронајдете го најблиското продажно место на Canon до вас и погрижете се веќе од утре да го набавите вашиот омилен Canon производ! (canon.com.mk, 10.03.13). *Canon Macedonia. Где купить? Найдите ближайший офис продаж Canon и постарайтесь уже завтра приобрести ваш любимый аппарат Canon!*

361) Marama je praktičan i romantičan detalj za kosu, ponovo je aktuelna. ... A **gde da je nosite?** Gde god poželite. (журнал «Blic žena», 22.07.17). *Платок – это практичная и романтическая деталь прически, снова в моде. ... А куда его надевать? Куда угодно.*

362) Deset saveta za sve platforme: **kako da** uz malo truda **otežete** krađu podataka sa smartfona ili tableta. (Журнал «Connect», 11.2015). *Десять советов для всех платформ: как минимальными усилиями предотвратить краже данных со смартфона или планшета.*

В приведенных примерах автор формулирует для читателей проблему, ответу посвящена вся статья. По сути, он использует вопрос как риторический прием, чтобы заинтересовать слушающего последующей информацией. Поскольку в публицистических текстах фигура адресата имеет не конкретный, но обобщенный референт, вопросительные ДАК могут быть заменены безличной формой инфинитива в сербском языке, ср. *kako da otežete krađu podataka = kako otežati krađu podataka*, а также примеры:

363) **Šta raditi** kad se dete zagrcne. (Журнал «Blic žena», 22.07.17). *Что делать, если ребенок подавился.*

364) **Kako preseći** odnos koji vas koči. (Журнал «Blic žena», 22.07.17). *Как разорвать отношения, которые тебя тяготят?*

Действие, обозначенное инфинитивом, также может иметь субъект дательного падежа, подобно русским конструкциям *Что мне делать?*:

365) **Šta nam je činiti** u ovom trenutku? (Politika, 09.09.06, KSSJ). *Что нам делать сейчас?*

366) **Kako joj je sad postupiti? Koga joj je sad pitati?** (примеры из [СССЈ 2005: 326]). *Как ей сейчас поступить? Кого ей спросить?*

Инфинитив в вопросе выступает в зависимой синтаксической позиции с копульной связкой. Этот тип инфинитивных вопросов с эксплицитным субъектом действия в дативе почти полностью вытеснен финитной ДАК в сербском языке: «Такие предложения ощущаются как чуждые сербскому языку конструкции и встречаются в публицистике чаще, чем в других сферах функционирования литературного языка»⁹⁶ [Там же].

Примечание: Автор раздела П. Пипер пишет, что в инфинитивных вопросах с субъектом в дативе безличный инфинитив не может быть заменен на ДАК [Там же]. Действительно, ДАК не может заменить инфинитив в копульной синтаксической модели, однако ее функциональным эквивалентом, без сомнения, выступает независимая финитная ДАК с вопросительным словом модели *шта да + praes.*

Сопоставление ДАК и форм будущего времени с частицей *će* показывает интересные результаты. В примере 367 ДАК в форме 1 Sg указывает на то, что говорящий располагает альтернативными вариантами развития действия, которые приведены списком (действие является контролируемым). Если же заменить ДАК формой будущего времени с частицей *će*, то будет смещен смысловой акцент высказывания. Вопрос «што ќе јадам?» можно перефразировать следующим образом «Есть я буду точно, только вот не знаю, что именно», следовательно, действие, по мнению говорящего, оценено как высоковероятное. Говорящему важен факт, что он будет что-то есть, а не то, что он стоит перед выбором альтернативных вариантов.

⁹⁶ «Такве реченице осећају се као стране конструкције у српском језику и срећу се у публицистици нешто чешће него у другим сферама употребе књижевног језика».

367) Дечки и сега следете внимателно!!! **Што да јадам?**

-вкусен тост; -сендвич; -кифла;

А, **што да пиам?**

-coca-cola; -shuepps; -sprite; -лимонада

Дечки ви препорачувам да го направите она што го сакате, и добар АПЕТИТ!!!
(https://www.facebook.com/princess.com.mk/posts/515763275114615?stream_ref=5
орфографија автора сохранена). *Друзья, сейчас следите внимательно!!! Что мне съесть? – вкусный тост; - сэндвич; - булочку; А что выпить? - coca-cola; -shuepps; - sprite; -лимонад. Друзья, советую вам сделать то, что хотите, и приятного АППЕТИТА!!!*

Дистрибуција форм с *ке* и ДАК в вопросительных предложениях подтверждается в примере 368:

368) – Де, гупке, кажи **за кого ќе се омажам!** – А бе би ти кажала, ама во кутлава ништо не се гледа освен еден гооолем нос со мустаќи под него... – Ах, значи за Спасета. (Пусто турско, НМ, 07.04.15). – *Давай, цыганка, раскажи, за кого я выйду замуж! – Да я бы тебе сказала, только вот в шаре ничего не видно, только один огрооомный нос и усы под ним... – Ах... Значит, за Спасе.*

Девушка уверена, что выйдет замуж, ее интересует, кто будет ее женихом. Если в этом высказывании заменить будущее время *да*-конструкцией *Кажи за кого да се омажам*, то смысловой акцент будем другим: девушка держит в голове несколько кандидатур и спрашивает совета, кого ей выбрать. ДАК указывает не на временную соотнесенность действия, а на наличие альтернативы у говорящего, т.е. возможности выбирать⁹⁷.

II. Риторические вопросы

Вторая группа частных вопросов, содержащих независимую ДАК, принадлежит к риторическим вопросам. Под риторическим вопросом мы понимаем вопросительное высказывание, которое не требует ответа, поскольку: 1) ответа на данный вопрос не

⁹⁷ О семантической специфике *кој да* вопросов в сравнении с *кој ќе* вопросами см. [Тополињска 1998: 74].

существует; 2) ответ является очевидным для говорящего (иногда и для слушающего). По своей иллокутивной силе риторический вопрос является утверждением.

В риторическом вопросе значение потенциальной возможности совершить несколько альтернативных действий, которым обладала группа собственно вопросительных ДАК, трансформируется в потенциальную невозможность:

- 369) Таа се прпелка во правта, клоца со нозете и колне. **Како да ѝ помогнам** со врзани раце? (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Она барахтает се в пыли, пинает се и сыплет проклятиями. Как мне ей помочь, со связанными-то руками?*
- 370) – **Кај да најдеме** катран сега? – Кај Доксима Тренчески, вели Маса Кјулумоска. Ако нема тој, не ќе има друг, вели. (П.М. Андреевски «Пиреј»). – *Где ж мы найдем сейчас деготь? – У Доксима Тренчески, говорит Маса Кюлумоска. Если у него нет, нет ни у кого другого, говорит.*
- 371) Можеш да паркираш каде што сакаш. Која перверзија! Оваа слика комплетно те збунува и ги инхибира твоите шоферски перформанси. **Од каде да знаеш** како се паркира кола на широк простор? (С. Мацановски «Трендоленд»). *Можешь припарковаться везде, где душа пожелает. Настоящее извращение! Такое положение дел полностью сбивает тебя с толку и сводит на нет все твои водительские навыки. Откуда ж знать, как парковать машину на ничем не ограниченном пространстве?*
- 372) Марта: Ви знате колики вам је притисак? Ја: Знам, Марта... али **како да разговарам** са човеком који је... безобразан, дрзак, прост, примитиван! (Д. Ковачевић «Професионалац»). *Марта: Вы знаете, какое у вас давление? Я: Знаю, Марта... но как мне разговаривать с человеком, который... наглец, грубиян, деревенщина, нахал!*
- 373) Ali, **kako da uzmemo kredit** na, recimo, pet godina, kada ne znamo, kada ne možemo da predvidimo ekonomsku situaciju u naredne dve godine – iskren je Miomir, student Šumarskog fakulteta. (Politika, 09.11.08, KSSJ). *Но как нам брать кредит, скажем, на пять лет, когда мы не знаем, не можем предсказать экономическую ситуацию в ближайшие два года, - искренне говорит Миомир, студент факультета лесного хозяйства.*

Риторический тип вопроса *што да + praes* подразумевает ответ. Перифраз вопроса из примера (369) «Как мне ей помочь» будет звучать как «Мне никак ей не помочь». Возможность предполагаемого в вопросе действия оборачивается

невозможностью. Конечно, собеседник может иметь другое мнение (370), поэтому он дает ответ на вопрос, который не кажется ему риторическим.

Говорящий, задавая риторический вопрос, не имеет интенции узнать ответ, неизвестную ему информацию, а он хочет выразить свое отношение к ситуации, дать ей оценку: недоумение, возмущение (370-372). Поскольку риторический вопрос по коммуникативной цели представляет собой утверждение, он не всегда имеет вопросительную интонацию (372).

В вопросительных ДАК значение формируется в результате взаимодействия нескольких категорий: вопросительности, императивности, лица и числа глагола. Значение конструкции обусловлено прагматикой ситуации: является ли вопросительная ДАК стимулом к повелению или же реакцией говорящего на повеление. Вопрос как стимул к повелению обычно является безоценочным и запрашивает согласие собеседника на совершение конкретного единичного действия; вопросительная ДАК, употреблено в высказывании-реакции на повеление, будет трактоваться как эхо-вопрос. Благодаря специфическому взаимодействию грамматических категорий вопросительные ДАК охватывают довольно узкий круг речевых ситуаций, тем не менее, данные конструкции широко используются в повседневном общении.

Глава 6. ДАК и эвиденциальные показатели в македонском языке

6.1. Категория эвиденциальности в македонском языке: типологические характеристики

Семантическая зона эвиденциальности объединяет в одну группу грамматические показатели и лексические единицы, которые указывают на способ доступа к информации о сообщаемой ситуации [Плунгян 2011: 463]. Используя эвиденциальные маркеры, говорящий дает понять, получил ли он сведения путём собственного наблюдения (обычно визуального) или информация поступила опосредованно (косвенное свидетельство). Во многих языках мира (в частности, европейских) показатели прямого или непрямого доступа к информации не грамматикализованы, поэтому их употребление факультативно и имеет прагматическую обусловленность, см. напр. [Letuchiy 2008]. Языки с обязательным выбором эвиденциальных показателей «заставляют» говорящего указывать источник своих сведений в высказывании⁹⁸.

Принято считать, что англоязычный термин *evidential* впервые был использован Ф. Боасом в очерках по грамматике языков американских индейцев [Boas 1911: 496] применительно к одному из подтипов суффиксальных показателей с общим значением «источник информации». Впоследствии название подкатегории стало общим для всей семантической зоны, в том числе благодаря известной работе Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» [Якобсон 1972], в которой автор постулировал параметры для общей классификации глагольных категорий. Так, эвиденциальность (*засвидетельствованность* в русском переводе статьи) является примером категории, которая содержит указание на «сообщаемый факт», «факт сообщения» и «источник сведений о сообщаемом факте» [Якобсон 1972: 101]. Термин «эвиденциальность» присущ англоязычной традиции, наряду с ним широко используется французский термин *mediatif* (фр. *médiatif*), введенный известным иранистом и типологом Ж. Лазаром на материале таджикского и других языков иранской группы [Lazard 1999, 2001]. Лингвистическая традиция балканославянских языков изначально относила грамматикализованные показатели эвиденциальных значений к особому типу *пересказывательного* наклонения (болг. *преисказно*

⁹⁸ Приблизительный список языков с грамматикализованной категорией эвиденциальности представлен в монографии А. Ю. Айнхенвальд [Aikhenvald 2004: 303], а также в Мировом атласе лингвистических структур [WALS 2012; Ferdinand de Haan 2013].

наклонение, мак. *прекажување*), данный термин использовался в описательных грамматиках болгарского и македонского языков, напр. [Маслов 1981: 192, ГСБКЕ 1983 Т.2: 362, Усикова 2003: 217]; И. Куцаров и Г. Герджиков также использовали термины *вид на исказването* «способ высказывания» [Куцаров 1984: 42] и *модус на исказването* [Герджиков 1984: 75] и относили эвиденциальные показатели к особой гиперкатегории, отдельной от системы наклонений. В современных работах⁹⁹ македонистов и болгаристов также активно используется интернациональный термин *евиденцијалност*, напр. [Ницолова 2008; Тополињска 2009; Петроска 2011]. Граммемы, выражающие эвиденциальные значения, принято называть *пересказывательными* формами (с фокусом на основное репортативное значение) или *евиденциалами*.

Современная классификация выделяет следующие кластеры значений:

- а) прямого/личного доступа к информации (может быть основан как на личном опыте говорящего, так и на коллективном знании);
- б) непрямого/личного доступа (напр., инферентивные значения или умозаключение),
- в) непрямого/неличного доступа (напр., репортативные значения или «пересказ» и его подтипы).

Расширенные классификации эвиденциальных значений, учитывающие типологические данные языков с комплексной системой показателей, представлены в работах [Aikhenvald 2004: xxiv, Plungian 2001 и дополненная версия классификации в Плунгян 2011: 473].

Македонский язык входит в состав евроазиатского эвиденциального ареала или «Большого эвиденциального пояса» (англ. *Great Evidential Belt*), который охватывает Балканский полуостров, территорию Малой Азии, Кавказа, Южной Азии, Поволжья и Южной Сибири [Плунгян 2011: 452]. Общей ареальной характеристикой является грамматикализация показателей неличного доступа с диффузным значением на базе форм перфекта. В македонском языке такую базу дали перфектные формы на *-л* (мак. *минато неопределено време*), которые состоят из спрягаемого глагол *сум* и *л*-причастия, образованного от аористой или имперфектной основы; в 3 Sg и 3 Pl глагол *сум* опускается. Исторически форма связана с общеславянским перфектом. В литературе эвиденциальные показатели неличного доступа (или косвенные эвиденциалы) также сокращенно называют *л*-формами.

⁹⁹ Этапы становления терминологического аппарата, описывающего категорию эвиденциальности в балканских языках, даны в [Макарцев 2014: 17-21].

Существует несколько факторов, которые способствовали грамматикализации категории, генетически несвойственной группе славянских языков:

а) сохранение в глагольной системе старых славянских форм аориста и имперфекта, находящихся в оппозиции к перфектным *л*-формам¹⁰⁰: «Общие условия для развития категории пересказа были заданы благодаря сохранению оппозиции аориста и имперфекта в противоположность к перфекту. Эти два времени всегда передавали засвидетельствованное действие, перфект не был маркирован по данному параметру» [Конески 1986: 174]. У аориста и имперфекта момент референции является конкретный временной интервал в прошлом, что позволило развить ассоциацию со свидетельским статусом получения информации; у перфекта момент референции совпадает с моментом речи и нет четкой соотнесенности действия с определенным моментом в прошлом, что имплицитно сигнализировало о неличном доступе, см. напр. [Ницолова 2007а: 128].

б) Экспансия *има*-форм (перфект II) в македонском литературном языке, которые последовательно перенимают часть функций перфектных *л*-форм (перфект I), тем самым «разгружая» и без того многозначный показатель глагольной системы [Митковска, Бужаровска 2011]. Последовательное распределение эвиденциальных и перфектных значений по двум формам является ареальной характеристикой юго-западных говоров (напр., охридско-стружский регион), которые можно назвать инновационным центром распространения *има*-форм [Конески 2004: 503]. В этих говорах конструкция со вспомогательным глаголом *има* + *причастие на -н/-т* в среднем роде может образовываться от переходных и непереходных глаголов двух видов, а высокую степень грамматикализации перфекта II подтверждают диалектные примеры типа *имам бидено* или *имам имано* [Graves 2000, Марковиќ 2007: 141-143, Верижникова 2015, Макарова 2016].

в) Условия длительного языкового контакта с турецким языком, в котором также присутствуют обязательные показатели категории эвиденциальности (свидетельские формы маркируются показателем *-di*, несвидетельские – показателем *-miş*) [Friedman 1978: 108, Конески 1986: 174]. Стоит оговориться, что этот тезис можно назвать своеобразным «общим местом» в теме развития категории в балканославянских языках, поскольку он не подкреплён исследованиями, которые бы фиксировали поэтапное влияние языкового контакта турецких и македонских/болгарских диалектов на

¹⁰⁰ «Општиот услов да се развие категоријата на прекажаноста бил даден со тоа што се зачувале аористот и имерфектот наспрема перфектот. Тие две времениња во словенскиот отсекогаш предавале засведочено дејство, додека перфектот во тој поглед бил необележен».

грамматикализацию категории. Однако типологические работы показывают, что тезис имеет под собой основания, поскольку анализ распространения эвиденциальности в других языковых союзах выявляет следующую тенденцию: если язык без маркирования эвиденциальных значений сосуществует длительное время с языком, где подобное маркирование присутствует, то в первом из них ожидается грамматикализация эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 288-294].

г) Развитие неличных эвиденциальных значений у показателей перфекта или результата также отмечается исследователями как типологическая закономерность [Bybee et al. 1994: 97; Lindstedt 2000: 375]. А. Ю. Айхенвальд описывает следующую схему их эволюции: 1) результат действия / состояния; или действие / состояние актуальные на момент речи; 2) умозаключение о ситуации на основе видимых следов, логический вывод или возможные слухи; 3) общий ряд неличных эвиденциальных значений [Aikhenvald 2004: 279].

Согласно классификации [Там же: xxiv] македонский язык относится к эвиденциальным системам простого типа A1, в которых существует только два ряда маркированных форм, характеризующих информацию в высказывании по параметру прямого (англ. *firsthand*) / непрямого (англ. *non-firsthand*) доступа к ней, но нет третьего ряда форм, нейтральных по данному признаку [Там же: 40]. Эта дифференциация прослеживается, когда говорящий классифицирует информацию о реальных действиях в прошлом: несвидетельские *л*-формы противопоставлены свидетельским формам аориста и имперфекта, которые говорящий выбирает в том случае, если он имел прямой доступ к информации, переданной в сообщении, и не сомневается в ее истинности (т.е. она вошла в фонд «сильных» знаний говорящего [Ницолова 2007а: 115]). Однако *л*-форма, помимо эвиденциальных, сохраняет временные перфектные значения, что усложняет трактовку ее семантики (особенно в 3 Sg и 3 Pl) даже в расширенном контексте (см. примеры таблицы 13).

Таблица 13. Сопоставление эвиденциальных показателей прямого / непрямого доступа к информации

	Пример	Перевод
Аорист – один из показателей прямого доступа	Тој беше кај мене пред три дена.	Он был у меня три дня назад. (Говорящий наблюдал событие)
<i>Л</i> -форма – показатель непрямого доступа	Мајка ми се јави, тој бил _кај неа пред три дена.	Мать позвонила, он был у нее три дня назад. (Говорящий не наблюдал событие, получил информацию опосредованно)

Перфектная л-форма – результативное значение	Тој бил кај мене двапати.	Он был у меня дважды.
--	------------------------------	-----------------------

Другие индикативные времена можно назвать нейтральными по признаку доступа к информации, их употребление не сигнализирует об обязательном свидетельском статусе говорящего и не образует отношений оппозиции с косвенными эвиденциалами. Эвиденциальные формы презенса, футура или перфекта показывают, что информация получена через опосредованный источник, или же передают эпистемический компонент: недоверие, негативное отношение к утверждению и т.д., речь о нем пойдет в пункте 6.2. Формы косвенных эвиденциалов также образуются от неиндикативных *да*-конструкций, чаще с императивным значением, которые указывают на передачу повеления с чужих слов (их значения и функции будут подробно рассматриваться в пункте 6.3).

Эвиденциальная сетка значений с единым перфектным показателем пронизывает всю модально-темпоральную систему глагольных форм, что говорит об особом статусе данной категории в македонском языке. Исключением являются перфект I, плюсквамперфект I, условное наклонение *би+л-форма* и синтетический императив, которые по формальным критериям не имеют эвиденциальной пары в системе [Усикова 2003: 217-218]. Перфект I имеет омонимичную эвиденциальным показателям презента и имперфекта форму, что делает невозможным образование собственной эвиденциальной пары. Относительное время плюсквамперфект I, будучи «в связке» с перфектом I, остается нейтральным к эвиденциальным значениям, в отличие от перфекта II и плюсквамперфекта II (см. табл. 14).

Таблица 14. Косвенные эвиденциалы индикатива

	Абсолютные времена	Относительные времена (таксис)	Косвенные эвиденциалы
	Настоящее время	Имперфект	
1 SG ¹⁰¹ 3 SG	правам прави	правев правеше	сум правел правел
	Будущее время	Будущее в прошедшем	
1 SG 3 SG	ќе правам/направам ќе прави/направи	Ќе правев/направев Ќе правеше/направеше	ќе сум правел/направел ќе правел/направел

¹⁰¹ Косвенные эвиденциалы имеют полную личную парадигму, в таблице приводятся формы 1 Sg со вспомогательным глаголом *сум* и 3 Sg, где вспомогательный глагол опускается.

		Будущее результативное	Будущее в прошедшем результативное	
1 SG	ќе имам правено/направено	ќе има правено/направено	ќе има правено/направено	ќе сум имал правено/направено
3 SG	ќе има правено/направено	ќе имаше правено/направено	ќе имаше правено/направено	ќе имал правено/направено
		Перфект I	Плюсквамперфект I	
1 SG	сум правел/направил	бев правел/направил	бев правел/направил	НЕТ КОСВЕННЫХ ЭВИДЕНЦИАЛОВ
3 SG	правел/направил	беше правел/направил	беше правел/направил	
		Перфект II	Плюсквамперфект II	
1 SG	имам правено/направено	има правено/направено	има правено/направено	Сум имал правено/направено Имал правено/направено
3 SG	има правено/направено	имаше правено/направено	имаше правено/направено	
		Аорист		
1 SG	направив			сум направил
3 SG	направи			направил

Взаимодействия показателей непрямого доступа с системой глагольных форм в македонском языке показывает, что категория эвиденциальности представляет собой «область рамочных значений» [Козинцева 1994: 92-93], которая накладывается на пропозитивную часть предложения и указывает на способ получения сведений.

Эвиденциальность характеризуется как категория глагольной системы, отличная от наклонений, имеющая пересечение с зоной модальности. В отношении языков балканского типа исследователи часто включают семантическую зону эвиденциальности в более крупную категорию. Так, Р. Ницолова [2008] включает все эвиденциальные значения в категорию *гипернаклонения актуальной и воспроизведенной речи*. Также в [Ницолова 2007: 113] она предлагает «постулировать одну семантическую гиперкатегорию – *информация говорящего о передаваемой им информации*, в которую вошли бы модальность, (ад)миративность и эвиденциальность. М. М. Макарец классифицирует семантическую зону эвиденциальности (как и эпистемичность, и адмиративность) как часть общей категории дистанции [Макарец 2014: 39], опираясь на идеи Х. Ланта [Lunt 1952: 91-96] и его терминологический аппарат, описывающий македонские перфектные л-формы как формы дистанцирования (англ. *distanted*).

6.2. Подтипы эвиденциальных значений в македонском языке.

Взаимодействие эвиденциальности и модальности

В македонском, как и в других языках с эвиденциальной системой бинарного типа с единым показателем на базе перфекта, несвидетельские формы имеют характерные модальные стратегии, использование которых во многом зависит от прагматических факторов, в том числе отношения говорящего к передаваемой информации [Friedman 1986]. Один грамматический показатель объединяет в себе разные по своей природе значения, сосуществование которых довольно сложно объяснить: одни входят в семантическую зону эвиденциальности и указывают на доступ к информации (репортатив), в других прослеживается связь с модальностью, а именно с эпистемической оценкой высказывания (инферентив, адмиратив), когда говорящий со своей стороны определяет степень вероятности ситуации. В македонском языке все три значения используют одну систему показателей и не имеют формальных различий в парадигме (за исключением адмиратива, см. пункт 6.3.2).

Репортатив (встречаются также термины *цитатив*, *ренарратив*, *пересказ*, *аудитив* и др.) указывает на информацию, которую говорящий получил с чужих слов:

374) ...Белграѓанчицата веднаш фати на руски со нив, и се разбраа како стари познаници, па ми преведе дека **имале договорено** да одат на гости кај – збор да не чујам, токму така рече – нашата стара докторка што му **била** лична пријателка на Ленин, а **живеела** тука некаде, и ми спомна дека другариве, Русиве, **биле** генерали во советската армија, а инаку – воени лекари, значи исто доктори. (Д. Пандев «Потполковникот»). *...Белградка сразу пустилась с ними в разговор на русском, и они тут же почувствовали себя старыми знакомцами; она перевела мне, что они договорились пойти в гости – я клянусь, так и сказала, – к нашему старому врачу, близкой подруге самого Ленина, которая жила где-то неподалеку; а еще она упомянула, что знакомцы наши, русские, были советскими генералами в армии, а вообще они – военные врачи, то есть, тоже доктора.*

Инферентив (также *конклюдив*, *имперциптив*, *умозаключительные формы* и др.) представляет собой логический вывод, к которому приходит говорящий, исходя из собственных наблюдений или из общеизвестных причинно-следственных связей:

375) Еден од достоинствениците на локалниот книжевен Пантеон, инаку академик, со «моето е последно» и слични такви ароганции, изјави дека «денешната литература е збирштина од празникави екстраваганции». Прокопиев, којшто се втурнуваше во устени полемики со ист жар и непретпазливост како во маалските тепачки во детството од коишто излегуваше со скршена глава или нос и сега почувствува како крвта му надоаѓа во лицето и со особено силен глас, одврати: - **Вие, очигледно, сте престанале да читате.** (А. Прокопиев «Нови антиупатства за лична употреба») *Одно из божеств местного пантеона, в миру академик, в духе типичных для него «я сказал» и подобных безапелляционных высказываний, заявил, что «современная литература – сплошной пустой выпендрож». Прокопиев, ввязывавшийся в споры с тем же жаром и безрассудством, как, бывало, мальчишкой в драки, из которых выходил с разбитой головой или носом, и теперь почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, и громким голосом возразил: - Вы, должно быть, перестали читать.*

Адмиратив (или *миративные* значения) наименее очевидно связан с прототипической семантикой косвенных эвиденциалов, поскольку данное значение показывает нарушение ожиданий говорящего в **наблюдаемой** им ситуации, то есть реализованной в конкретный временной период плана настоящего или прошедшего. Формы с адмиративным значением маркируют, что положение дел не совпадает с «эпистемической гипотезой», изначально существовавшей в сознании говорящего [Плунгян 2011: 426]:

- 376) – Се чудев, – рече, – што те нема низ Струга. Сега дури разбрав оти **си бил болен**. (В. Малески. «Разбој»). – *Я удивлялся, – сказал он, – почему тебя не видно в Струге. Только сейчас узнал, что ты, оказывается, болел.*
- 377) – Не те викаат повеќе Топка. Сега гледам, **имало** зашто. – Не, сега ме викаат Хебла и болје ми е, помангупски звучи, – вели Пецо Хебла и нагло заочува. (Ж. Кујунџиски «Скопје и сè е можно»). – *Тебя больше не зовут Колобок. Сейчас вижу, есть на то причины. – Нет, сейчас меня зовут Монтировка, это даже лучше, круче звучит, – говорит Пецо Монтировка и резко тормозит.*

Совмещение трех значений в одном показателе дает основание исследователям говорить о *модализованном* характере эвиденциальной системы в языках балканского типа [Plungian 2001: 354, Friedman 1980, 2003: 212, Ницолова 2007а: 112].

Основанием для объединения в одном показателе эпистемического по своей сути инферентива и репортатива может служить несвидетельский статус говорящего по отношению к ситуации высказывания. Отношения с семантикой адмиратива выглядят сложнее, поскольку ситуация, нарушающая ожидания говорящего, обычно происходит/происходила на его глазах. Семантическое расширение косвенных эвиденциалов и их использование для маркирования адмиративных значений может базироваться на компоненте слабой уверенности (англ. *lower certainty*): «This polysemy is due to a semantic component of lower certainty: a transition from indirect evidential to admirative (roughly, from 'the speaker did not directly observe P and therefore does not consider P certain' to 'the speaker is actually observing P, but before the moment of observation s/he did not consider P certain') is achieved by suppressing the component of nonobservability: everything which is unlikely is unexpected» [Plungian 2001: 355].

Действительно, использование косвенных эвиденциалов часто зависит от отношения говорящего к передаваемой информации. Например, в македонском языке значение репортатива часто имеет семантическую надстройку в виде эпистемической оценки, когда сведения, полученные говорящим опосредованно, представляются как менее достоверные, и, как следствие, говорящий отстраняется от передаваемой им информации, подчеркивая свою непричастность к ней («эпистемическая дистанция» в терминах В. А. Плунгяна [2011: 467]). Включенный компонент оценки информации как крайне недостоверной часто меняет репортатив на дубитатив, т.е. сомнение в истинности чужих сведений [Усикова 1982: 743]:

378) Прочитав цели страници полни со анализи како да се справам со горештините.

Ете, дознав дека ако **сум ги миел** нозете со ладна вода, извесно време **ке сум имал** чувство на ладни нозе. (С. Мацановски «Трендоленд»). *Я прочитал кучу страниц, полных советов, как мне справиться с жарой. Так вот, я узнал, что, якобы, если я буду мыть ноги холодной водой, некоторое время у меня будет сохраняться чувство прохлады в ногах.*

Однако эффект «эпистемической дистанции» можно уловить только в расширенном контексте ситуации, его сложно назвать обязательной семой косвенного эвиденциала.

Мы будем придерживаться мнения, что эвиденциальная система македонского языка сохраняет базовое значение: указание на доступ к информации, был ли он

опосредованным или прямым, без обязательной модальной оценки высказывания¹⁰². Любую маркированность по степени недоверия к информации можно назвать модальной стратегией использования эвиденциального показателя. Тенденция усматривать оценку говорящего в каждом высказывании с косвенным эвиденциалом может привести к ложному толкованию формы и общего контекста ситуации. Пересказ событий в прошлом, свидетелем которых говорящий не был, имеет более обязательный и нейтральный к разным модальным надстройкам характер, именно в этих случаях замена л-формы свидетельскими формами аориста или имперфекта будет восприниматься носителями языка как грамматическая ошибка (в пр. 379 нельзя заменить *спиела* на *спиеше*, поскольку говорящий не был свидетелем ситуации и не может подтвердить, действительно ли подруга спала или опаздывает по другой причине). Пересказ настоящих и будущих событий чаще интерпретируется как оценочное высказывание, см. пр. 347, но это правило также имеет исключения. В пр. 380 дана ситуация двойного пересказа, когда жена передает мужу слова снохи, придут ли приглашенные на вечер гости, и нет основания видеть в ее рассказе недоверие к полученной информации:

379) Ми се јави Сања, доцни бидејќи **спиела**. (Пример из личного разговора). *Мне позвонила Саня, она опаздывает, потому что она спала.*

380) – Што ѝ рекоа кај Благуна, ќе дојдат ли? – **Ќе дојделе**. Стојмир **не бил** дома, ама **ќе дојделе**, така **рекла** Благуна. (В. Малески «Разбој»). – *Что ей сказали у Благуны, они придут? – Сказали, придут. Стоймира не было дома, но сказали, придут, Благуна сказала.*

Однако случаев, диктующих обязательное употребление косвенного эвиденциала, определенно меньше, чем ситуаций, в которых говорящий сам выбирает, как ему кодировать сообщение. Во втором случае важен субъективный параметр включенности/невключенности информации в личный фонд знаний говорящего и маркированное отстранение от нее или ее источника [Ницолова 2007а: 110, Макарецв 2014: 56]. Говорящий классифицирует информацию в зависимости от прагматических установок. Поэтому так важен расширенный контекст в толковании значения и функций эвиденциальных показателей. Примечательно, что во многих статьях,

¹⁰² В статье [Lazard 2001: 366] также обосновывается мнение, что модализированные эвиденциальные системы не содержат суждений о надежности информации, и высказывания с косвенными эвиденциалами не считаются изначально менее достоверными.

посвященных анализу эвиденциальности на конкретном языковом материале, авторы, используя короткий пример с несвидетельской формой, не могут избежать пояснений к ситуации, в которой фраза прозвучала, поскольку значения эпистемической дистанции, нарушения ожидания или сомнения в истинности высказывания могут быть обнаружены только в дискурсе, см., напр. [Friedman 1986: 175, Lazard 1999: 94]. Правила употребления косвенных эвиденциалов во многом зависят и от жанрового своеобразия текста (подробнее о проблеме см. [Aikhenvald 2004: 305-332]), например, для македонского языка свидетельские формы характерны для религиозных текстов (переводы Библии), поскольку события в них представляются как заведомо достоверные, а несвидетельские *л*-формы типичны для прозаических фольклорных текстов, которые передаются из уст в уста [Петроска 2011, Макарцев 2014: 215-218]. Анализ стратегий употребления и функций косвенных эвиденциалов в разножанровых типах текста представляется одним из перспективных направлений исследований семантической категории эвиденциальности.

6.3. Косвенные эвиденциалы и да-конструкция

6.3.1 Пересказ повеления. Модализированные стратегии употребления косвенных эвиденциалов

Наиболее интересны случаи взаимодействия косвенных эвиденциалов с нефактивными ДАК, поскольку их анализ может дать больше информации о грамматической сущности двух показателей и их месте в глагольной системе.

Исследование взаимодействия эвиденциальности с модальными значениями ДАК делает необходимым обращение к контекстам с зависимыми ДАК, поскольку пересказанное повеление трансформирует независимый тип конструкции в зависимый, если эксплицитно указывается источник информации, см. исследование способов передачи чужой речи в македонском языке в [Усикова 1982].

При репортативном значении показатель эвиденциальности, как правило, имеет матричный глагол, который управляет зависимой ДАК с презенсом НСВ или СВ. В пр. 381 дан заголовок статьи, в котором *л*-форма маркирует опосредованное получение автором информации о событиях в прошлом; в пр. 382 репортатив имеет модализированное употребление и толкуется как «недоверчивый пересказ», наблюдается эффект эпистемической дистанции, поскольку несвидетельские формы используются для описания хабитуальной ситуации:

- 381) Доктор од Кавадарци одел на работа иако **требало да седи** во изолација зашто ќерка му била во Италија (портал «360 степени», 20.03.20). *(Согласно источникам) Доктор из Кавадарцев вышел на работу, хотя должен был самоизолироваться, потому что его дочка ездила в Италию.*
- 382) Не дозволувајте да Ве замајуваат разни музички училишта и академии со фамата дека виолината е тежок инструмент (сме го измериле, нема ни кило). Па дека **требало** школувањето да трае најмалку десет години, па **требало да се вежба** најмалку по 6 часа на ден, па требало и дарба, и добри професори, и специјализации и субспецијализации. (С. Мицковиќ «Тоа е тоа»). *Не позволяйте всяким музыкальным школам и академиям вводить Вас в заблуждение рассказами, что скрипка – тяжелый инструмент (мы взвесили, в нем и килограмма не будет). И что, якобы, обучаться игре придется не меньше десяти лет, и что упражняться надо минимум по 6 часов в день, и что нужен талант, и хорошие преподаватели, и специализации, и подспециализации.*

ДАК обычно не «пропускает» внутрь зависимого предиката косвенные эвиденциалы, и презентная форма в сочетании с *да* остается максимально немаркированной, просто называя действие. Этой тенденции следуют и ситуации пересказа повеления, в которых глаголы речи или глаголы каузативной семантики в главном предложении присоединяют ДАК с презентным глаголом [Усикова 1982: 742]:

- 383) – Знаеш дека Туника си отиде? – Не знам. – Е, па добро, сега знаеш, – продолжи. – **Ми рече да те поздравам**». (В. Подгорец «Птиците одлетаа»). – *Ты знаешь, что Туника уехала? – Не знаю. – Ну, вот, теперь знаешь, - продолжил он. – Она просила передать тебе привет.*
- 384) А и командирот се погодил разбран човек. Им **заповедал** на војниците да **не прават** пакост по селата. (П. М. Андреевски «Пиреј»). *И командир попался понимающий. Он приказал солдатам не мародерствовать по селам.*

В таких контекстах чужая речь не маркируется косвенными эвиденциалами, поскольку ситуация пересказа задается лексическим значением предиката главной части. Нейтральная форма передачи повеления представлена в примерах 383 и 384, когда ДАК описывает ситуацию, которая гипотетически должна произойти после

событий, обозначенных глаголом в главном предложении, т.е. придаточное предложение имеет зависимую временную референцию.

В грамматике Б. Конеского случаи, когда в предикат ДАК встраиваются невидетельские сум-л-формы, описываются как факультативный вариант пересказа чужой речи¹⁰³, «чтобы подчеркнуть, что факты получены из других источников» [Конески 2004: 481]. В следующих примерах пересказ повеления означает, что прескриптором действия является другое лицо, не говорящий¹⁰⁴ (385). В пр. 386 высказывания **да ве поканам** и **да сум ве поканела** контекстуально не имеют различий. В пр. 387 форсированное использование л-формы в пересказе повеления позволяет автору опустить матричный предикат **ми рече**, что влияет на стилистику текста и ускоряет динамику действия. В результате предложение содержит формально независимую ДАК, что в очередной раз подтверждает ее автономность.

385) Тој **вика да сме ја однеселе** кај нив книгата. (Пример из [Там же: 481]). *Он говорит, чтобы мы отнесли к ним книгу.*

386) – У! – Благуна пушти вик на изненада. – За кое добро те пратил соседот Пере? – Да ве поканам. Тебе и Стојмира ве кани на вечера. В четврток имаме вечера, роднини, сватоштиње и така... и вас, **рече, да сум ве поканела**. (В. Малески «Разбој»). – *Ох! – удивленно воскликнула Благуна. – С каким добрым словом прислал тебя сосед Пере? – Чтобы пригласить вас. Тебя и Стоймира он приглашает на ужин. В этот четверг у нас будет ужин, родственники, сваты... и вас он сказал пригласить.*

387) Некој вика по мене под балконот. Излегувам. Отец Григориј. Соседите му кажале дека сум дома. Се насмевнува, како да е блажен. Му успеал планот. **Да сум одела утре**, во десет изутрина, кај Давид. **Да сме направеле** распоред на работата. Ја голтам преголемата радост во себе, за да не ја чујат соседите... (К. Колбе «Снегот во Казабланка»). *Кто-то зовет меня под балконом. Выхожу. Отец Григорий. Соседи ему сказали, что я дома. Он улыбается как блаженный. Говорит, что все получилось. Завтра, в 10 чтобы мы составили расписание работы. Я пытаюсь скрыть радость, чтобы соседи не услышали...*

¹⁰³ О факультативном употреблении косвенных эвиденциалов в составе ДАК в ситуации «классического» пересказа также пишет Ю. С. Маслов применительно к болгарскому языку [Маслов 1981: 288].

¹⁰⁴ В работе [Козинцева 2007: 30] такие высказывания называются квазиимперативными, поскольку они являются ассертивными и не имеют иллюкутивной силы.

Сформировавшиеся условия выбора между двумя формами *da+praes* и эвиденциально маркированной *da+perf* дают возможность языковой системе «перепрофилировать» один из вариантов для выражения более специфического значения. Наблюдается тенденция, при которой говорящий делает выбор в пользу конструкции *da+perf*, если в его коммуникативную задачу входит подчеркнуть **дистанцирование** от повеления (чужой воли), поскольку оно кажется ему **неприемлемым** по тем или иным причинам¹⁰⁵. В этих контекстах значение репортатива модализируется и имеет цель показать, что ситуация повеления не соответствует ожиданиям говорящего (англ. *conceptual distance* в [Aikhenvald 2004: 158]). В примерах 388 и 389 говорящие имеют не только свидетельский статус в описываемой ситуации, они также были адресатами повеления:

- 388) **Да сме им дошле на стан**, така ни рекоа Тања и Кире. «Се вселивме минатата недела и скоро сè ќе нѝ завршено», зборуваше Тања прегласно па морав да го држам телефонот малку подалеку од увото. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). *Чтобы мы пришли к ним в квартиру, так нам сказали Таня и Кире. «Мы въехали на прошлой неделе, и уже почти все готово», Таня говорила очень громко, и я была вынуждена держать телефон подалее от уха.*
- 389) Од оние што ги среќавав, некои **ме советуваа да сум пробал** со набивање цевка, други **да сум удрел** со вртење сврдел. Но мојата идеја беше да биде тоа бунар, зашто само тој вири и држи многу вода и тоа долго и понекогаш вечно. Маказарчани ми велее: Бунар? Убаво, нека е аирлија! Но, самите тие ништо не ветија. Секој предлагаше некој друг да земе да помогне. (Д. Башевски «Бунар»). *Те, что мне встречались, советовали мне попробовать пробить трубой, другие – расверлить. Но я задумал выкопать колодец, потому что только он сохраняет воду надолго, иногда навсегда. Жители Маказара мне говорили: Колодец? Отлично, удачи! Но сами ничего не обещали. Каждый предлагал, чтобы другой помог.*

В большинстве случаев косвенные эвиденциалы в ДАК указывают на неодобрение повеления говорящим, нежелание выполнять его, особенно если говорящий был непосредственным адресатом каузации, т.е. в пересказе глагол в составе ДАК принимает форму 1 Sg.:

¹⁰⁵ О похожей модализированной стратегии употребления эвиденциалов в болгарском языке см. [Ницолова 2007а: 147].

- 390) – Го прашав поп Лазо како да спречам луѓето да ме озборуваат зад грб... – И? Што ти кажа? – Замисли, ми **вика да сум се движел** со грбот припиен до сид! (Пусто турско, povamakedonija.com, 01.09.16). – *Я спросил попа Лазо, как мне помешать людям обсуждать меня за моей спиной... - И? Что он тебе сказал? – Представь, говорит, чтобы я ходил, прижавшись спиной к стене!*
- 391) Како и да е, – рече, – ете и самиот Евтим, тој летниум, тоа дрво неделкано пишува дека *освободителите* скапо си го наплатувале *освобождението*. И **бара да сум го поучел, да сум му кажел**. Што да му кажам? Кој да се снајде во овие опаки времиња? (В. Малески «Разбој»). – *Как бы то ни было, – сказал он, – вот даже Евтим, этот пустоголовый невежа, пишет, что освободители дорого берут за освобождение. И просит, чтобы я его научил, подсказал ему... А что мне ему сказать? Кто вообще может хоть что-то понять в эти темные времена?*

Исследователи неоднократно указывали на взаимодействие эвиденциальности и категории лица. Для косвенных эвиденциалов характерна форма 3 лица, так как в прототипической ситуации пересказа передается информация о действиях, которые не касаются участников речевого акта; и наименее характерна форма 1 Sg, поскольку говорящий редко выбирает стратегию намеренно отстраняться от собственных слов, ставя их под сомнение¹⁰⁶. Пересказ говорящим повеления, которое было ему адресовано, является одним из немногих случаев употребления косвенного эвиденциала в глагольной форме 1 Sg.

6.3.2. Вопросительные ДАК и эвиденциальные формы

В сферу действия пересказа включаются разные типы высказываний: повествовательные, повелительные, оптативные, восклицательные, а также вопросительные. Независимая ДАК употребляется в трех типах вопросов: частном (*Што да кажам?*), общем (*Да одам утре?*) и эхо-вопросах, которые повторяют часть предыдущего высказывания и являются реакцией говорящего на неуместное, по его мнению, или абсурдное высказывание собеседника (*– Остави ме! – Да те оставам?! Никогаш!*)

¹⁰⁶ Исключения составляют контексты инферентивного значения, когда говорящий делает умозаключения о собственных действиях, которые он совершал бессознательно в состоянии болезни, сна, потери памяти и т.д., поэтому он не может поручиться за их истинность [Конески 2004: 473; Ницолова 2007: 148-149].

Передача в косвенной речи вопроса имеет те же закономерности, что и пересказ повеления. Матричный предикат с глаголом речи обычно не присоединяет эвиденциально маркированные ДАК, поскольку отсутствует языковая необходимость дублировать факт, что запрос на информацию исходит не от говорящего, а от другого субъекта (392). Исключением может быть стратегия, при которой говорящему важно в описываемой ситуации отделить свою речь от чужой, дополнительно маркировав последнюю формами пересказа (393, 394):

- 392) Утрешната вечер требаше да излеземе. Ме праша дали да **ја викнеме** Елентина. (И. Иванова-Канго «Знаеш ли да љубиш»). *Завтра вечером мы должны были пойти на прогулку. Она спросила меня, позовем ли мы Элентину.*
- 393) На Арс Ламина по меил им пишав неколку забелешки за збирките по физика, и како одговор велат дека **биле** ненамерни и **ќе** ги **поправеле** во наредното издание (што е сосема ОК). Ама дополнително велат да сум ги **прашал** моите дали да сум им **пишел** адреса за соодветно да ми се заблагодарат. Ако имате искуство, дали е тоа нешто како писмо или па книга? (Форум kajgana.com, 12.02.20). *Я написал издательству «Арс Ламина» по электронке несколько комментариев о сборнике по физике, и они ответили, что ошибки были случайными и, по их словам, они будут исправлены в следующем издании (что очень даже ОК). Но еще они говорят, чтобы я спросил родителей, могу ли я им написать свой адрес для соответствующей благодарности. Если вдруг вы знаете, они пришлют письмо или все-таки какую-нибудь книгу?*
- 394) Писмото е од Канада. Од мајка ми. (...) Ми напишала писмо повеќе за да ми ги испрати најновите фотографии од неа и од татко ми. **Се сликале** на некоја свадба на моја трета братучетка во Америка, која не сум ја видела никогаш во животот. Прашува, дали да ми **пратела** и едно дивиди од свадбата. Не би било лошо и јас да сум им **испратела** најнови фотографии од мене во Фиренца. (К. Колбе «Снегот во Казабланка»). *Письмо из Канады. От матери. (...) Она мне написала письмо только затем, чтобы отправить свои последние фотографии вместе с отцом. Они фотографировались на какой-то там свадьбе моей троюродной сестры в Америке, которую я в глаза не видела. Спрашивает, отправить ли мне и диск со свадебными видео. И как бы было хорошо, если бы и я соизволила им отправить пару моих новых фотографий из Флоренции.*

Форсированное употребление косвенных эвиденциалов в позициях, которые не создают условий обязательности, указывает на особые прагматические установки говорящего, цель которого – не просто передать разговор, но и провести четкую границу между своими высказываниями и чужими. Интенции создания такой границы могут быть разными и выявляются в расширенном контексте. В пр. 393 говорящий, пересказывая на форуме свой разговор с издательством, последовательно использует несвидетельские формы (в том числе передавая вопрос в косвенной речи), чтобы максимально объективно осветить ситуацию и получить совет от участников форума. Пр. 394 иллюстрирует отрывок из романа, в котором героиня состоит в переписке с родителями и не находит с ними общий язык. Использование стратегии «форсированного» пересказа создает барьер между героями (или «дистанцию») и указывает на негативное отношение говорящей к передаваемой информации или запросам.

Примечательными и довольно редкими являются случаи, когда формы косвенных эвиденциалов заменяют презентный глагол в независимых вопросительных ДАК, что придает конструкции оценочное значение и говорит о негативной реакции говорящего на реплику-стимул собеседника. Такие ДАК имеют сходство с подтипом эхо-вопросов:

- 395) «Бог да го прости Климета Дулум кој дури од Европа го донесе во Струга ова весело бало, господ во пекол најубавиот казан да му го одбере, амин, тампарампара!» «Како бре, никаквец еден, **како** човекот што ни донесе товари веселби в пекол **да одел?** Во рајот господ да го настамени!» (В. Малески «Разбој»). *«Да простит господь Климе Дулума, который аж из Европы привез в Стругу этот веселый танец, да приготовит господь ему в аду самый хороший котел, аминь, трампарампам!» «Как это, негодяй ты этакий, как это человеку, который столько веселья нам принес, в аду оказаться? Пусть ему господь в раю найдет место!»*
- 396) «Кога фатија да се тргаат од Мостов?» «Кога младите прозборија јазик без струшки гргања, тогаш. Го чу ли некни Ѓоша Рибарот?» «**Што да сум чул?**» «Тоа што му рече на Бориса Берберчето: Не сме Бугари, рече. (...) Македонци сме, извикна. (...) Те жалам, рече Рибарот, оф, да знаеш колку многу те жалам зашто не си се издигнал од оваа наша струшка дуќанциска проституција, то ест општо си прост и препрост...» «Ѓошо, ова штурачиште, она тутулебале, оној најпрост рибар и парталко, тој така **да зборел?**» «Тој и така». «Ме чудиш. Навистина многу ме чудиш». «И не само тој. Сите». (В. Малески «Разбој»). *«Когда это они начали*

уходить с Моста?» «Когда молодежь выучилась говорить без стружских прибауток, тогда. Ты не слышал позавчера Гёшо Рыболова?» «Что, по-твоему, я должен был услышать?» «А то, что он сказал Борису Цирюльнику: Мы не болгары, говорит. (...) Мы македонцы, говорит. (...) Жалко мне тебя, говорит Рыболов, эх, если б ты знал, как мне тебя жаль, потому что ты не оторвался от нашей стружской проституции торгашей и купчишек, то есть ты вообще темный, глухота...» «Гёшо, этот оболтус, дурачина, этот невежа рыбак и оборванец, он и чтоб так говорил?» «Он и так». «Ты меня удивляешь. В самом деле, очень удивляешь».

В примерах ДАК уходят от привычной речевой функции вопроса – запрос на неизвестную слушателю информацию. В пр. 395 риторический вопросительный модус **како човек в пекол да оди?** показывает, что говорящий оценивает гипотетическое действие как невозможное («никак этот человек в ад пойти не может»). Репортивная сум-л-форма в составе ДАК употреблена в качестве эмфазы и подчеркивает, что сама идея о вероятности наступления описанной ситуации говорящему не принадлежит, он пересказывает ее с чужих слов собеседника. Похожее наложение значений происходит в пр. 396, в котором риторический вопрос типа **што да чујам?** «что я должен услышать» имеет семантическую надстройку репортива «по твоим словам», «якобы», поскольку говорящий повторяет уже упомянутый в реплике-стимуле собеседника глагол **чуе**. Сум-л-формы трактуются как эвиденциальные, поскольку вопросительные независимые ДАК по своей семантике (запрос информации для возможного/необходимого действия) включают формы немаркированного презенса, который в сочетании с союзной частицей *да* будет иметь нефактивное значение¹⁰⁷. Высказывание в пр. 396 **тој така да зборел?** представляет собой вопросительную модификацию адмиративной ДАК, которая маркирует нарушение ожидаемого порядка вещей в представлении говорящего. Говорящий переспрашивает, поскольку не может поверить в услышанное. Адмиративная независимая ДАК способна сочетаться с показателями косвенных эвиденциалов для усиления оценочного значения, подробнее в п. 6.3.3.

¹⁰⁷ Вопрос о возможном/необходимом действии в прошлом обязательно имеет эксплицитный модальный предикат, присоединяющий зависимую ДАК: *Што да му кажам?* «Что мне ему сказать?» - план настоящего или гипотетический план будущего действия; *Што можев / требаше да му кажам?* «Что мне нужно было ему сказать?» - вопрос о возможном/необходимом действии в прошлом. Глагол в составе данного типа ДАК не может иметь результативных или прошедших времен.

Косвенные эвиденциалы могут «встраиваться» в ДАК, если последние выступают в функции квазिवопросительных реплик-реакций (например, риторический вопрос) на предыдущее высказывание, которые с помощью репортативных форм маркируют негативное отношение говорящего к воспроизведенной информации (через прием «эпистемической дистанции»).

Прагматические условия употребления сум-л-форм в составе вопросительных ДАК довольно специфические, поэтому такие конструкции скорее имеют статус редких, чем узуальных в македонском языке. Но благодаря нетипичному взаимодействию нескольких грамматических категорий ДАК приобретает способность выражать экспрессивные оценочные значения.

6.3.3. Адмиративные ДАК. Адресованный адмиратив

Адмиративное значение может иметь независимая ДАК, в македонском языке его описывают [Конески 2004: 413, Верижникова 2012а, б]. В классическом определении адмиратив маркирует нарушение ожиданий говорящего относительно ситуации в настоящем, свидетелем которой является говорящий. Исследователи отмечают, что в этом значении ДАК обозначает фактивное событие, которое имело место в реальности, что является для нее нетипичным употреблением [Ницолова 2008: 428].

ДАК имеет, по крайней мере, две сферы функционирования, отличных от адмиративной л-формы.

ДАК маркирует конкретное событие (или несколько событий) в плане настоящего или прошедшего, которое, по мнению говорящего, нарушает естественный порядок вещей и его представления о мире:

397) – Од Балканската војна сум војник, седум рани носам. (...) И пак тоа копиле мене **да ме учи!**... Крчмарот му потврдуваше со глава. (Б. Конески «Лозје»). *Я солдат со времен Балканской войны, семь ран ношу... (...) И чтоб этот слизняк еще меня учил! Хозяин корчмы согласно кивал головой.*

398) Госпoде златен, и во своја земја **да не можеш** да си го видиш детето што умира! (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Господи боже, как это, чтобы в своей стране ты не мог увидеть свое родное дитя, когда оно умирает!*

Ю. С. Маслов в болгарском языке данное значение независимой ДАК формулирует как «значение эмоциональной констатации реально существующего факта, не соответствующего представлениям говорящего» [1981: 287].

Ярко выраженная экспрессивная оценка, заложенная в адмиративной ДАК, на русский может быть передана синтаксической структурой с союзом *чтобы* в независимой позиции, ср. примеры: а) **Чтоб** пятьсот матросов — да кадетов побоялись? [Б. А. Лавренев. Ветер (1924)]; б) **Чтоб** у меня да когда-нибудь тухлый товар! Да ешто я родителей моих обесславлю? [М. С. Шагинян. Перемена (1923)]; 3) Да, **чтоб** мы — да такую ерунду не сделали? Да нас только выпусти! [Николай Рубан. Тельняшка для киборга // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18]¹⁰⁸.

Р. Ницолова [2008: 428] сравнивает такие употребления ДАК с русским «драматическим» императивом [Исаченко 1957: 12], который обозначает реальное прошедшее действие, имевшее внезапный, стремительный характер, часто с нежелательными последствиями для говорящего, ср.: *Я пригласил его, а он возьми и не приди*. Для македонского языка данная параллель будет не совсем точной, поскольку акцент ставится не на внезапность действия, а его «онтологическую несправедливость» в глазах говорящего. В отличие от адмиративной л-формы ДАК не только маркирует нарушение привычного по представлению говорящего порядка вещей, но и включает субъективную оценку действия (обычно – как негативного):

399) Тие тоа да **прават**, а ние да **седиме** тукутака, а?! Е, не оди тоа така, братче. (Т. Османли «Каприча»). *Они чтоб такое творили, а нам – сидеть просто так, да?! Нет, так не пойдет, дружок.*

В отличие от адмиративных л-форм ДАК может использоваться в том типе нарратива (т.е. в последовательном рассказе о событиях в прошлом), в котором выделяется персонифицированный повествователь. Адмиративные ДАК появляются в тех точках развития действия, которые кажутся повествователю ключевыми, он хочет вызвать у слушающего максимальную степень эмпатии и удивления. В следующей отрывке из романа (400) героиня рассказывает историю своей жизни, ДАК появляются в повествовании в тот момент, когда она впервые видит свое отражение в зеркале после долгих месяцев заключения:

¹⁰⁸ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка, ruscorpora.ru.

- 400) Сосема туѓо лице... Мое е, а ништо мое нема на него. Ни уста, ни нос, ни очи, ни чело. И не можам да се тргнам од пред огледало. (...) Такво лице ќе да имав видено некаде, на некој филмски журнал: го откопуваа од некоја колективна гробница... Сета глава **да ми е соголена**. Само неколку влакна **да ми штрчат** на темето. Ама и тие се некако недалеку застанати: влакно со влакно **да не може** да се досегне. А и главата како да ми стои понастрана од телото. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Совсем чужое лицо... Мое, а ничего моего в нем нет. Ни рот, ни нос, ни глаза, ни лоб. А взгляд не могу отвести. (...) Кажется, такое лицо я где-то видела, в каком-то журнале о кино: где человека откопали из братской могилы... И вся голова голая! Только несколько волосинок торчит на темени. Но и они какие-то реденькие, и волосок до волоска не дотягивается. Да и сама голова будто отделена от тела.*
- 401) Светлината нека ми е сведок, ама јас **да ти се родам** како вистински камен. Бел, тврд, ладен, ладен, велама, оти мајка ми, кога ме родила, **да ти биде** пред умирање. Не стасала кутричката да ме стопли со своите пазуви. ... пред да умре мајка ми, ме донеле до нејзината постела, ме клале врз возглавницата да ми се израдува, а јас, будаленката, токму во тој момент **да вреснам** и сета крв **да ми се искачи** во обравчињата. А мајка ми, не можела да се начуди. Како таа, болелива жена, **да роди** такво здраво дете? Од радост ги развлекла крајчината од бледите уснички и испуштила душа. (К. Мисиркова-Руменова «Недожилени», пример из [Верижникова 2012а: 102]). *Пусть свет мне будет свидетелем, но я, представь себе, когда родился, был как настоящий камень. Белый, твердый, холодный – холодный, потому что мать моя, когда меня родила, вот ведь беда, была уже при смерти. Не успела, несчастная, согреть меня на груди... перед ее смертью поднесли меня к ее постели, положили в изголовье, чтобы она порадовалась, а я, дурачок, именно в этот момент давай кричать, а кровь так и прилила к щечкам. Мать надивиться не могла. Как же это, она, слабая, больная, родила такого здорового ребенка? От радости она улыбнулась уголками губ и испустила дух.*

Функция повествовательной адмиративной ДАК – не столько маркировать экспрессивную реакцию говорящего от нарушения ожиданий, несовпадения фактов с его эпистемической гипотезой, сколько вызвать этот спектр эмоций у слушающего. Как отмечает [Верижникова 2012а: 101], ДАК выражает особый подтип *адресованного адмиратива*: «Адмиративные сум-формы тоже часто имеют адресата, но там это удивление говорящего в момент осознания происходящей ситуации; выбирая

конструкцию *да-praesens*, говорящий тем самым призывает собеседника разделить удивление с ним. Парафраз был бы следующим: «Представь, что происходит/произошло!, т.е. факт в прошлом был таким неожиданным для меня, когда я его осознал, и сейчас, когда я тебе о нем рассказываю, я ожидаю, что ты разделишь со мной мое удивление»¹⁰⁹. Экспрессивный характер конструкции, ее направленность на адресата подчеркивает и регулярное употребление местоименных клитик в функции *dativus ethicus* (в пр. 401 *да ми се родам*), которая также аккумулирует внимание слушателя.

Соотношения двух близких по значению показателей адмиратива – независимой ДАК и *л*-формы – тема малоизученная. Интересным представляется тот факт, что оба показателя регулярно употребляются вместе, образуя конструкцию *да+perf*, с общим значением «усиленного» адмиратива. Сочетание двух показателей в одной глагольной форме усиливают аффект, который говорящий испытывает после осознания нового факта, нарушающего в его представлении логический ход вещей. Показателен пример 404, где использованы и адмиративная *л*-форма, и конструкция *да+perf* в последующей фразе в качестве более экспрессивного выражения удивления:

402) – Еден од парадигматичните примери на кој можеби се сеќавате е четирипартната скулптура на музикантите од пред Балканска банка – како од книга зборува дечкото. – Да, бе, Хебла, ти текнува дека еден по еден се губеа тамбурашиве – се убацува Чорба. – Кога и да поминам, некој бре фали. Сега го гле’аш, сега не го гле’аш. Си викав, види мајката што ти се вика модерна уметност, а тоа **крадени да ти биле**. (Ж. Кујунџиски. «Скопје и сè е можно»). – *Один из ярких, показательных примеров, о котором вы, может быть, помните – это четырехчастная скульптура музыкантов перед Балканским банком, – как по писаному говорит паренек. – Да, Монтировка, припоминаешь, один за другим исчезали музыканты-тамбураши, – встречается Чорба. – Как ни пройду, одного обязательно не хватает. Сегодня его видишь, завтра – нет. Я думаю, ну, ничего себе, вот что значит современное искусство, а это – представь – тырили их!*

¹⁰⁹ «Адмиративност изразена со *сум*-формите исто така најчесто има адресат, но таму тоа е чудење на говорникот во моментот на откривањето на дејството, а со *да-praesens* говорникот како да го повикува соговорникот да го сподели чудењето со него. Парафразирано би било: замисли, што се случува/се случило!, односно: фактот во минато беше неочекуван за мене, кога го осознав, и сега ти го раскажувам и очекувам дека и ти ќе го споделиш моето чудење»

- 403) – Знаеш и сама дека нè остави без кола! Едно уље **да не се сменило** толку време! (В. Петрушевски-Фили «Викенд во Охрид»). – *Ты и сама знаешь, что оставила нас без машины. Чтоб столько времени масло не менять!*
- 404) Луѓето околу се виткаа од смеене и велеа: - Пусти Богдан, што шакација **бил!** – Види го, каков **откорнатик да ти бил!** (В. Малески. «Разбој»). *Люди вокруг надрывались от смеха и говорили: - А этот Богдан, какой, оказывается, шутник! – Посмотри на него, вот он оторва!*
- 405) Демек, избори се во прашање мајку му стара, не е заебанција, вреди човек да се помачи малку со оваа тема. Демек, мојата иднина е во прашање. Море батали ме мене, иднината на Македонија **да ти била во прашање!** (С. Мацановски «Трендоленд»). *Значит, все дело в выборах, черт побери, это тебе не просто так, стоит человеку немножко помучиться с этой темой. Дескать, это касается моего будущего. Да что там я, это касается будущего самой Македонии!*
- 406) А кога сме кај хејтањето, слободоумниве демократи ме просветлија со фактот дека и репликата «досаден си» **да ти била говор** на омраза. (А. Русјаков «Од ука да не куртулите», НМ, 25.04.15). *Ну, если уж речь зашла о хейтерстве, свободомыслящие демократы просветили меня, что и фраза «ты зануда», оказывается, расценивается как проявление языковой агрессии.*

В примере 406 конструкција *да ти била говор на омраза* поддається двойной трактовке: и как усиленный адмиратив при сочетании двух показателей, или же как пересказ чужих слов (л-форма в функции косвенного эвиденциала) с добавлением адмиративного компонента ДАК. Когда говорящий, пересказывая события с чужих слов, хочет сделать свое повествование живее и увлекательнее, вызвав эмоции удивления от неожиданного обстоятельства, адресованный адмиратив ДАК сочетается с эвиденциальной л-формой:

- 407) Пере им се видел на луѓето платносан во лицето, од недобро што му било деновие, велел. На Велигден се натрескал јагнешко, многу убаво мевце **да се погодило**, се топело во устата проклетничето, објаснувал, прстите да ги изгризеш – такво месо **да ти било**, велел, Богдан сватот му го одбрал а тој е прочуен во касапскиот свет, но пустиот желудник **да ти му бил одвикнат** од мрсноти, во велигденските пости одвикнал, та не мелел токму по мерата. (...) Ете, затоа бил некако сиот втурен, затоа а не за друго. Луѓето го молитвеле Перета, господ да ми

те поживее, шепотеле, шеп, шеп – така тајнувале, бидејќи собрание то било најтајно, а со умот си велеле: Од каде на каде велигденско јагне да терало дрсканици? (В. Малески. «Разбој»). *Людям показалось, что Пере совсем с лица спал, а он говорил, что все эти дни нехорошо ему было. На Пасху, дескать, наелся он молодого барашка, такое мясо чудесно попало, мол, просто таяло во рту, проклятое, пальчики оближешь – такое вот мясо было, Богдан, сват его, специально выбрал, а он – среди мясников человек известный, но, вот ведь беда, проклятый желудок, оказалось, отвык от жирной пищи, за Великий пост совсем отвык, вот и не варил как надо. (...) Оттого он такой, дескать, весь поникший, а другой причины нет. Люди сочувствовали Пере, помоги тебе Господь, а про себя думали: С каких это пор с пасхального ягненка так проносит?*

В примере 407 использована адмиративная ДАК для передачи речи героя, который убеждает земляков, что причина его плохого внешнего вида – расстройство желудка, хотя все окружающие понимают, что плохо выглядит он из-за другой, весьма постыдной, ситуации. Пример демонстрирует, как могут сочетаться показатели адмиративности и эвиденциальности в одном контексте, создавая многослойный, полифоничный стиль повествования.

В ходе нашего исследования мы наблюдали функционирование независимой ДАК как показателя ирреальных модальных значений. Адмиративная ДАК, напротив, описывает фактивную ситуацию, имевшую место в реальности. Однако основная функция адмиративной ДАК – провоцировать эмпатию слушающего, выстраивая образ произошедшей ситуации в сознании собеседника в заданном эмоциональном регистре: «Ты только представь!», что близко по сути к сфере ирреальности. По нашему мнению, семантика адресованного адмиратива позволяет использовать нефактивную конструкцию для обозначения реально произошедших событий, поскольку те буквально «пересоздаются» в сознании слушающего. Собственные значения ДАК вступают в сложные отношения с эвиденциальностью (зачастую в комплексе с эпистемической модальностью) и адмиративностью и дают комплексное значение формы.

Заключение

В работе исследовалась независимая *да*-конструкция в македонском и сербском языках, ее значения, функции и статус в грамматических системах. Основание для сопоставления ДАК в двух близкородственных южнославянских языках дают общие конвергентные процессы распространения языковых инноваций на территории балканского языкового союза: утрата инфинитива и его активное замещение аналитической конструкцией с *да* привели к расширению функций последней.

ДАК в двух языках называется сочетание модальной союзной частицы *да* и финитного глагола, которое функционирует как в зависимой, так и независимой синтаксической позиции и имеет закономерные ограничения на употребление временных глагольных форм в составе конструкции. Фокус исследования был направлен на изучение независимой ДАК, так как ее употребление чаще всего мотивировано семантикой ситуации. Поэтому, несмотря на большое количество сложных переходных случаев (например, рассмотренное нами функционирование ДАК в заголовках СМИ и рекламных слоганах), в которых нелегко определить синтаксический статус конструкции, между зависимым и независимым типом была условно проведена граница, что позволило нам исследовать семантический потенциал независимой ДАК.

Независимая ДАК в македонском языке

ДАК в македонском языке имеет следующие структурные особенности: а) контактное расположение союзной частицы *да* и глагольной формы; б) жесткая структура конструкции, не допускающая свободного порядка элементов; между глаголом и *да* стоят только цепочки клитик слева от глагольной группы; в) повторение элемента *да* при однородных предикатах; г) *да* накладывает модально-темпоральные ограничения на глагольную форму в составе конструкции; д) конструкция образует полную гомогенную аналитическую парадигму, которая эксплицитно указывает на лично-числовые характеристики глагола.

Двумя семантическими центрами независимой ДАК следует считать императивное и оптативное значения, которые связаны между собой и используют одну систему показателей: в императиве используется преимущественно *да+praes* (а также *да+perf* и *да+impf* в формально маркированных семантических подтипах

строгого и вежливого повеления), в оптативе преимущественно используются *da+praes* и *da+impf*.

Полная лично-числовая парадигма независимой ДАК делает ее продуктивным способом выражения императивного значения и структурно отличает ее от остальных императивных форм и конструкций в глагольной системе. Независимая ДАК является единственным формальным способом выражения побуждения к совместному действию 1 Pl, а также специфической для императивной парадигмы формы 1 Sg. В коммуникативной ситуации повеления, обращенного ко второму лицу, ДАК конкурирует с синтетическими императивными формами, в третьем лице – с аналитической *нека*-конструкцией.

В разных лично-числовых доменах конкурирующие формы могут быть взаимозаменяемы, однако в ряде семантических подтипов императивных ситуаций преимущество имеет один из двух показателей. Например, в подтипе «Приказ» ДАК второго лица интерпретируется как более категоричная и экспрессивная форма по сравнению с синтетическим императивом, также ДАК чаще маркирует каузацию необходимого по мнению говорящего действия. ДАК и синтетический императив второго лица не взаимозаменяемы в устойчивых выражениях, таких как пословицы, поговорки, в синтаксических фразеологизмах. Хотя в грамматиках аналитическая ДАК второго лица описывается как изофункциональная форме синтетического повелительного наклонения, она ей не эквивалентна.

Каузацию по отношению к третьему лицу выражают и ДАК, и *нека*-конструкция. В контексте нейтрального, нестрогого повеления они взаимозаменяемы. Однако ДАК показывает себя как более продуктивная, чем конструкция с *нека*, поскольку она обладает бóльшим семантическим и функциональным спектром: ДАК употребляется как в некатегоричном повелении, так и экспрессивном, в диалогическом и нарративном режиме (подтип «Инструкция» в безлично-пассивной форме с возвратной частицей *се*). В македонском частица *нека* в сочетании с глаголом сохраняет тесную связь пермиссивным и нонкуративным значениями. Это мешает продуктивному употреблению *нека*-конструкций в контекстах строгого повеления, в которых узуальной выступает ДАК. Обе аналитические конструкции также имеют оптативное значение, в котором ДАК опять же отличается более широкой сферой функционирования: она маркирует гипотетические, контрфактивные оптативные ситуации, в то время как *нека*-конструкция выражает только последний тип «магического» оптатива в формулах этикета, благопожеланий и проклятий. Сопоставив две имеющие похожие структурные свойства аналитические конструкции,

мы пришли к выводу, что на фоне узкой семантической специализации и достаточно ограниченного функционирования *нека*-конструкций, ДАК выступает как форма с наиболее широким диапазоном в рамках императивно-оптативной сферы.

Благодаря взаимодействию категорий лица, иллокутивной силы высказывания и лексического значения глагола формы 1 Sg претерпевают семантический сдвиг в рамках императивной парадигмы, и ДАК 1 Sg специализируется на обозначении момента принятия решения говорящим совершить какое-либо действие, показывает изменение когнитивного статуса субъекта. Также формы 1 Sg в ДАК обозначают опосредованную каузацию действия, если в составе конструкции участвуют глаголы аудиовизуального восприятия.

Отдельно рассматривается прохибитивная конструкция *немој(me) да + praes*, которая является одним из способов выражения стилистически нейтрального запрещения. Ее следует трактовать как специализированную форму прохибитива, отличающуюся высокой степенью грамматикализации, поскольку: а) аналитический прохибитив *немој да + praes* присоединяет глаголы двух видов без изменения императивной семантики, что говорит о большей структурной мобильности и продуктивном характере форм; б) отсутствие в глагольной системе инфинитива позволяет перекодировать *да* из союзного элемента зависимой части, которая изначально маркировала синтаксическую связь предиката с модальным глаголом *мочь*, в часть грамматического маркера прохибитива 2 лица *немој да + praes*; в) *немој* имеет тенденцию не присоединять к основе флексию *-те* при субъекте повеления в форме 2 P1, что говорит об унификации показателя для всех чисел 2 лица.

В македонском языке два частных императивных значения маркированы особой формой, отличной от *да + praes*: это значение строгого повеления/эмфатического запрещения (*да + perf*) и вежливой просьбы (*да + impf*). Конструкция строгого повеления *да + perf* используется в большинстве южнославянских языков (кроме словенского), при этом в македонском она является одним из немногих случаев употребления перфектной *л*-формы после союзной частицы *да* вне эвиденциальных контекстов. Частное значение вежливой просьбы представляет собой транспозицию оптативной ДАК в сферу императива, что доказывает близость двух центральных значений в рамках одной парадигмы ДАК.

Императивно-оптативные ДАК имеют тенденцию образовывать особую группу языковых единиц, которые функционируют как дискурсивные маркеры, отличающиеся разной степенью идиоматичности и экспрессивности. Функция конкретного дискурсивного маркера зависит от специфического взаимодействия лично-числовых

показателей глагола и его лексического значения. Связь дискурсивных маркеров с императивно-оптативным семантическим центром конструкции закладывает в них апеллятивный потенциал, что способствует переходу отдельных групп ДАК (обычно с глаголами речемыслительного процесса) в разряд дискурсивов, а также говорит о вторичном характере дискурсивной функции ДАК.

Независимая ДАК выражает гипотетический, контрфактивный и «магический» тип оптатива. Конструкция *da + praes* используется для описания гипотетических ситуаций, когда желаемое событие имеет шанс произойти в будущем, конструкция *da + impf* – для описания контрфактивных ситуаций, когда желаемое для говорящего событие не имеет шанса реализоваться в настоящем или не реализовалось в конкретный момент прошлого. «Магический» оптатив имеет форму *da+praes* и используется в формулах благо- и злопожеланий, которые изначально имели магические функции, но в современном языке высказывания с данным типом оптативных конструкций употребляются в качестве этикетных формул (например, в коммуникативной ситуации поздравления). Многие формулы благопожелания и проклятия, трансформируя свои функции, становятся базой для языковой игры.

ДАК широко используются в различных типах вопросительных высказываний. ДАК, функционируя в общих и частных типах вопросов, демонстрирует взаимодействие нескольких категорий: вопросительности, императивности, лица и числа глагола. На семантическую интерпретацию вопросительной ДАК влияет прагматика конкретной ситуации: является ли вопрос стимулом, побуждающим собеседника к повелению, или является реакцией говорящего на высказанное побуждение со стороны собеседника. В первом случае вопросительная ДАК будет интерпретирована как вопрос о повелении (императивный вопрос, глагол в форме 1 Sg) или вежливое побуждение (1 Pl, 2 Sg / Pl), во втором – как эхо-вопрос, дублирующий часть высказывания из реплики-стимула, или риторический вопрос, обозначающий потенциальную невозможность совершить действие. Вопросительные ДАК показывают связь с базовым императивным значением и во многом являются производными от него. Благодаря взаимодействию нескольких грамматических категорий вопросительные ДАК описывают узкий круг специфических речевых ситуаций, которые, однако, регулярно повторяются в повседневном общении.

Употребление ДАК с перфектной л-формой в функции эвиденциального показателя происходит в случае передачи повеления в косвенной речи после глаголов каузативной семантики или глаголов речи, если говорящий стремится подчеркнуть, что прескриптором повеления является другое лицо. Часто предпосылкой к подобному

двойному маркированию значения (и лексически, и грамматически) является задача говорящего дистанцироваться от чужой воли, которая кажется ему неприемлемой (если адресатом повеления был сам говорящий, глагол принимает форму 1 Sg). На репортативное значение косвенного эвиденциала накладывается дубитативное, т.е. сомнение говорящего в истинности передаваемой информации. Пересказ говорящим повеления в свой адрес является одним из немногих контекстов, где употребляется косвенный эвиденциал в форме 1 Sg. Эффект эпистемической дистанции достигается также сочетанием показателей косвенных эвиденциалов и вопросительных ДАК. Форсированное употребление форм пересказа в факультативных позициях указывает на особые прагматические установки говорящего, чья цель не ограничивается простой передачей информации, ему важно провести четкую границу между своими высказываниями и чужими.

Независимая ДАК используется в адмиративном значении в ситуации, когда конкретное событие в плане настоящего или прошедшего нарушает представления говорящего о мире и его логических связях. Второй подтип ДАК – это адресованный адмиратив, который используется в нарративе с фигурой персонифицированного повествователя. Функция адресованного адмиратива – маркируя ключевые события истории, вызвать у слушающего такие же эмоции удивления, которые испытывал повествователь/говорящий в момент осознания ситуации. В македонском языке также отмечается регулярное употребление двух близких по значению адмиративных показателей ДАК и *л*-формы, которые образуют конструкцию *da+perf* с общим значением «усиленного» адмиратива. Маркируя действие, которое имело место в реальности, адмиративная ДАК отличается от остального спектра ее нефактивных значений. По нашему мнению, семантика адресованного адмиратива позволяет объяснить переход ДАК в домен реальных событий. Функция адресованной ДАК – спровоцировать эмпатию слушающего, по сути, отталкиваясь от сферы ирреальных событий, поскольку говорящий заново выстраивает образ произошедшей ситуации в сознании собеседника в заданном эмоциональном регистре: «Ты только представь!»

Анализ функций и значений независимой ДАК в македонском языке показал, что образование *da+Vfin* является интегрированной частью системы македонского глагола. По структурным особенностям ДАК показывает высокую степень грамматикализации. *Да* выступает в роли служебного грамматического элемента, который модифицирует значения темпоральных форм и в сочетании образует **аналитическую глагольную форму косвенного наклонения**, центральными значениями которой в независимой синтаксической позиции будут выступать императивное и оптативное. Следуя

традиции македонских грамматических описаний, мы назовем исследованную нами часть ДАК независимым употреблением конъюнктива/субъюнктива.

Независимая ДАК в сербском языке

ДАК в сербском языке имеет следующие структурные особенности: а) отсутствие правила контактного расположения *да* и глагола; б) ДАК не имеет жесткой структуры, позицию глагола в конструкции определяет коммуникативная структура высказывания; в) нерегулярное повторение союзной частицы *да* при однородных предикатах; г) *да* накладывает модально-темпоральные ограничения на глагольную форму в составе конструкции; д) финитная ДАК эксплицитно указывает на лично-числовые характеристики глагола и имеет полную, недефектную парадигму.

Двумя семантическими центрами сербской независимой ДАК так же, как и в македонском, следует считать императивное и оптативное значения. Они используют связанную между собой систему показателей: *да+praes* и *да+perf*. Сопоставительный анализ македонской и сербской независимой ДАК выявил, что, несмотря на различия в структурных особенностях, они разделяют значительную часть общих семантических и функциональных черт: сербские ДАК также образуют группы дискурсивных маркеров и имеют похожие закономерности употребления в вопросительных высказываниях.

Различия обуславливаются наличием большего количества изофункциональных форм и конструкций, которые активно конкурируют с ДАК в выражении нефактивных значений: 1) в императиве ДАК является единственным формальным показателем формы 1 Sg, в остальных лично-числовых доменах она имеет конкурентные формы синтетического императива (1 Pl, 2 Sg / Pl); также аналитические конструкции с *нека* (3 Sg / Pl), которые обладают более широкой сферой функционирования, чем македонские, поскольку употребляются в подтипе категоричного повеления (например, приказание); в семантическом подтипе повеления «Инструкция» в сербском не используется ДАК, ее коррелятом выступает инфинитив или синтетические формы 2 лица; 2) наличие формы инфинитива влияет на процесс грамматикализации прохибитивного сочетания с *немој(-мо/-те) да + praes*, за которым следует признать статус синтаксической конструкции; 3) в гипотетическом и контрфактивном оптативе конструкция *да+praes* конкурирует с формой потенциала с союзом *кад*, а в обозначении «магического» оптатива в сербском используется преимущественно *л*-форма бессвязочного перфекта, в сферу действия которого также «вторгается» ДАК; 4) в подтипах частных вопросов *шта да+praes*, когда фигура адресата имеет

собираемый образ (как обобщенный референт), а сам контекст приближен к инструктивному, ДАК может быть заменена на инфинитив.

Тем не менее, в сербском языке ДАК активно расширяет свои функции, становясь вариантом «первого выбора». Характерным примером такого процесса является постепенный переход формы синтетического императива 1 РІ на периферию категории императивности (употребляется в слабо императивных контекстах декларативного характера: лозунги, призывы к определенному типу поведения), основное значение повеления 1 РІ – побуждение к совместному действию – закрепляется за ДАК. Также только ДАК может выражать все три типа оптативной ситуации: гипотетическую, контрфактивную и формулы «магического» оптатива, в отличие от своих конкурентных аналогов, что говорит о ее продуктивном характере.

Проанализированные закономерности употребления ДАК в позиции независимого предиката **в сербском языке** дает основание пересмотреть некоторые положения сербской описательной грамматики, которая трактует модальные нефактивные значения конструкции в русле транспозиционного употребления временных форм. Однако независимая ДАК приобретает нефактивную семантику благодаря сочетанию служебного элемента *да* и финитного глагола, чье значение он модифицирует. Независимая ДАК так же, как и ДАК в македонском языке, является интегрированной частью глагольной системы, имеет полную парадигму, объединенную императивно-оптативной семантикой. Однако следует учесть следующие факторы:

а) присутствие в глагольной системе формы инфинитива (и других конкурентных грамматических структур), которые во многом замедляют и видоизменяют процесс грамматикализации ДАК в сербском языке;

б) жесткую структуру расположения элементов в ДАК и нерегулярное повторение служебного элемента *да* при однородных предикатах.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что независимая ДАК представляет собой не аналитическую форму глагола, но **синтаксическую конструкцию**, статус которой говорит о незавершенном, обрывочном процессе распространения балканской инновации, отраженном в сербском литературном языке.

Список литературы

1. Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 188-191.
2. Адаскина Ю. В., Гусев В. Ю. Конструкции с «лишним» участником в русском языке: императив первого лица // Русская филология. 18. Тарту, 2007. С. 157-164.
3. Александрова А.И., Васильев С.Л. Роль экспликаторов модальных значений в построении газетного заголовка (на материале новостных заметок) // Вестник Балтийского федерал. ун-та им. И. Канта. 2013. №8. С.24-29.
4. Алексий Д. С. Ка морфолошкој систематизацији сложених глаголских облика // Наш језик, XLIX/1. 2018. С. 61-76.
5. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. Москва: Изд-во иностр. лит., 1949.
6. Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст. Граматика на българския език. София: Наука и изкуство, 1977.
7. Ануфриев А. А. Роль адресата при выборе наклонения в придаточных предложениях, вводимых эпистемическими глаголами (на материале современного испанского языка) // Логический анализ языка. Адресация дискурса. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Изд. «Индрик», 2012. С. 17-23.
8. Арутюнова Н. Д. Вариации на тему предложения // Инвариантные синтаксические синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969.
9. Асенова П. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. В. Търново: Фабер, 2002. (1-е изд. 1989)
10. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
11. Барентсен А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; New York, 2003. С. 1-33.
12. Белић А. Историја српскохрватског језика. Књ. II св. 2: Речи са конјугацијом. (4 изд.) Београд: Научна књига, 1969.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. / Под ред., вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
14. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
15. Бојковска С., Минова-Гуркова Л., Пандев Д., Цветковски Ж. Општа граматика на македонскиот јазик. Скопје: Просветно дело, 2008.
16. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 80-90.
17. Боронникова Н. В. К вопросу о так называемых безличных конструкциях // Славистички студии, 12, 2006. С. 45-52.
18. Бояджиев Т, Куцаров И., Пенчев Й. Съвремен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999.
19. Бужаровска Е. Независните *да*-конструкции во македонскиот јазик и нивните корелати во грчкиот, МЛ XLVIII—L/1997—1999 (2000). С. 217—236.
20. Бужаровска Е., Митковска Л. Негираните независни *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / ред. З. Тополињска. Интернет-верзија на Зборникот, Скопје: МАНУ, 2014. С. 22-49.

21. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Грамматика личных местоимений // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
22. Ван дер Аувера Й., Гусев В.Ю., Добрушина Н.Р. Семантическая карта императива–гортатива // Володин А. П. (ред.) Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 36-60.
23. Верижникова Е. В. Категориальный статус и функционирование глагольных форм с компонентом *ke* в современном македонском литературном языке. Дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. <http://cheloveknauka.com/kategorialnyu-status-i-funktsionirovanie-glagolnyh-form-s-komponentom-ke-v-sovremennom-makedonskom-literaturnom-yazyke>
24. Верижникова Е. В. Место конструкций *ke+da+verbum finitum* в модально-темпоральной системе македонского глагола // Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала Вардар. Индрик Москва, 2008. С. 132–145.
25. Верижникова Е. В. Адмиративност во македонскиот јазик // XXXVIII Научна конференција на XLIV Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 14 и 15 јули 2011). Лингвистика. Универзитет Св. Кирил и Методиј Скопје, 2012а. С. 93–109.
26. Верижникова Е. В. Адмиративност в македонском языке // Славянские языки и культуры в современном мире. II Международный научный симпозиум. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. 21–24 марта 2012 г. Труды и материалы. М, 2012б. С. 257.
27. Верижникова Е. В. Уникатноста на македонскиот темпорален систем меѓу словенските јазици // За македонските работи: името Македонија и македонскиот јазик: зборник на трудови од Меѓународниот научен симпозиум „За македонските работи (во истражувањата на македонистите од странство)“, Скопје, 25 – 26 јуни 2012 г. Скопје, 2015. С. 23–38.
28. Викторова К. За сьюзната природа на ДА в българския език // Български език. 2003. №2-3. С. 19-47.
29. Викторова К. Функционален развој на *da*-конструкцијата в сьвременниа български език // Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С.185-224.
30. Виноградова Л. Н., Седакова И. А. Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т.; под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286-294.
31. Војводић Д. О вокативним и императивним типовима каузације у руском и српском језику // Јужнословенски филолог, 2003, № 59, С. 153-174.
32. Гајдова У. *Да*-конструкциите во условниот период // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / ред. З. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2014. С. 62-78. <http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjunktivICAL2014.pdf>
33. Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). Л.: Наука. 1967.
34. Габинский М. А. Балканский инфинитив: очередной этап дискуссии. Антикритический обзор. Кишинёв: Центральная типография, 2008.
35. Геннадиева-Мутафчиева З. Подчинителният сьюз *da* в сьвременниа български език. София: БАН, 1970.
36. Георгиевски Г. Инфинитивот и неговите еквиваленти во македонските текстови од XII до XIV век. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1990.
37. Георгиевски Г. *Да*-реченицата во македонскиот јазик. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2009.

38. Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
39. Голомб З. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик. 1960-1961. № 11-12/ 1-2. Скопје: МАНУ. С. 113-182.
40. ГСБКЕ Т.2 – Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2. Морфология. София: Българската академия на науките, Институт за български език, 1983.
41. ГСБКЕ Т.3 – Граматика на съвременния български книжовен език. Том 3. Синтаксис. София: Българската академия на науките, 1983.
42. Грицкат И. Студије из истојије српскохрватског језика, Београд, 1975.
43. Гудков В. П. Сербохорватский язык. М: Изд. Московского университета, 1969.
44. Гудков В. П. К изучению конструкций с *да* в сербохорватском языке. // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна. М.: Изд. «Наука», 1971. С. 146-150.
45. Гудков В. П. В поисках закономерностей морфологического варьирования в сербохорватском литературном языке. (К вопросу о функционировании заменяющей инфинитив конструкции) // Грамматические очерки, Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. С. 169–183.
46. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
47. Гуськова С. В. Заголовочный комплекс в СМИ: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
48. Деянова М. Към дискусиата за *да*-конструкцията в новобългарски // Български език. 1979. № 5. С. 422–425.
49. Деянова М. Подчинени изречения със съюз *да* в съвременния словенски книжовен език. София, 1985.
50. Деянова М. Из историята на *да*-конструкцията в българския език // Български език. 1986. № 6. С. 485–495.
51. Добрушина Н. Р. К типологии опатива // Плунгян В.А. (ред.) Исследования по теории грамматики: Вып.1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001а. С. 7-28.
52. Добрушина Н. Р. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям, 2001б. <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/dobrushinan/>
53. Добрушина Н.Р. Наклонения и дискурсивный режим текста на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 135-160.
54. Добрушина Н. Р. Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48–75.
55. Добрушина Н. Р. Наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М. 2014а. URL: <http://rusgram.ru/Наклонение>
56. Добрушина Н. Р. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М. 2014б. URL: <http://rusgram.ru/Императив>.
57. Добрушина Н. Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс...докт. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2016.
58. Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.) Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965.
59. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. (Под ред. Г.А. Золотовой). М.: ИРЯ РАН, 2004.

60. Иванова Е. Ю. Русские параллели болгарской *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. ред. З. Тополињска. Интернет-верзија на Зборникот, Скопје: МАНУ, 2014. С. 107-162.
61. Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015.
62. Иванова Е. Ю., Бужаровска Е. Эпистемические вопросительные частицы **да не** в македонском и **да не би** в болгарском языках. // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 3, Москва: МПГУ, 2016. С. 150-169.
63. Иванова Е. Ю. Составные отрицательные формы императива в болгарском и македонском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. №3. С. 507-541.
64. Иванова Е. Ю. *Да*-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 171–205.
65. Иванова Е. Ю. Подчинительный союз *да/да* в южнославянских языках // Филология и человек. №1. 2019а. С. 7-22.
66. Иванова Е. Ю. Граматически категории в структурата на българското подчинено изречение: контекстово обусловени значения и реликтови състояния // Български език, Приложение / Bulgarian Language, Supplement, 66. 2019б. С. 31–48.
67. Ивић М. О реченицама типа *Ко то каже / Ко да то каже* // Наш језик, XXXII/3-4. 1998. С. 131-134.
68. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Врпо: L. Marek, 2005.
69. Исаченко А.В. К вопросу об императиве в русском языке // РЯШ. 1957, №6. С. 7-14.
70. Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева М.: Гнозис, 2004. 476 с.
71. Караџић В. С. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. У Бечу: У штампарији Јерменскога манастира, 1849. <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/768>
72. Кибрик А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
73. Кикило Н. И. Независимая *да*-конструкция в заголовках статей СМИ и рекламных слоганах (на материале македонского и сербского языков) // ZDF 7: Zbornik radova s Međunarodnog znanstvenog skupa Zadarski filološki dani 7 organizovanog u Zadru i Biogradu 22. i 23. rujna 2017. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2019. S. 365–377.
74. Кикило Н. И. Взаимодействие категорий лица, числа и модальности в ирреальных конструкциях македонского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020а. Т. 12, вып. 2. С. 25–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-25-33
75. Кикило Н. И. Особенности оптативной модальности в македонском языке (на примере функционирования независимой *да*-конструкции) // Славянский альманах. 2020б. № 1-2. С. 301-323.
76. Кикило Н.И. Дискурсивная функция независимой *да*-конструкции в македонском языке // Славяноведение, 2017, №1. С. 95-102.
77. Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.
78. Китевски М. Говорни народни умотворби / избор, редакција, предговор и белешки Скопје: Камелеон, 2011.

79. Ковачевић М. Може ли се рећи: Ја ћу да дођем? // Језик данас : гласило Матице српске за културу усмене и писане речи, бр. 1/2, 2014. С. 10-29.
80. Козинцева Н. А. Категорија евиденцијалности (проблеми типологическог анализа) // Вопросы языкознания, № 3, 1994. С. 92–104.
81. Козинцева Н. А. Типологија категорије засвидетелствованности // (Отв. ред.) В. С. Храковский. Эвиденцијалност в языках Европы и Азии. Сб. стат. памяти Н. А. Козинцевой. СПб: Наука, 2007. С. 13-37.
82. Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје: Култура, 1986.
83. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Просветно дело АД, 2004.
84. Конески К. Значењата на императивот во македонскиот јазик (I) // Македонски јазик, XXIV, 1973, Скопје. С. 131-157.
85. Конески К. Значењата на императивот во македонскиот јазик (II) // Македонски јазик, XXV, Скопје, 1974. с. 145-171.
86. Корди Е. Е. Оптативност // Теорија функционалне грамматики. Темпоралност. Модалност. Л.: Наука, 1990. С. 170–185.
87. Котин М. Л. Нереален условен период и автономно предложение желателног условия: проблеми граматическог статуса // Вопросы языкознания, 2017, №2. С. 109-130.
88. Кречмер А. Г., Невекловски Г. Сербохрватски јазик (србски, хорватски, боснијски јазици) // Языки мира: Славјански јазици. РАН. Институт за јазикознание; Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 139-198.
89. Куцаров И. Преизказането во бугарски јазик. Софија, 1984.
90. Куцаров И. Теоретична граматика на бугарски јазик. Морфологија. Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 2007. С. 265-280.
91. Куцаров К. Да како константен сигнализатор на следходност // Езикът: историја и съвременност. Сборник од Юбилејна научна конференција во Шуменскиот универзитет “Епископ К. Преславски”. Шумен, 2002.
http://georgesg.info/belb/personal/kucarovk/da_sled.htm
92. Майсак Т. А. Типологија граматикализација на конструкции со глаголи на движење и глаголи на позиција. М.: Языки славјанских культур, 2005.
93. Макарова А. Л. О формах и функциях перфекта во западномакедонските дијалекти // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. С. 217-234.
94. Макарец М. М. Эвиденцијалност во просторно-балканскиот текст. Ин-т славјановедения РАН. СПб.: Нестор-История, 2014.
95. Малџиева В. Характеристика на ДА-конструкцијата во бугарски јазик со оглед на нејните функционални еквиваленти во славјанските јазици // Съпоставително јазикознание, 1990, кн. 4-5. С. 213-218.
96. Мальчуков А.Л., Храковский В.С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора // Вопросы языкознания, №6, 2015. С. 9-32.
97. Марковиќ М. Ароманскиот и македонскиот говор од Охридско-струшкиот регион (во балкански контекст). Скопје: МАНУ, 2007.
98. Минова-Ѓуркова Л. Синтакса на македонскиот стандартен јазик. Скопје: Магор, 2000.
99. Марковиќ Р. Имао, па немао...(народне клетве и заклетве). Чачак: Мултиграф, 1994. С. 103.
100. Маслов Ју. С. К семантике бугарског конјунктива // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 64. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 3-10.

101. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка: Для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981.
102. Маслова А. Ю. Средства выражения побудительного значения в сербохорватском языке в сопоставлении с русским. Автореф. дисс на соиск...канд. филол. наук. М., 1998.
103. Маслова А. Ю. Конвенциональные косвенные директивы в форме вопроса (на материале русского и сербского языков) // Коммуникативное поведение. Redakcja naukowa: L. Szypielewicz, I. Sternin. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Вып. 28: Коммуникативное поведение славянских народов (русские, украинцы, белорусы, поляки, сербы), 2007. С. 139-147.
104. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск, 2008.
105. Маслова А. Ю. Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. № 6-2. С. 414-417.
106. Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
107. Мейе А. Общеславянский язык: Пер. с фр. / Общ. ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд. гр. «Прогресс», 2001.
108. Митковска Л., Бужаровска Е. За *има*-перфектот во македонскиот стандарден јазик // Прилози XXXV 1, Скопје: МАНУ, 2010. С. 45-71.
109. Митковска Л., Бужаровска Е. За употребата на *има*-перфектот во македонскиот стандарден јазик во релација со конкурентните глаголски форми // (Тополињска З. (уред.) Перифрастични конструкции со 'esse' и 'habere' во словенските и во балканските јазици. Скопје: ИЦАЛ, МАНУ, 2011. С. 55-82.
110. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред В. Ю. Михальченко. М.: ИЯРАН, 2006. С. 175–176.
111. Молошная Т. Н. Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.: Институт славяноведения, 1990. С. 114–130.
112. Молошная Т. Н. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 60-151
113. Молошная Т. Н. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М.: Институт славяноведения РАН, 2001.
114. Мочос В. С. О некоторых значениях глагольной формы с частицей *va* в греческом языке // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М.: Наука, 1971. С. 142–159.
115. Мургоски З. Толковен речник на современот македонски јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005.
116. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008.
117. Николовска В. Функционалните особености на лексемата *камо* // Македонски јазик, LXX, 2019. С. 77-91.
118. Ницолова Р. Българските *да*-форми в балкански контекст. *Litera et lingua. Series Dissertationes.* 2007a, vol. 1. С. 7-18. <https://naum.slav.uni-sofia.bg/sites/default/files/nitsolovar.pdf>

119. Ницолова Р. Модализираната евиденцијална система на болгарскиот јазик // Отв. ред. В. С. Храковски. Евиденцијалност во јазиците на Европа и Азија. Сб. стат. на почит на Н. А. Козинцева. СПб: Наука, 2007. С. 107-197.
120. Ницолова Р. Българска граматика. Морфологија. Софија: Софийски универзитет «Св. Климент Охридски», 2008.
121. Норман Б. Ју. Болгарскиот јазик. Минск: Изд-во БГУ, 1980.
122. НГ – Нормативна граматика на српскиот јазик. Уред. П. Пипер, И. Клајн. Нови Сад: Матица српска, 2014.
123. Остин Д. Л. Слово како дејствие // Новото во меѓународната лингвистика. Вып. 17: Теорија на речните акти. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
124. Павлов В. М. О местото на «аналитичката форма на зборот» и «аналитичката конструкција» во граматичката система // Типологија. Граматика. Семантика. СПб.: РАН, Ин-т лингвист. исл., 1998. С. 235-245.
125. Падучева Е. В. Изјавување и негово сооднесување со реалноста. М.: Наука, 1985.
126. Падучева Е. В. Конструкција со независен инфинитив. Материјали за проектот на корпусно опишување на руската граматика. На основа на ракопис. М. 2017. URL: <http://rusgram.ru>
127. Падучева Е. В. Семантички истражувања (Семантика на времето и видовите во рускиот јазик; Семантика на наративот). М.: Школа «Јазици на руската култура», 1996.
128. Падучева Е. В. Эгоцентрични единици на јазикот. 2-о изд. М: Изд. дом. ЯСК, 2019.
129. Пејев К. За една малку позната архаична црта на југоисточните македонски говори // Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Т.1., 1999. С. 403-409.
130. Пејев К. Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Т.1. Скопје: НИП «Студентски збор», 1999.
131. Петроска Е. Евиденцијалноста и евиденцијалните стратегии во македонскиот јазик // Перифрастични конструкции со ‘esse’ и ‘habere’ во словенските и во балканските јазици (уред. Зузана Тополињска). Морфосинтаксички студии 2. Скопје: 2011. С. 29-39.
132. Пипер П. Српски јазик // Јужнословенски јазици: граматичка структура и функција (уред. П. Пипер). Београд: Београдска књига, 2009. С. 381-533.
133. Плунгян В. А. Обична морфологија: Воведение во проблематиката. М.: Редакциски УРСС, 2000.
134. Плунгян В. А. Воведение во граматичката семантика. Граматичките значења и граматичките системи на јазиците на светот. М.: РГГУ, 2011.
135. Попов Б. Положај на српскохрватскиот јазик во балканскиот јазички савез // Јужнословенски филолог XL, Београд: Инст. за српскохрватски јазик, 1984, С. 21-45.
136. Попов К. По впраша за «българскиот конјунктив» // Јазик и литература, №5. 1963/1976. С. 100-106.
137. Попова Т. П. Сербохрватскиот јазик: Учеб. за студентите на висшите училишта по спец. «Рускиот јазик и литература» М.: Высш. шк., 1986. С. 6-17
138. РБЕ – Речник на българскиот јазик. Том 3, Г – Дејтели. Софија: Изд-во на Българската Академија на науките, 1981.
139. РМЈ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Ред. Б. Конески. Составувачи: Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А-Н, Скопје, 1961. Т. II: О-П, Скопје, 1965. Т. III: Р-Ш, Скопје, 1966.
140. РМНП – Речник на македонската народна поезија. Под редакција на Т. Димитровски. Скопје. Том I: А-Г. Скопје, 1983, XXIII, – 452 с. Том II: Д-С.

- Скопје, 1987. – 506 с. Том III: И-К. 1993. Скопје, – 529 с. Том IV: Л-М. 2001. Скопје, – 379 с.
141. РСХКJ 1 – Речник српскохрватскога књижевног језика, књига 1 (А-Е), Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска, 1967.
 142. РСХКJ 3 – Речник српскохрватскога књижевног језика, књига 3 (К-О), Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска, 1969.
 143. РСJ – Речник српскога језика. Уред. М. Николић. Нови Сад: Матица српска, 2011.
 144. Сашева Иванова В. Полифункционалното ДА в българския език. (Функционално-семантични и модални особености на независимите *да*-изречения в съвременния български език). Велико Търново: УИ «Св.св. Кирил и Методий», 2015.
 145. Сведенцова Е. А. Время в старославянском императиве? // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 157–163.
 146. Сведенцова Е. А. *Да*-конструкции и время в старославянском императиве // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, Т. X, №3, 2014. С. 611-656.
 147. Седлачек Ј. Српскохрватске потврде о развиту реченица са *да* у јужним словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XII, Св. 2, 1970. С. 59–69.
 148. Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Т. 1 / А. М. Селищев. Казань: литотип. т-ва «Умид», 1918.
 149. Селищев А. М. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. (С этнографическою картою Полога). София: Изд. Македонского научного института, 1929.
 150. СССJ – Синтакса савременога српског језика: проста реченица. (уред. М. Ивић). Београд: Институт за српски језик САНУ. Нови Сад: Матица српска, 2005.
 151. Соболев А. Н., Русаков А. Ю. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. XIV Международный съезд славистов в Охриде, Македония. СПб: Наука, 2008.
 152. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М: Гнозис, 2014.
 153. Стевановић М. Напоредна употреба инфинитива и презента са свезнициом *да* // Наш језик. Књ. V, св. 3-4, Београд: САНУ, 1953. С. 85-103.
 154. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. (граматички системи и књижевнојезична норма). Књ. II: Синтакса. Београд: Научна књига, 1989.
 155. Стешевич В. Ю. Аналитические способы выражения побуждения к совместному действию в русском и сербском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Москва, 2014а. № III: 3(38). С. 20–35.
 156. Стешевич В. Ю. Способы побуждения 3-го лица в русском и сербском языке // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2014б. № 2(44). С. 277–285.
 157. Стешевич В. Ю. Автопобуждение в русском и сербском языках // Славяноведение, № 1. М., 2015а. С. 93-100.
 158. Стешевич В. Ю. Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках. Дисс на соиск. ...канд. филол. наук. М., 2015б.
 159. Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Ред. 3. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2014.

160. Танасић С. О употреби глагола *требати* // Наш језик. Књ. XXX, св. 1-5, Београд: САНУ, 1995-1996. С. 44-52.
161. Танасић С. Презент у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996.
162. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001.
163. Толстой Н. И. Сербскохорватско-русский словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1982.
164. Тополињска З. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Синтакса. Том I. Скопје: МАНУ, 1995.
165. Тополињска З. Што да правам? – еден интересен модел на прашална да-конструкција // Прилози XXIII 1–2. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 1998. С. 71–75.
166. Тополињска З. О српским *нека*-конструкцијама у функцији реченичних аргумената // Јужнословенски филолог, №55, 1999. С. 21-28.
167. Тополињска З. Има ли субјунктив во македонскиот и/или во полскиот глаголки систем? // Полски – македонски: Граматичка конфронтација 3, Студии од морфосинтакса. Скопје: МАНУ, 2000. С. 89–137.
168. Тополињска З. Балкански карактер на македонскиот глаголки систем // Зборник на трудови од собирот «Македонскиот глагол: синхронија и дијахонија», 1-2 март, Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Скопје, 2001. С. 17-24.
169. Тополињска З. Балканското во граматичката структура на словенските балкански јазици // Прилози. XXVII 1-2, Скопје: МАНУ, 2002. С. 7-21.
170. Тополињска З. Полски – македонски: Граматичка конфронтација. 8. Развитие на граматичките категории. Скопје: МАНУ, 2008.
171. Тополињска З. Семантичка / граматичка категорија *дистанца*? // Предавања на МСМЈЛК, Скопје, 2009. С. 45-52.
172. Тополињска З. Организација на не-фактивната зона во вербалниот систем во македонскиот и во полскиот јазик // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. ред. З. Тополињска. Скопје: МАНУ, 2014. С. 218-230.
173. Тофоска С. За употребата на самостојните да-конструкции со имперфект во македонскиот јазик // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции. Ред. З. Тополињска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014. С. 230-245.
174. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006.
175. ТРМЈ 1 – Толковен речник на македонскиот јазик. Т.1: А-Ж. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2003.
176. ТРМЈ 3 – Толковен речник на македонскиот јазик. Т. 3: Л-О. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2006.
177. Трофимова Н. А. От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов. СПб: ИВЭСЭП, 2011.
178. Усикова Р.П. Способы передачи чужой речи в македонском литературном языке // Македонски јазик. 1981-1982. С. 738-747.
179. Усикова Р. П. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје, 1985.
180. Усикова Р. П. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје, 2000. (Второе, дополненное издание).
181. Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003.

182. Усикова Р. П. Македонските *да*-конструкции и нивните руски еквиваленти // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски 3. Материјали од Третата македонско-руска научна славистичка конференција, Охрид, 9-11 август 2001 г. Скопје: УКИМ, Филолошки факултет «Блаже Конески», 2006. С. 83-90.
183. Ухлик М., Желе А. *ДА*-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 87-113.
184. Фекете Е. Морфолошки и семантичко-синтаксички модели у императивном значењу // Южнословенски филолог, LXIV, 2008. С. 517-530.
185. Фелешко К. Од проблематиката на таканаречената конструкција со *да* // Македонски јазик, XXV, Скопје, 1974. С. 137-144.
186. Фридман В. Адмиративност во балканските јазици: Категорија против употреба // Македонски јазик XXXI, Скопје: 1980. С. 121-129.
187. Фридман В. Типологијата на употребата на *ДА* во балканските јазици // Прилози XII. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 1987. С. 109–119.
188. Фридман В. Македонистички студии. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2011.
189. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986.
190. Хачатурян Е. В. Семантическая структура слова *скажем*: общая ответственность и условная адекватность // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. (Сост. К. Л. Киселева, Д. Пайар). М: «Азбуковник», 2003. С. 80-103.
191. Храковский В. С. (отв. ред.) Типология императивных конструкций. СПб: Наука, 1992.
192. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986 (цит. по изд. 2001).
193. Цивьян Т. В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979.
194. Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013а.
195. Циммерлинг А. В. Типология порядка слов в славянских языках // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. В.В.Иванов (отв. ред.), П. М. Аркадьев (ответственный секретарь и составитель). СПб.: Алетейя, 2013б. С. 7-80.
196. Цыхун Г. А. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках (балканославянская модель). Минск: Наука и техника, 1968.
197. Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Мн.: Наука и техника, 1981.
198. Цыхун Г. А. О системном статусе некоторых балканских языковых черт // Македонски јазик, XXV, 1974, Скопје. С. 171-181.
199. Чакърова К. Повелителните *да*-конструкции в съвременния български език и проблемът за "българския конюнктив" // Славистика. III. В чест на XIV международен конгрес на славистите, Охрид, 2008 г., Пловдив, 2008. С. 98-112.
200. Чакърова К. Императивът в съвременния български език. Пловдив, 2009.
201. Чашуле И. Модалните глаголи во македонскиот јазик. Прилози. XIV 2, 1989. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите. С. 89-117.
202. ЭССЯ 1977 – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977.
203. Языки мира: Славянские языки (изд. 2-е, испр. и доп.) / Ред. колл. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. СПб.: Нестор-История, 2017.

204. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230. (1-ое изд. 1960).
205. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сб.статей / Под ред. Б. А. Успенского. М.: Наука, 1972. С. 95-113.
206. Aikhenvald Y. A. Evidentiality. Oxford University press Publ., N.Y. 2004.
207. Amman A., van der Auwera J. Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe — a Balkanism? // *Balkan Syntax and Semantics*. Amsterdam, 2004. P. 293–314.
208. Bužarovska E., Mišeska Tomić O. Subjunctive relatives in Bulgarian and Macedonian. Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expressions. Research Center for Areal Linguistics, MANU, Skopje, 2009. http://ical.manu.edu.mk/cal/Morpho-syntactic%20similarities/008_Buzarovska_Miseska%20Tomic.pdf
209. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
210. Bybee J. L. Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form. Volume 9 of Typological studies in language. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
211. De Haan F. Coding of Evidentiality. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (<http://wals.info/chapter/78>, Accessed on 2020-04-26)
212. Evans N. Insubordination and its uses. In Irina Nikolaeva (ed.) *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*, Oxford University Press, New York, 2007. Pp. 366-432
213. Friedman, V. A. On the Semantic and Morphological Influence of Turkish on Balkan Slavic. Papers from the Fourteenth Regional Meeting: Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society. 1978. Pp. 108-118.
214. Friedman, V. A. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian. *Studies in Evidentiality* ed. by Alexandra Aikhenvald and Robert Dixon, Amsterdam: Benjamins. 2003. Pp. 189-218.
215. Friedman, V. A. *Macedonian Studies 2*. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2015.
216. Gołab Z. Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach pd.-słowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbo-chorwackim) // *Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego*, 1954, zeszyt XIII. S. 67-93.
217. Gołab Z. The Problem of Verbal Moods in Slavic Languages // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, VIII, 1964. Pp. 1-36.
218. Graves N. Macedonian – a language with three perfects? // Dahl O. (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 479- 494
219. Grosz P.G. On the grammar of optative constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
220. Haspelmath M., Michaelis S.M. Analytic and synthetic: Typological change in varieties of European languages // *Selected papers from the Eighth International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 8)*, Leipzig, May 2015 (ed. Buchstaller I., Siebenhaar B.). Amsterdam: Benjamins, 2017. Pp. 3-22.
221. Lindstedt J. Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement // D. G. Gilbers & al. (eds.) *Languages in Contact*. Amsterdam & Atlanta, GA, 2000. Pp. 231–246.
222. Južnosovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije. Beograd, 2009.

223. Ivić M. Slovenski imperativ uz negaciju // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine X, knj. 4. Sarajevo, 1958.гуд
224. Kramer K. Analytic Modality in Literary Macedonian // Proceedings of the 5th International Congress of Southeast European Studies. Columbus: Slavica 1984. Pp. 262-277.
<http://sites.utoronto.ca/slavic/kramer/Kramer%20PDF/AnalyticModalityInLiteraryMac.PDF>
225. Kramer Ch. E. Analytic Modality in Macedonian. Munich: Verlag Otto Sagner, 1986.
226. Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic Typology 3. 1999. Pp. 91–109.
227. Lazard G. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of Pragmatics, Volume 33, Issue 3, March 2001, Pp. 359-367.
228. Letuchiy A. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72. 2008. Pp. 215–238.
229. Lindstedt J. Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement. In Languages in Contact, edited by D. G. Gilbers & al. Amsterdam & Atlanta, GA: Rodopi, 2000. Pp. 231–246.
230. Lindstedt J. The perfect – aspectual, temporal and evidential // Dahl, Ö. (ed.), Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 366-383.
231. Lunt H. G. A grammar of the Macedonian literary language. Skopje, Drzhavno knigoizdatelstvo Publ., 1952 (cite ed. 2012).
232. Małecki M. Dwie gwary macedońskie (Suche i Wysoka w soluńskim). Część I: Teksty. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1934.
233. Małecki M. Dwie gwary macedonskie (Suche i Wysoka w solunskiem. Czesc II: Slownik. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1936.
234. Maretić T. Veznici u slovenskim jezicim // Rad JAZU, br. 86. S.132-150.
235. Mauri C., Sansò A. 2016. The linguistic marking of (ir)realis and subjunctive. J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.) The Oxford Handbook of Modality and Mood. P. 166-196.
236. Mišeska Tomić O. Balkan Sprachbund. Morpho-syntactic Features. Dordrecht: Springer, 2006.
237. Musić A. Rečenice s konjunkcijom „da“ u hrvatskom jeziku. RAD, Zagreb, 1900.
238. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
239. Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics 33, 2001. Pp. 349-357.
240. Sandfeld K. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris: Édouard Champion. 1930.
241. Sobolev A. N. Areal typology and Balkan (morpho-)syntax // Balkan syntax and universal principles of grammar. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs. TiLSM 285). B. Joseph and I. Krapova (Eds.). Berlin; New York: de Gruyter Mouton, 2019. P. 49–69.
242. Schaller H. W. Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg: Winter, 1975. Pp. 207.
243. Tanasić S. O imperative u savremenom srpskohrvatskom jeziku // Književni jezik. Sarajevo, 1984. XIII. Br.1. S. 15-26.
244. Weigand G. Bulgarische Grammatik. Leipzig: J. A. Barth, 1917. Pp. 145-146.
<https://opacplus.bsb-muenchen.de/Vta2/bsb00117054/bsb:BV005044461?queries=Belgrad&language=d&c=default>
245. Wiemer B. *Mora da* as a marker of modal meanings in Macedonian // Modes of Modality: Modality, typology, and universal grammar. Ed. by Elisabeth Leiss and Werner Abraham. [Studies in Language Companion Series 149], 2014. Pp. 127-166.

Пример № 72, стр. 78

Пример № 73, стр. 78

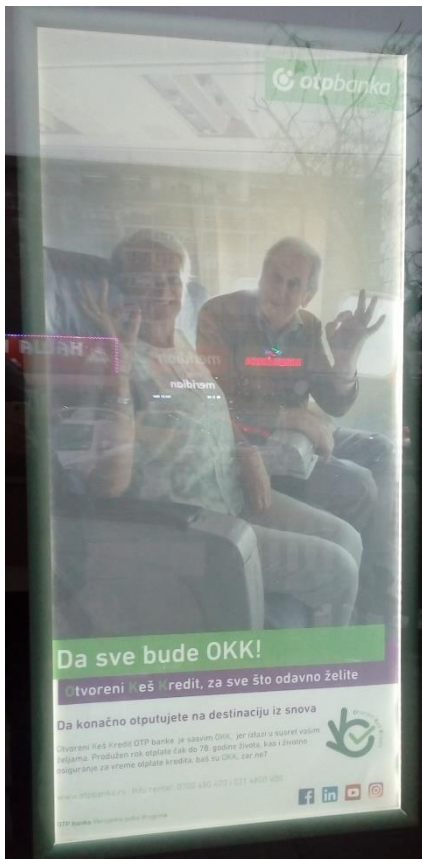
Пример № 74, стр. 78

Пример № 228, стр. 119

Пример № 270, стр. 133

Пример № 271, стр. 133

Пример № 272, стр. 133

Пример № 357, стр. 166

Пример № 368, стр. 169

Пример № 390, стр. 186

